

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Дніпродзержинський державний технічний університет

Міжнародна науково-практична конференція

ДЕНЬ НАУКИ

(17–18 листопада 2011 року)

Збірник наукових праць

*За загальною редакцією професора,
доктора філологічних наук
Ю. О. Шепеля*

Дніпропетровськ
Видавець Біла К.О.
2011

УДК 39+81+93

ББК 80

Д34

ОРГКОМІТЕТ КОНФЕРЕНЦІЇ

Голова організаційного комітету:

Садовой О.В., проректор ДДТУ з наукової роботи, проф.

Заступник голови:

Шепель Ю.О., д.філол.н., проф.

Члени оргкомітету:

Горпинич В.О., д.філол.н., проф.

Теркулов В.І., д.філол.н., проф.

Конох М.С., д.філос.н., проф.

Донченко С.П., д.іст.н., проф.

Богомаз К.Є., д.іст.н., проф.

Ктітарова Н.К., к.філол.н., доц.

Секрет І.В., к.псих.н., доц.

Воронова З.Ю., к.філол.н., доц.

Сорокіна Л. к.соціол.н., доц.

Вчений секретар конференції:

Чернова А.В., к.філол.н., ст.викл.

Д 34 День науки : зб. наук. праць II Міжнар. наук.-практ. конф., 17–18 листоп. 2011 р. / за заг.
ред. Ю. О. Шепеля. – Дніпропетровськ : Біла К.О., 2011. – 120 с.

ISBN 978-617-645-010-8

У збірнику надруковано матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції, яка
відбулася 17–18 листопада 2011 року у м. Дніпродзержинськ (Україна).

Для студентів, аспірантів, викладачів вишів та наукових закладів.

УДК 39+81+93

ББК 80

ISBN 978-617-645-010-8

© Авторський колектив, 2011

Шепель Ю.А.

Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара, Украина
**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Статус суверенной науки является для лингвистики естественным и постоянным, а влияние других научных дисциплин – мощным, но времененным.

Интерес исследователей к современным языковым проблемам и успехи в их решении являются закономерным и естественным результатом развития как самой филологической науки, так и других отраслей человеческого знания, а в совокупности – осознанием фундаментального свойства человеческого языка – *антропоцентризма*.

Актуальность настоящей работы определяется тем, что новая антропоцентристическая научная парадигма в языкоznании позволила взглянуть на язык не как на имманентную сущность, а как на средство выражения и формирования *homo sapiens* и *homo loquens* и открыла новые перспективы для изучения этноцентризма речевысказательной деятельности. Сегодня внимание многих исследователей, работающих в рамках новой научной парадигмы, привлекают такие феномены, как ментально-лингвальный комплекс, языковое сознание субъекта коммуникации, концептосфера, национально-культурное пространство, т.е. те феномены, которые стоят за дискурсом и предопределяют его национально-культурную специфику.

Объектом настоящего исследования является концептосфера произведения Э. Вартона «*Ethan Frome*».

Цель статьи заключается в выявлении ведущих концептов, их наиболее характерных черт в рамках этого произведения.

Безусловно, произведение подобного рода не могло остаться без отзывов современников и литературных критиков, а также приобрело широкую популярность среди любителей романов с драматической сюжетной линией. Принаследавшая к нью-йоркской аристократии Эдит Вартон (1862–1937), в своих произведениях раскрыла слабые стороны старого общественного уклада, с его ограниченной культурой и жесткими нормами поведения. Местом действия самого известного своего произведения, повести «*Ethan Frome*» (1911), она выбрала унылую Новую Англию, с иронией и убедительностью поведав историю подавленной любви. Произведение повествует нам о жизни обедневшего фермера Итана Фроума, который после смерти родителей вынужден был жениться на своей кузине Зенобии. После нескольких утомительных лет совместной жизни, в жизни Итана появляется молодая и красивая девушка Мэтти Сильвер, родственница Зенобии. Итан чувствует определенные обязательства перед своей женой, и это не дает ему возможности оставить ее и остаться с Мэтти. Единственный выход из случившейся ситуации Итан и Мэтти видят в смерти. Они решают покончить с собой, но их попытка заканчивается провалом. Они оба остаются живы, но при этом сильно покалечены, и теперь Итан вынужден обеспечивать сразу же двух женщин, свою жену и свою покалеченную возлюбленную.

Центральный персонаж носит имя Ethan Frome. Имя Ethan изначально заключает в себе некую сему греховности, а согласно сюжету, поступки персонажа с данным именем часто не могут быть одобрены истинным пуританином. Проявление семы греховности проявляется и на лексическом уровне. Слово «*Sin*» часто встречается на протяжении всего произведения.

Другим центральным персонажем является жена Итана, женщина с именем Zenobia (производное ласкательное имя – Zeena). «*Zenobia*» named after Zenobia, Queen of Palmyra, who openly defied the Roman Emperor A.D. 270. Thus any powerful ambitious woman» [Ethan Frome, 1911: 4]. Словарь Вебстера (Webster's International Dictionary) представляет следующую трактовку данного имени: «A beautiful and strong-minded woman ...» [Webster's International Dictionary, 1894: 1716]. Оба толкования сходятся в том, что обладательница данного имени способна стойко выстоять в любых жизненных ситуациях, что мы и наблюдаем в произведении.

Третий немаловажный персонаж произведения – Matty Silver. Словарь Вебстера (Webster's International Dictionary) дает такое определение слова «*silver*»: sweet, gentle, peaceful; bright, resplendent, white; precious. Для Итана она является как раз чем-то «нежным», «светлым», «драгоценным», «великолепным». Это символ доброты, красоты и чего-то светлого.

Выбор имени не только определяет образ, характер и поведение персонажей в тех или иных ситуациях, но и усиливает восприятие произведения в целом и способствует более глубокому пониманию целей автора.

Действие произведения «*Ethan Frome*» происходит в протестантской Новой Англии. Большинство исследователей связывает основные характеристики американского характера с основополагающей ролью протестантизма и предлагают следующий набор характеристик: высокая ценность плодотворного действия, аскетизм, рационализм, практицизм, утилитаризм, pragmatism [Бочегова, 2005: 41].

В связи с этим следует обратить внимание на слово «призвание» (*calling*). Оно впервые появилось в Библии и далее обрело свое наполнение во всех светских языках народов, исповедующих протестантизм. Новое в этом понятии то, что выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая нравственная задача человека.

Говоря о концептуальном пространстве данного произведения, можно выделить концепты «*love*», «*sin*», «*duty*» как наиболее значимые. Данные концепты пронизывают все произведение и неразрывно связаны друг с другом. Они являются своего рода символами страданий Итана Фроума, его безысходности и невозможности что-либо изменить.

Концепт «*love*», как один из наиболее важных и ярко выраженных, включает в себя такие понятия как «доброта», «близость», «забота», «трепетное отношение», «ухаживание», «страстное желание», «всплеск эмоций», что прослеживается на протяжении всего произведения. В качестве лексической презентации данного концепта можно выделить такие единицы, как «*care*», «*intimacy*» и «*inclination*», «*outburst of emotion*», «*to woo*». Следует также обратиться к определениям данной лексической единицы, представленным в

этимологических словарях. Так, например, этимологический словарь под редакцией Вебстера (Webster's International Dictionary) дает следующие определения концепта «love»: «to regard with passionate and devoted affection, as that of one sex for the other», «affection; kind feeling; friendship; strong liking or desire; fondness; good will», «especially, devoted attachment to, or tender or passionate affection for, one of the opposite sex». По определению Оксфордского словаря под редакцией Hornby (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English) «love» – это: «warm, kind feeling between two persons; sexual passion or desire». Если обратиться к словарю Longman Dictionary of Contemporary English, то можно обнаружить следующее определение: «a strong feeling of fondness for another person, especially between people of the opposite sex». Macmillan English Dictionary for Advanced Learner's же дает следующее определение: «someone you have a sexual or romantic relationship with». Рассмотренные выше определения объединяют в себе такие понятия как «intimacy» и «inclination», «outburst of emotion», которые в полной мере помогают нам понять характеры герой, их внутренний мир и их переживания. Будучи истинным пуританином, Итан не может действовать так, как велит ему сердце, не может быть с Мэтти, а вынужден мириться с предначертанным ему существованием, которое он не вправе изменить. Чувство, которое заставило его жениться на Зинобии, – это не любовь, а всего лишь боязнь остаться в одиночестве. Его мечтания и иллюзии, выраженные такими лексическими единицами, как «inclination», «to woo», «to long» можно проследить в следующих строках: *«They had never before avowed their inclination so openly, and Ethan, for a moment, had the illusion that he was a free man, wooing the girl he meant to marry. He looked at her hair and longed to touch it again, and to tell her that it smelt of the woods; but he had never learned to say such things»* [Ethan Frome, 1911: 63]. То есть, можно прийти к выводу, что страдания Итана Фроума намного сильнее, чем могут показаться на первый взгляд. Свидетельством тому может послужить нерешительность героя, боязнь признаться в любви к Мэтти.

Нельзя не отметить такие лексические репрезентанты концепта «love», как «intimacy» и «outburst of emotion», которые не менее остальных важны для понимания всей сущности отношений между Итаном и Мэтти: *«They spoke of every-day things... The commonplace nature of what they said produced in Ethan an illusion of long-established intimacy which no outburst of emotion could have given, and he set his imagination adrift on the fiction that they had always spent their evenings thus and would always go on doing so...»* [Ethan Frome, 1911: 38].

Рассмотрев концепт «love», мы не можем обойти стороной концепт «sin», который в данном произведении играет не менее важную роль, чем остальные концепты. Следует отметить, что проявление концепта «sin» тесно связано с основными догматами протестантской религии. Раскрытие образа Итана было бы неполным без раскрытия данного концепта. Рассматривая концепт «sin» в рамках данного произведения можно опираться на такие понятия как «нарушение моральных норм», «нарушение законов, предписан-

ных человеку Богом», а так же «тайное желание и влечение к человеку противоположного пола». Для полного понимания сущности данного концепта следует обратиться к этимологии слова «sin». Например, Вебстеровский этимологический словарь (Webster's International Dictionary) дает следующее определение: «to depart voluntarily from the path of duty prescribed by God to man; disobedience of the divine command; any violation of God's will, either in purpose or conduct; moral deficiency in the character; iniquity». Обратимся к Оксфордскому словарю под редакцией Hornby (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English): «breaking of God's laws; behaviour that is against the principles of morality». Что касается словаря Macmillan English Dictionary for Advanced Learner's, то по его определению «love» – это «disobedience to God; the breaking of law regarded as holy». Macmillan English Dictionary for Advanced Learner's под «love» понимает «an action, thought, or way of behaving that is wrong according to religious laws», а так же «an action or way of behaving that you think is morally wrong».

Говоря о лексических репрезентантах концепта «**sin**», можно выделить такие единицы, как «**passion**», «**to long**», а так же «**to fancy**».

Концепты «**love**» и «**sin**» неразрывно связаны друг с другом, так же как и понятия, репрезентующие их. Как было отмечено выше, Итан Фроум испытывал определенные обязанности перед Зинобией, а это согласно правилам протестантизма не давало ему возможности провести остаток своей жизни с человеком, которого он по-настоящему любил. Это обстоятельство угнетало его. Он был в не состоянии показать свои чувства к Мэтти, постоянно испытывал внутренние противоречия. Все это заставляло его испытывать душевные мучения. Герой не видит выхода из сложившейся ситуации.

Его тайную страсть к Мэтти мы можем обнаружить в следующих строках: «*The glow of passion he had felt for her had melted to an aching tenderness*» [Ethan Frome, 1911: 50].

Концепт греха также находит свое отражение в глагольном выражении «**to long to do something**», ср.:

«*He longed to stoop his cheek and rub it against her scarf. He would have liked to stand there with her all night in the blackness*» [Ethan Frome, 1911: 20].

Проявление таких понятий как «долг», «обязательство», и в некотором смысле «бессилие перед обстоятельствами» оказываются наиболее многочисленными и описываются с высокой степенью экспрессии. Очевидно, эти понятия включает в себя концепт «**duty**».

В качестве лексической репрезентации концепта «**duty**» можно рассматривать такие наиболее часто встречающиеся единицы как «**obligation**», «**inheritance**», «**suffering**», глагол «**have to**» и само название «**New England**», которое в свою очередь может быть охарактеризовано такими понятиями как «**farm**», «**L**», «**work**», «**grit**», а так же описанием свойственной данной местности природы.

Следует обратиться к определениям лексической единицы «**duty**», представленным в этимологических словарях. Например, этимологический словарь английского языка под редакцией Вебстера (Webster's International Dic-

tionary) дает следующее определение: «that which a person is bound by moral obligation to do, or refrain from doing; which one ought to do; service morally obligatory». Оксфордский же словарь под редакцией A.S. Hornby «настаивает» на том, что понятие «duty» – это «what one is obliged to do by morality, law, a trade, calling, conscience, etc». Что касается словаря Longman, то согласно его определению, «duty» – это «what one must do either because of ones job or because one thinks it right». Видно, что все приведенные выше определения объединяет общая мысль, отправной точкой для которой являются понятия «обязательство», «долг», выполнение которого продиктовано не только моральными устоями, но и жизненными обстоятельствами, связанными с деятельностью человека, истинного пуританина. Долг пуританина проявляется в его отношении к земле, дому, продолжении дела, начатого его родителями, ср.:

«The house was bigger in my father's time: I had to take down the 'L', a while back, checking with a twitch of the left rein the bay's evident intention of turning in through the broken-down gate» [Ethan Frome, 1911: 10].

«Frome's had been beyond the common measure, no one gave me an explanation of the look in his face which, as I persisted in thinking, neither poverty nor physical suffering could have put there» [Ethan Frome, 1991: 7].

«Beyond the orchard lay a field or two, their boundaries lost under drifts; and above the fields, huddled against the white immensities of land and sky, one of those lonely New England farm-houses that make the landscape lonelier» [Ethan Frome, 1911: 10].

Следует рассмотреть и само понятие «New England» с точки зрения его важности в понимании всей многогранной сущности концепта «duty». Как уже было отмечено выше, данное понятие является реалией и неотъемлемой частью жизни американцев и может быть раскрыто посредством таких понятий как «farm», «L», «work», «grit», а так же посредством описания свойственной данной местности природы.

Так, например, такая лексическая единица как «farm» встречается в тексте неоднократно, например: «*That Frome farm was always 'bout as bare's a milkpan when the cat's been round; and you know what one of them old water-mills is wuth nowadays*» [Ethan Frome, 1911: 7]. Состояние фермы Фроумов напоминает «пустой кувшин из-под молока», что в какой-то степени близко состоянию самого Итана. Автор специально при этом употребляет лексему «grit» (стойкость), которая очень ярко показывает нам сложную жизнь главного героя, чем отчасти и вызваны его страдания.

Природа и антураж Новой Англии специфичны – холодные, суровые зимы, одинокие дома, напоминающие «надгробья» – все это отражает характеры людей, проживающих здесь, ср.: «*Here and there a farmhouse stood far back among the fields, mute and cold as a grave-stone*» [Ethan Frome, 1911: 22], «*Sometimes, in the long winter evenings, when in desperation her son asked her why she didn't «say something,» she would lift a finger and answer: «Because i'm listening»; and on stormy nights, when the loud wind was about the house, she would complain, if he spoke to her: «They're talking so out there that I can't hear you»* [Ethan Frome, 1911: 29], «*A mournful peace hung on the fields, as though*

they felt the relaxing grasp of the cold and stretched themselves in their long winter sleep» [Ethan Frome, 1911: 33], а также: «... the profound accumulated cold of many Starkfield winters» [Ethan Frome, 1911: 8].

Следует отметить разницу в условиях жизни в городе и на ферме, что можно проиллюстрировать примером: «*Mattie Silver came from Stamford, and when she entered the Fromes' household to act as her cousin Zeena's aid it was thought best, as she came without pay, not to let her feel too sharp a contrast between the life she had left and the isolation of a Starkfield farm»* [Ethan Frome, 1911: 15].

Согласно М. Веберу, главное для пуританина, помимо всего прочего – это труд. В произведении можно обнаружить большое количество упоминаний слова «**work**», что, естественно неслучайно. Вот, например: «*He worked like ten at the unloading, and when it was over hastened on to Michael Eady's for the glue»* [Ethan Frome, 1911: 42], «*His hard day's work in the keen air made him feel at once lazy and light of mood...»* [Ethan Frome, 1911: 37].

Нельзя не отметить и своего рода символ Новой Англии, «L», который является характерной особенностью данной местности: «*I saw ... that the unusually forlorn and stunted look of the house was partly due to the loss of what is known in New England as the «L»: that long deep-roofed adjunct usually built at right angles to the main house, and connecting it, by way of storerooms and tool-house, with the wood-shed and cow-barn. Whether because of its symbolic sense, the image it presents of a life linked with the soil, and enclosing in itself the chief sources of warmth and nourishment, or whether merely because of the consolatory thought that it enables the dwellers in that harsh climate to get to their morning's work without facing the weather, it is certain that the «L» rather than the house itself seems to be the centre, the actual hearth-stone, of the New England farm»* [Ethan Frome, 1911: 10].

Проанализировав рассмотренные выше концепты, можно сделать вывод, что обозначенные нами для рассмотрения концепты «*love*», «*sin*», «*duty*» ярко выражены не только посредством лексики, но и в мыслях героев и традициях, которым они стремятся следовать.

Концепт – это многомерное образование. Он обладает достаточно сложной структурой и существует в сознании носителей языка. Совокупность концептов образует концептуальную картину мира, отражающую оценки, представления людей об окружающей их действительности. Языковая картина мира, в отличие от концептуальной, является более консервативным образованием. Она претерпевает изменения значительно медленнее, нежели концептуальная, изменения в ней, хотя и со временем, становятся очевидными, требуют более тщательного анализа.

Таким образом, *концептуальная модель* – это определенное множество понятий и связей между ними, являющихся смысловой структурой рассматриваемой предметной области, состоящей из перечня понятий, используемых для описания этой области, вместе со свойствами и характеристиками этих понятий.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что ядром концеп-

туальной модели произведения «Ethan Frome» является концепт «**duty**», который тесно связан различными типами внутритекстовых отношений с концептами «**love**» и «**sin**». Интегральный смысл произведения характеризуется амбивалентностью, что объясняется тем, что, в то время когда роман был написан, читатели считали, что Уортон наказывает своих героев за их желания. Сегодня мы могли бы интерпретировать ее произведение по-иному: их злополучная жизнь является результатом отказа от своих желаний в силу обстоятельств, которые продиктованы устоями Новой Англии, а также основными доктринами протестантизма.

Список использованных источников:

1. Бочегова Н.Н. Этнос. Культура. Язык / Н.Н. Бочегова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 160 с.

УКРАЇНСЬКА ТА РОСІЙСЬКА МОВИ У ВЗАЄМОДІЇ З ЄВРОПЕЙСЬКИМИ МОВАМИ

Бєширова С.О.

*Кримський республіканський інститут післядипломної педагогічної освіти,
Україна*

ТРАНСФОРМАЦІЇ СТІЙКІХ СПОЛУЧЕНЬ СЛІВ У РЕКЛАМНИХ ТЕКСТАХ

У рекламному вживанні стійкі сполучення слів (далі ССС), до яких ми відносимо загальномовні крилаті вислови, фразеологізми та паремії можуть піддаватися різним перетворенням. Будучи трансформованими, вони надають нових експресивних відтінків значення рекламному текстові.

Під трансформацією фразеологізмів ми розуміємо «будь-яке відхилення від загальноприйнятої норми, закріпленої у лінгвістичній літературі, а також імпровізовану зміну в експресивно-стилістичних цілях». Трансформація фразеологізмів може бути «дефектною» (фразеологічні помилки) та авторською (перетворення фразеологізмів у художніх цілях).

На тлі зростання інноваційних технологій потреба в точному перекладі інформаційних текстів зростає, а визначені ССС потребують додаткового глибокого всеобщного, компаративного дослідження.

Особливості функціонування трансформованих стійких сполучень слів у художніх текстах досліджено в наукових студіях Л.Г. Авксентьева, Л.Б. Давиденко, В.Д. Ужченка, В.А. Чабаненка, О.В. Бойко, Т.В. Цимбалюк, Л.Ф. Щербачук. У зарубіжному мовознавстві цю проблему розглядали такі лінгвісти, як М.М. Шанський, І.Я. Лепешев, О.В. Кунін, Л.М. Болдирєва, З.А. Павлова, М.О. Бакіна та ін.

Функціонування модифікованих стійких сполучень слів у мові сучасної української періодики дедалі активніше привертає увагу молодих дослідників (Т.П. Свердан, Н.О. Бойченко, І.І. Брага).

Найпоширеніший різновид трансформації – заміна опорного слова ССС: «*Всі дороги ведуть у MC DONALDS*»; «*Готуй сані влітку, змінив вікна взимку*». Вживання таких ССС буде ефективним, якщо зміна їх структури зумовлена змістом реклами.

Слово, що входить у ССС, може бути витлумачено начебто буквально в його основному ізольованому значенні; відбувається своєрідна руйнація нерозкладуваного за змістом словосполучення та його несподіване переосмислення [3].

«*Панове! Візьміть бика за роги!*» – реклама американського пива Red Bull. Вживання ССС «Взяти бика за роги» мотивоване маркою пива (Red Bull –

червоний бик). В англійській мові «*взяти бика за роги*» так само, як в український, означає «взятися за справу рішуче, виявити ініціативу».

ССС «*Дешево й сердито!*» у рекламі кафе у Києві означає «цілком доступно за ціною й задовільно за якістю» і слугує характеристикою асортименту страв і напоїв, пропонованих у меню, та рівня обслуговування.

Іноді в рекламі словам, що входять до ССС, повертається їх пряме, первинне значення. Сутність цього прийому полягає в тому, що фраза, котра зовні збігається з ССС привертає до себе більше уваги вже через цей збіг. Воно сприймається крізь призму її первинного «фразеологічного» значення, котре якоюсь мірою впливає на семантику даної конструкції [3].

«*Банк у вашій кишенні*» – реклама пластикових карток VISA Інком-банку. Якщо розуміти текст у прямому значенні, то він містить інформацію про зручність використання пластикових карток, які легко вміщаються в кишенні одягу.

У рекламних текстах використовується полісемія фразеологічного плану, яка виявляється на буквалізації стійкої сполучки, та додається до перенесенного сенсу фрази: «Залишимо алергію з носом!» (антигістамінний препарат «Кромосол»). У даному випадку, якщо буквалізувати ССС, ми отримуємо таке: ліки не лікують хворобу, а навпаки, залишають вас (а точніше ваш ніс) наодинці з нею [2].

Часто використовується прийом контрастності ССС: «Відпочинок у Хорватії! Краса не потребує жертв»; «туроператор «Пегас». Добре там, де ми є!».

Можуть відбуватися такі модифікації:

- усічення цитат: «*Ученье – свет!*» (реклама гуманітарного університету), пор.: «Ученье – свет, а неученье – тьма»;
- заміна опорного слова ССС: «*З чого починається Турція?*», пор. пісня «С чего начинается Родина?» з к/ф «Щит и меч»;
- заміна однієї частини ССС: «Хоть всю Землю обойдешь – лучше цен ты не найдеш!» (реклама турів);
- індивідуально-авторська заміна: «Бережёного страховка бережёт» (реклама туру, який включає в себе медичне страхування; пор.: «Бережёного Бог бережёт») [1].

Оновлюючи семантику, структуру й експресивно-стилістичні властивості ССС, творці реклами прагнуть, виникнення нових смыслових, експресивних відтінків, які б збагатили звичайні зв'язки слів. Різноманітні прийоми використання ССС у індивідуально-авторській обробці пояснюються прагненням відійти від кліше, залишаючи враження несподіванки, оригінальності, новизни, а отже, виникає необхідність вивчення місця реклами в інформаційному просторі, її структури, механізмів дії та ефективності, а також мовних особливостей і композиційно-стилістичних рис текстів даного жанру.

Список використаних джерел:

1. Илюшкина М.Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе [Электронный ресурс] / М.Ю. Илюшкина. – Режим доступу: www.frgf.utmn.ru/mag/22/42
2. Русин М.А. Фразеологизмы как составляющие рекламных текстов (на материалах польского и русского языков) / М.А. Русин // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2007. – Т. 20.– № 6. – С. 202–207.
3. Смирнова Т.В. Недовільна увага як вид психічної діяльності – один із комунікативних механізмів створення рекламного іміджу [Электронний ресурс] / Т.В. Смирнова.
4. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://www.librar.org.ua/sections_load.php?s...id...

ПЕРЕКЛАД ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ ЯК КОМУНІКАЦІЯ НАРОДІВ, МОВ І КУЛЬТУР

Бурковська Л.Д.

Хмельницький національний університет, Україна

ІСТОРИЧНО ВІДДАЛЕНІ ТЕКСТИ ЯК ПРОБЛЕМА ПЕРЕКЛАДУ

Критичне узагальнення розрізнених і суперечливих підходів до перекладу історично (хронологічно) віддалених творів дозволяє виділити два основних підходи до вирішення проблеми. Прибічники першого, формального, підходу зважають лише на формальні, мовні, ознаки твору, пов'язані з його хронологічною віддаленістю. У перекладі такі ознаки можуть зовсім не передаватися, а можуть і відтворюватися, причому існує принаймні три способи їх відтворення: а) через використання часткової архаїзації перекладу, виконаного сучасною мовою; б) переклад мовою на тому етапі розвитку, що відповідає часу створення оригіналу; в) переклад штучно створеною мовою, яка комбінує ознаки реально існуючих або мертвих мов та діалектів [5].

Прибічники другого підходу наголошують на необхідності врахування не лише мовних характеристик старого оригіналу, але і його історичного, соціального та літературного контекстів. За такого підходу всі ознаки першотвору розглядаються відносно сучасної мовної та естетичної норми та фонових знань сучасного читача, і за умов невідповідності перших останнім обирається один з двох можливих варіантів вирішення цього протиріччя: виконується переклад, в якому не відтворюються ознаки першотвору, що не відповідають сучасній нормі або є незрозумілими для сучасного читача через відсутність відповідних фонових знань; або ж виконується переклад, в якому всі особливості змісту і форм оригіналу інтерпретовані й відтворені з урахуванням сучасної мовної та естетичної норми та фонових знань сучасного читача.

Процес перекладу хронологічно віддаленого твору, у порівнянні з перекладом сучасного, ускладнюється через те, що суб'єктивна позиція автора давнього оригіналу та особливості сприйняття твору сучасними перекладачем та читачами перекладу значною мірою зумовлені історично. Розуміння твору його автором, перекладачем та читачем перекладу обов'язково відрізняються через розбіжності між двома мовами й розбіжності фонових знань між відповідними колами читачів. При перекладі давнього художнього твору найбільшу вагу мають розходження між першими читачами оригіналу й читачами сучасного перекладу щодо попередньої поінформованості культурно-історичного характеру. Цей компонент лінгвоетнічного бар'єру присутній і в процесі сприйняття твору, віддаленого значною часовою дистанцією, сучасним читачем, навіть якщо він є носієм мови, якою цей твір написано. Крім того, зв'язок між автором першотвору і читачами сучасного перекладу не є безпосереднім, і автор не може враховувати уявлення та інтереси читачів

майбутнього. Точка зіткнення між автором хронологічно віддаленого художнього твору і читачем сучасного перекладу виявляється в естетичній, загальнокультурній цінності першотвору та духовній потребі читача перекладу.

При перекладі художнього твору, віддаленого значою часовою дистанцією, сама дистантність висуває додаткові вимоги до стилістичних характеристик тексту перекладу, які полягають у а) відмові від використання специфічно сучасного словника та фразеології, бо використання навіть окремих специфічно сучасних елементів мови неминуче увійшло б у протиріччя з часом дії твору і переносило б її до наших днів, та б) використанні архаїзмів за умов їх загальностилістичної відповідності оригіналу.

Теоретики використовують поняття «історична стилізація» як засіб збереження історичного і культурного колориту оригіналу у перекладі або як засіб відображення часу культури у перекладі. Багато дослідників історичної стилізації у своїх працях висвітлювали питання «часу і культури» і вказували на те, що культурний код у тексті оригіналу може співпадати і не співпадати, (і частіше не співпадає) з культурним кодом, реалізованим у тексті перекладу. Культури і мови різних народів розвиваються різними темпами, а відтак мова, наприклад, творів англійського Відродження 17 ст. не знайде аналогу в українській чи російській літературі 17 і 18 ст. Вихід із такої ситуації теоретики перекладу вбачають у тому, щоб при перекладі текстів, написаних кілька століть тому, передача історичного колориту здійснювалася мовними засобами, характерними для більш пізніх періодів. Вчені наголошують на тому, що історичний колорит епохи створюється аж ніяк не використанням застарілих слів, маловідомих або взагалі незрозумілих сучасному читачеві, а вдалим використанням засобів стилізації на всіх рівнях – фонетичному, лексичному, синтаксичному, стилістичному.

Намагатися при перекладі створити не лише витвір художньої літератури, але й пам'ятник мови минулої епохи – завдання навряд чи плідне. Історію мови потрібно вивчати не з перекладів, а з оригіналів [1]. Багато майстрів художнього перекладу зуміли ледве помітним, вдалим прийомом підкреслити вік тексту оригіналу, не відмовляючись при цьому від відтворення його засобами сучасної мови. Одним із таких прийомів є вміла, тактовна, економічна передача у перекладі реалій і термінів.

Список використаних джерел:

1. Виноградов В. С. Темпоральная (временная) стилизация как переводческий прием / В. С. Виноградов // Филологические науки. – 1997. – № 6. – С. 54–59.
2. Коваленко О. В. Хронологично маркована лексика як фактор тексту в жанрі історично-го роману (на матеріалі художньої прози В. Скотта): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. фіолол. наук / О. В. Коваленко. – О.: Одес. нац. ун-т ім. І.І.Мечникова, 2002. – 19 с.
3. Ланчиков В. К. Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе / В. К. Ланчиков // Вестник МГЛУ. – 2002. – Вып. 463. – С. 115–122.
4. Островський Д. О. Історична реалія – історичний символ – історичний концепт: перекладознавча проблема / Д. О. Островський // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. – 2002. – Т. 9. – № 2. – С. 110–115.

5. Рудницька Н. М. Часова дистантність художнього твору як проблема перекладу (на матеріалі перекладів «Кентерберійських оповідей» Дж.Чосера сучасною англійською, німецькою, українською та російською мовами): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. фіол. наук / Н. М. Рудницька. – К.: КНУ ім. Шевченка, 2005. – 19 с.

К.пед.н. Привалова Ю.В.

*Технологический институт Южного федерального университета,
г. Таганрог, Российская Федерация*

**ПРОЦЕСС ПРОТЕКАНИЯ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ СЕМИОТИКИ**

Согласно теории, созданной Ю. М. Лотманом, любая культура представляется в виде семиосферы, характеризующейся замкнутостью. Имея дело с переводом, мы сталкиваемся одновременно даже не с двумя, а с тремя семиосферами: семиосферами взаимодействующих культур народов и своего рода нейтральной семиосферой, некой «лакуной», пустотой между культурами, в которой непосредственно и происходит обмен информацией. Если культуры вплотную пригнаны друг к другу, так сказать, точно сходятся друг с другом, если их сообщение не обращено к далекому собеседнику, тогда диалог не может состояться, состоится лишь развитие или трансформация этой культуры в другую. Но тогда это — не культура, диалог — не диалог. Идея диалога культур предполагает некое ничейное поле, через которое идет перекличка культур. Культура всегда отделена от культуры этой пустотой, лакуной, зазором небытия, и через эту пустоту идет собственно диалог культур. Больше того — культура сама формирует и углубляет этот промежуток.

Такая нейтральная семиосфера должна в равной мере принадлежать первым двум семиосферам и одновременно не принадлежать ни одной из них, представляя собой и нечто самоценное.

И эта третья семиосфера, как и в случае реальной границы (например, между двумя государствами) является своеобразной «полосой отчуждения» и представляет для нас особенный интерес, по меньшей мере, по двум причинам:

а) изучение ее помогает более полному изучению каждой из первых двух семиосфер;

б) она является одновременно территорией и границей взаимодействия двух культур.

Но так как замкнутость семиосферы (в нашем случае культуры) проявляется в том, что она не может соприкасаться с иносемиосферами (другими культурами), то для того, чтобы они для нее получили реальность, ей необходимо перевести их на один из языков ее внутреннего пространства или семиотизировать факты [2, с. 14–15].

Тем не менее, процесс этот трудно осуществим без прохождения через нейтральную семиосферу. Можно даже предположить, что граница семиотического пространства — не линия, а сфера, расположенная таким образом, что

она соприкасается с собственно границами семиосфер взаимодействующих культур. Семиотическая граница — сумма билингвиальных переводческих фильтров, переход сквозь которые позволяет воспринимать культуру, находящуюся вне данной семиосферы, это билингвиальный механизм, переводящий внешние сообщения на внутренний язык семиосферы и наоборот. Таким образом, точки границы семиосферы можно уподобить чувственным рецепторам, переводящим внешние раздражители на язык нашей нервной системы, или блокам перевода, адаптирующим данной семиотической сфере внешний для нее мир.

Функция границы семиосферы сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее, что позволяет любой культуре таким образом сортировать поступающую информацию. Она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних несообщений в сообщения, т.е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию. Фильтры — это не нечто, не пропускающее сквозь границу, а, скорее, нечто, преобразующее отдельные элементы культур в процессе их взаимодействия.

Но семиотизация поступающего извне и превращение его в информацию происходит не на границе семиосфер двух взаимодействующих культур. Представляется вполне логичным, что вся эта работа производится в отдельной сфере, а именно в нейтральной семиосфере. Именно там, в точке взаимоперехода и взаимодействия, культура определяет самое себя [1, с. 128]. Это можно изобразить следующим образом:

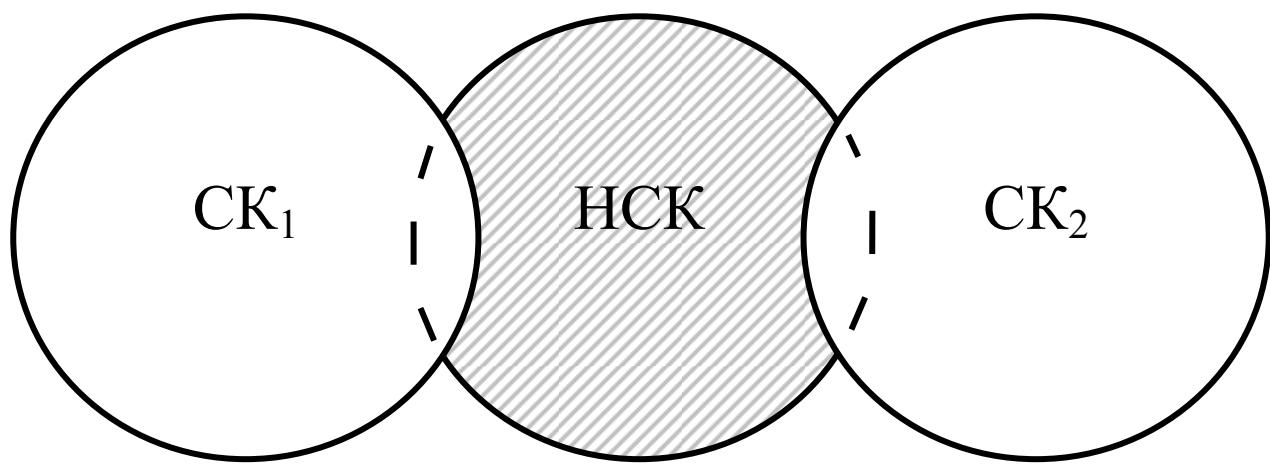

Рис. 1

Позволим себе предположить, что в случае художественного перевода процесс взаимодействия культур протекает именно в нейтральной семиосфере, выступающей в роли посредника двух культур и позволяющей наиболее эффективно и сравнительно объективно осуществлять этот процесс, тогда получится, что процесс протекания художественного перевода можно представить следующим образом:

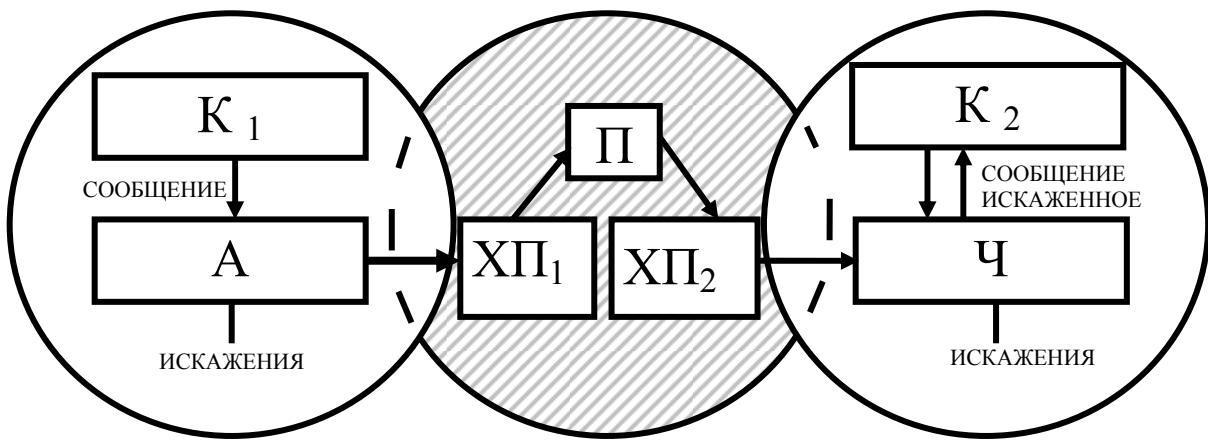

Рис. 2:

А – автор (носитель культуры);

ХП₁ – исходное художественное произведение;

ХП₂ – переводное художественное произведение;

Ч – читатель (носитель другой культуры);

К₁ – культура исходного художественного произведения;

К₂ – культура переводного художественного произведения;

П – переводчик

Из данной схемы видно, что художественное произведение, хоть оно и было создано руками одной культуры, является достоянием двух культур. С другой стороны, оно не принадлежит ни одной из них, будучи в нашем случае компонентом нейтральной семиосферы и становясь произведением мировой литературы.

Если в ситуации беспереводного межкультурного общения на уровне художественного текста выбор того или иного варианта толкования целиком зависит от читателя, то при переводе между читателем и исходным текстом появляются информационный фильтр в виде переводчика и новый текст, обладающий иными, по сравнению с оригиналом, свойствами.

Переводчик, выступая в качестве получателя информации, воспринимает исходное художественное произведение (ХП₁), а затем создает вторичное художественное произведение (ХП₂), воспринимаемое читателем, принадлежащем другой культуре. Здесь переводчик, учитывая авторские инструкции создателя оригинала, реализованные в исходном тексте, одновременно с директивами «внутреннего» читателя подлинника, открывает новую коммуникативную цель, думая при этом о предполагаемом читателе перевода. Переводческий процесс представляет собой итоговое сопоставление двух текстов, двух литературных традиций, двух создателей текстов и двух получателей.

При переводе художественного произведения цепочка факторов, разделяющих авторский замысел и читательское восприятие, оказывается довольно длинной. Сюда добавляются многочисленные национально-культурные различия, закрепленные как в языковых формах, так и в сложившихся системах ассоциаций, образного отражения действительности, в традиционных жанровых и композиционных формах, в значимости той или иной ритмической органи-

зации текста и т. д. При этом ключевым является понятие динамической эквивалентности, понимаемой как соответствие восприятия вторичного художественного произведения иноязычным читателем восприятию исходного художественного произведения первичным читателем [4]. Однако это не означает, что адаптации текста перевода должна переместить его в новую культурную среду и тем самым в значительной степени удалить перевод от оригинала. Таким образом, цель художественного перевода с точки зрения межкультурной коммуникации сводится к следующему: перенести художественное произведение из одной культурной среды в другую с наименьшей потерей культурных особенностей подлинника и с наибольшим сохранением межкультурной ценности произведения.

Чем выше уровень художественной образности текста, тем выше степень зависимости этого текста от той культуры, в рамках которой он создан, и тем сложнее задача переводчика. Переводчик, будучи участником коммуникативного процесса, попеременно выступает то в роли получателя, то в роли отправителя, и эта смена ролей оказывает существенное влияние на процесс перевода. Самые большие информационные потери происходят именно в том звене цепочки межкультурной коммуникации, где производится перевод художественного произведения. Отчасти это вина переводчика, отчасти же смысловые потери и расхождения – результат иного оформления сообщения на языке перевода, принадлежащего уже иной культуре и иного восприятия читателем.

Переводчик находится одновременно в зоне двух национальных семиосфер, выполняя роль медиатора. Соответственно, задача переводчика заключается в переносе семиотического опыта в иную культурную семиосистему с соблюдением максимального соответствия особенностей исходного текста. При этом нельзя согласиться с А. Д. Швейцером, указывающим на тот факт, что «сближение теории перевода и семиотики, наметившееся за последнее время, еще не привело к ощутимым результатам» [3, с. 41]. Это высказывание представляется не совсем верным, поскольку принципы семиотического подхода к анализу перевода позволяют дать обоснование процессу перевода и ответить на вопрос, каким образом и где именно протекает сам процесс художественного перевода с учетом культурологических факторов. Ведь художественный текст как феномен освоенного культурного пространства возникает по законам семиосферы, а его перевод на другой язык является процессом перехода из семиосферы одной культуры в семиосферу другой.

Список использованных источников:

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
2. Лотман Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. I. – С. 12–25.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
4. Nida E. A. The Theory and Practice of Translation / E. A. Nida, C. Taber. – Leiden: E.J. Brill, 1969. – 220 p.

К.филос.н. Сарафанова О.Л., Акмурзина Л.Р.
Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург,
Российская Федерация
**ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ В ТРИЛОГИИ РОБЕРТА САЛЬВАТОРЕ
«ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ»**

Термином «говорящие имена» («значащие имена», «характеристические имена», «смысловые фамилии») можно обозначить все имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой. Семантическим значением обладают если не все, то подавляющее большинство имен собственных, с той разницей, что у одних оно забыто и теперь не воспринимается без специального объяснения; у других лежит на поверхности, легко улавливается, в то время как у третьих полностью совпадает с соответствующими нарицательными.

Таким образом, имена выполняют информационно-характеризующую функцию, когда читатель получает сведения об оригинальных чертах конкретного персонажа или объекта, важных для понимания литературного образа, культуры и уклада жизни народов, описываемых в произведении, и всего произведения в целом, что должно отражаться при переводе.

В данной работе производится анализ перевод трех романов Роберта Сальваторе «Темный эльф» под редакцией А. Костровой, Е. Гуляевой и В. Иванова. Материалом послужили антропонимы на вымышленном языке темных эльфов дроу. Ниже мы рассмотрим некоторые «говорящие имена» эльфов дроу, а также предложим варианты перевода данных имен.

Наиболее часто использующимся приемом перевода имен собственных является транскрипция, т. е. «передача звуков иноязычного слова при помощи букв русского алфавита» [1]. Еще одним приемом является транслитерация, под которой понимают «передачу букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита», разумеется, с соответствующей поправкой на любой язык перевода [1]. Транслитерация отличается от транскрипции своей простотой и возможностью введения дополнительных знаков. Можно выделить как плюсы, так и минусы в использовании транслитерации. Плюсом, несомненно, является тот факт, что письменная форма слова остается неизменной, и потому легко узнаваемой для носителей языка. Минусом же можно назвать навязывание иноязычного и непривычного слуху произношения, заимствующему языку.

В романах Сальваторе говорящими именами являются, прежде всего, названия Домов. У эльфов дроу существует четкая социальная иерархия в каждом отдельном городе-государстве. Так Домом является клан родственных друг другу эльфов во главе которого стоит Верховная мать. В родном городе главного героя Дзи尔та существует несколько десятков домов, борющиеся за право стать главенствующим Домом, который обладает наибольшими полномочиями в отдельном городе.

Так, например, Дом главного героя Дзи尔та носит имя Do' Urden (основы До-воин, Urden – Тьма), что в русском варианте было транскрибировано как

До'Урден. Необходимо отметить, что данное название призвано создать образ темных эльфов, имевших, по замыслу автора романа, враждебную и жестокую природу. Война для них является вполне обыденным делом, более того, война – в какой-то степени смысл их существования, что подтверждается многочисленными примерами использования слов с негативными коннотациями и семантикой агрессии.

Например, такие слова, «treachery» (предательство), «assassination» (убийство), «poisonous» (ядовитый), «chaos» (хаос), «ominous» (зловещий), «threat» (угроза), «hatred» (ненависть), «dark» – цвет кожи самих эльфов, а также название самого подземного мира, в котором обитают эльфы дроу – Underdark.

Воинственность эльфов дроу прослеживается в описании Дома До'Урден, который считался слабым, но при этом по численности воинов уступающим лишь трем вышестоящим домам. Воином был и главный герой Дзирт, чья история непосредственно связана с Путем Воина. Поэтому нам представляется целесообразным не транскрибировать, а перевести данное родовое имя, сделав тем самым его внутреннюю форму прозрачной для носителей русского языка. Одним из возможных способов может стать калькирование, например, «Темный воин».

Также интересно упомянуть еще одно родовое имя Дзирта – N'a'shezbaernon (основы Nash – страх и baer – обреченный), что в переводе было транскрибировано как Н'а'шезбернон. Это древнее и официальное имя, как оказалось, дано ему не зря. Дзирт является отступником, эльфом, который отказался от жестокого культа эльфов дроу и перебрался из Подземья, где обитают все эльфы дроу, на поверхность, на поиски нового дома. Но из-за печальной репутации темных эльфов Дзирта не принимают на поверхности и подвергают гонениям. Таким образом, он становится изгоем, *обреченным* на предвзятое отношение и постоянный *страх* со стороны жителей. Как видно, и второе имя Дзирта является мотивированным, отражающим нелегкую судьбу главного героя, что по нашему мнению, так же должно отражаться в переводе. Таким образом, родовое имя Дзирта можно перевести прилагательным «Обреченный».

Еще один Дом, название которого может являться мотивированным – Дом Theken'duis (Thken – поклявшиеся, dius – кнут) Текен'дуис. В прошлом этот Дом подвергся неожиданному нападению людей, которые только узнали о существовании темных эльфов. Дом был совершенно не готов к войне, так как не имел постоянного отряда воинов и поэтому был почти полностью уничтожен. Через некоторое время, однако, Дом стал восстанавливаться, первым делом поклявшись отомстить людям за нападение. Вскоре начали создаваться школы боевых искусств для будущих защитников, и этот Дом стал широко известен своей строгой военной дисциплиной и превосходными, бесстрашными воинами. Можно смело сказать, что Дом перенес ценный урок, что стало причиной его последующего возвышения. Мы предлагаем следующий возможный вариант перевода данного имени: «Дом Поклявшихся».

Следующим Домом является Дом Vaenre (основа Vaen – благословленные). Название было передано словом Бэнр. На протяжении уже нескольких

тысяч лет этот Дом является самым сильным и уважаемым, а также правящим Домом города. Ни один из других домов не осмеливается открыто проявлять враждебность по отношению к Дому Бэнр. Еще во время становления города Дом Бэнр посетила Паучья королева – высшее божество эльфов дроу. Она благословила Дом Бэнр за мудрость и сдержанность, после чего и началась эпоха правления этого Дома (*«it has held the greatest favor of Lolth longer than any other family in Menzoberranzan history»*) [2]. Как видно из истории, название Дома также является мотивированным, что подлежит отражению в переводе. Мы предлагаем следующий вариант: «Благословенный Дом».

Также интересно название Дома Даскрин (Duskryn – жестокий). Этот Дом на протяжении вот уже 3000 лет печально известен своей жестокостью: *«House Duskryn is known for its savage cruelty»* [2]. Поэтому вполне целесообразно будет перевести название Дома как «Дом Жестокости».

Также интересным с точки зрения перевода является родовое имя одного из героев – Gelroos Hatch'Net (основы hatch – отмеченный, и nett – магия), которое также было транскрибировано как Джелрус Хачт'Нет. Он является магом и наставником в школе боевых искусств. Его также называют Faceless One, что значит «безликий» – за свое жутко изуродованное лицо, которое стало таким в результате неудавшегося магического эксперимента. Таким образом, он, по сути, «отмечен магией», что отражено в самом имени героя и также должно отражаться в переводе. Наш вариант перевода: «Отмеченный».

Также мотивированным является имя одного из учеников школы боевых искусств Berg'inyon (Berg – изящный, nyon – наездник), транскрибированное как «Берг'иньон». Известно, что Берг'иньон являлся командующим подразделения наездников-дроу, одним из лучших среди Домов, и владел в совершенстве искусством верховой езды. В данном случае имя отражает род занятий темного эльфа, что, несомненно, отличает его от его сородичей. Поэтому имя подлежит переводу, например, «Наездник».

Как уже было сказано ранее, перевод собственных имен третьей группы зависит от контекста. В случае необходимости показать символичность имени, его мотивированность и связь с событиями, описанными в книге, такое имя подлежит каким-либо трансформациям. В противном случае его можно транскрибировать. Например, такие имена дроу как Belwar (сожженный), Daermon (обманщик), Sundabar (обреченный), Zaknafein (призрачный убийца), SiNafay (радость глаз), Alustriel (летучая мышь), Dinin (заклинание), Vierna (черная ночь) хоть и обладают определенным значением, однако никак не связаны с основным текстом произведения и не несут в себе важную информацию, поэтому переводчики посчитали нужным транскрибировать данные имена во избежание ненужных и отвлекающих внимание новых слов в тексте, что представляется нам вполне оправданным.

Список использованных источников:

1. Виноградов В. А. Краткий словарь лингвистических терминов / В. А. Виноградов, Н. В. Васильева, А. М. Шахнарович. – М.: Русский язык, 1995.
2. Robert Salvatore. Exile. – Forgotten Realms, 2001.

РОЗВИТОК І ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ПОСТРАДЯНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ІСТОРІЇ

Ткач К.А., к.і.н. Міронова І.С.

Чорноморський державний університет імені П. Могили,
м. Миколаїв, Україна

ПОСТМОДЕРНІЗМ ЯК ЛІТЕРАТУРНЕ ЯВИЩЕ: РОЗВИТОК І КРИТИКА

Постмодернізм сьогодні – це культурологічний феномен, зміст і термінологія якого поки що не з'ясовані остаточно. Як правило, літературний процес багатьом сучасникам видається тією або іншою мірою хаосом. Це стосується будь-якої літературної доби. Тож невипадково, що на початку ХХІ ст. певною мірою хаотичною видається література постмодерну.

Естетичною природою цього явища є поєднання і органічне співіснування різних художніх систем. Постмодерн виник внаслідок відчуття письменниками кінця історії, певної епохи. Це естетичний бунт проти всього радянського, нова форма існування української ідеї. З огляду на вище сказане, тема дослідження постмодернізму є актуальною.

Сьогодні темою постмодернізму займається ряд дослідників: І. Ільїн, В. Пахаренко, Ю. Андрухович, Є. Баран, Н. Зборовська та ін. Одним із провідних теоретиків даного явища є І. Ільїн, який пише про зв'язки постмодернізму із масовим мистецтвом та розважальними жанрами літератури. На його думку, постмодернізм слід розглядати як безпосередню реакцію на стереотипи масового усвідомлення [3, с. 117].

За висловом В. Пахаренка: «Внутрішня суть постмодернізму полягає в заперечуванні наративу реалістичного дискурсу, причинно-наслідкової залежності сюжетних ліній, психологічної зумовленості. Тобто, його аж ніяк не задоволяє все стереотипне, стало, що породжує стандартну, завчасно очікувану реакцію» [11, с. 5].

Сучасні дослідники цікавляться феноменом постмодернізму, досліджують це явище, вводячи у науковий обіг нові факти, що стосуються цього літературного явища. Зокрема, Ю. Андрухович зауважував, що «постмодернізм – це одна з інтелектуальних фікцій нашого часу, така собі конференційна вигадка якихось французів чи американців...» [2, с. 66]. Дослідниця Т. Гундорова виділяє загальні риси цього феномену, виокремлюючи особливості жанрів і стилів, у яких домінує постмодернізм. Належну увагу потрібно надати критикам Є. Барану і Н. Зборовській, які не приховували свого негативного ставлення до постмодернізму, якому вони протиставляли традицію і національну самобутність української літератури. Зокрема, Є. Баран доводить, що «за умов сучасної демократії, коли зникла потреба в письменнику-герої, роль письменника в суспільстві зdevальвувала до ролі блазня, який розважає натовп смішними та страшними казками» [4, с. 35].

Розкриття даної теми не може вичерпуватись використанням вказаних джерел. Проте, їх сукупність дозволяє у необхідному обсязі дослідити проблему і досягти поставлених завдань.

Не дивлячись на наявну літературу з досліджуваної теми, дискусійними залишаються питання хронологічних меж постмодернізму, визначення загальної моделі даного явища, яке складається з праць літературознавців. Дану прогалину намагаються висвітлити автори в даній статті.

Сучасна українська література не може розвиватись без інновацій у світовій літературі, тому таке явище, як постмодернізм є притаманним і нашій країні. Сьогодні ще остаточно не визначене поняття «постмодернізму». У сучасному літературознавстві ведуться жваві дискусії щодо цього поняття, оскільки з його допомогою намагаються окреслити особливий період розвитку художньої літератури, що є досить складним, суперечливим і різнопідібним явищем [8, с. 24].

Дата виникнення постмодернізму також залишається дискусійною. Сьогодні виділяється п'ять різних точок зору з даного питання: перші дослідники вважають початком доби постмодернізму роман Дж. Джойса «Поминки по Фіннегану» (1939 р.); другі – попередній його роман «Улліс» (1922 р.); треті – американську «нову поезію» 1940-х – 1950-х рр.; четверті вважають, що постмодернізм – це не «фіксоване хронологічне явище», а деякий духовний стан, який «у будь-якому епосі є власним постмодернізмом» (У. Еко); п'яті – взагалі висловлюються про постмодернізм як про «одну з інтелектуальних фікцій нашого часу» (наприклад, Ю. Андрухович). Але більшість дослідників сходяться на тому, що перехід від модернізму до постмодернізму припадає на середину 1950-х рр. У 1960-і – 1970-і рр. постмодернізм охоплює різні національні літератури, а у 1980-і рр. він став домінуючим напрямком сучасної літератури і культури.

Постмодернізм – не просто літературний напрям. Він претендує на вираження загальної теоретичної «надбудови» сучасного мистецтва, філософії, науки, політики, економіки, моди. Сьогодні науковці говорять не лише про «постмодерністську творчість», а й про «постмодерністську свідомість», «постмодерністський менталітет», «постмодерністський умонастрої» тощо. Необхідно розрізняти постмодернізм як культурологічний феномен, постмодерністський менталітет, спираючись на який, можна по-новому оцінювати явища і факти сучасного і минулого; і термін, яким визначають мистецтво певного ґатунку [1, с. 263].

Провідними ознаками постмодерністської літератури є іронія, «цитатне мислення», принцип гри. Загальне осміяння і глузування над усім є то тальною іронією. Численні постмодерністські художні твори характеризуються свідомою настанововою на іронічне зіставлення різних жанрів, стилів, художніх течій. Твір постмодернізму – це завжди висміювання попередніх і неприйнятих форм естетичного досвіду: реалізму, модернізму, масової культури.

Наступним головним принципом постмодернізму є цитата, що означає для представників цього напряму цитатне мислення.

Іншими характеристиками постмодернізму є невизначеність, театральність, гібридизація жанрів, співтворчість читача, насиченість культурними реаліями, ставлення до літератури як до «першої реальності» [6, с. 4]. А найпоширенішими образами-метафорами постмодернізму є карнавал, лабіrint, бібліотека, божевілля. Особливе значення у постмодернізмові надається текстовій структурі, власне, текстові у тексті.

В українську літературу постмодернізм увійшов непомітно. У поезії він більш притаманий Е. Андрієвській, Р. Бабовалу, С. Гостиняку, у прозі – В. Медведю, Ю. Андруховичу, Є. Пашковському, О. Забужко [10, с. 238].

З розпадом СРСР, коли особливо унаочнилася неспроможність соціалістичного способу життя, розпочалася дискусія, що точилася переважно довкола трьох зasadничих питань:

1. Що таке постмодернізм?
2. Чи можливий український варіант постмодернізму?
3. Постмодернізм – явище позитивне чи негативне?

Тим, хто не сприймав демократію з її плюралізмом та культурним різноманіттям, здавалося, що постмодернізму можна уникнути чи заборонити його.

Український постмодернізм був, насамперед, антитезою не модернізму, яким цікавився і з яким співіснував, а антитетою тоталітаризму і соцреалізму. Більша частина українських критиків зайняла в оцінці постмодернізму консервативну позицію, вимагаючи критичного ставлення до постмодернізму і навіть відмови від нього. Інша – розділилася на виразних популяризаторів, для яких рушієм культури є ревізія всіх цінностей з національними включно, і тих, хто визнає постмодернізм як данину [5, с. 42].

Попри свою безсистемність, постмодерний період в українській літературі потребує класифікації. В. Єшкілев запропонував неомодерній принцип поділу письменників: «вісімдесятники» – ті, що вийшли з андерграudu та «дев'яностники». Перші письменники зорієнтовані на західну культурну традицію, другі – на вітчизняну.

Сьогодні в українському літературознавстві виділяється три основні класифікації сучасної літератури. В основі першої лежить генераційний принцип, другої – географічний, третьої – принцип естетичної орієнтації. Саме остання класифікація видається центральною, попередні дві є допоміжними [7, с. 29].

Отже, вивчення і аналіз літературних статей дає підстави стверджувати, що постмодернізм – це образно-стильова система, що увібрала в себе художній досвід багатьох попередніх епох. Вона відрізняється потужним розвитком інтелектуальної тенденції і є черговою ланкою в ланцюгу історії. Постмодернізмом в українській літературі називаємо творчість письменників кінця 1980-х рр.– початку ХХІ ст. Для постмодернізму характерним є еклектика всіх попередніх напрямів літератури, цитатократичність, гра як спосіб існування автора, читача і самого твору.

Список використаних джерел:

1. Андрухович Ю. Рекреації / Ю. Андрухович // Слово і час. – 1997. – №1. – С. 257–268.
2. Андрухович Ю. Постмодернізм – не напрям, не течія, не мода / Ю. Андрухович // Слово і час. – 1999. – № 3. – С. 56–66.
3. Баран Є. Обрій літературного 2000-го / Є. Баран // Кур'єр Кривбасу. – 1999. – С. 110–117.
4. Гундорова Т. Карнавальний постмодерн / Т. Гундорова //: Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн : зб. наук. праць. – К.: Критика, 2005. – С. 32–37.
5. Гундорова Т. Фенімістичний постмодерн / Т. Гундорова // Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн. – К.: Критика, 2005. – С. 39–43.
6. Зборовська Н. Літературний процес і завдання критики / Н. Зборовська // Слово і Час. – 2004. – № 4. – С. 3–7.
7. Іздрик С. Туга за несправжнім / С. Іздрик // Плерома. – 1996. – № 1–2. – С. 24–33.
8. Костенко Л. Геній в умовах заблокованої культури / Л. Костенко. // Літературна Україна. – 1991. – № 7. – С. 23–26.
9. Павлишин М. Українська культура з погляду постмодернізму / М. Павлишин // Сучасність. – 1993. – № 12. – С. 55–62.
10. Павлишин М. Що перетворюється в «Рекреаціях» Юрія Андруховича / М. Павлишин. – 1997. – № 12. – С. 237–255.
11. Пахаренко В. Постмодерн / В. Пахаренко // Всесвітня література. – 2002. – № 5–6. – С. 3–7.

ІСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ КОРПУС СЕРЕД НАРОДІВ І КУЛЬТУР

К.и.н. Батоева С.А., Далечина Е.С.

*Забайкальский государственный университет, г. Чита,
Российская Федерация*

КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВЪЕЗДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

История и культура каждой страны, каждого региона являются одним из важных факторов привлечения туристских потоков. Знакомство с уникальной историей и культурой народа – сильнейший побудительный туристский мотив. На территории Забайкалья проживает более 120 национальностей и этнических групп [5]. Особый интерес представляет этническая группа «семейские» (старообрядцы), которая по Уставу Забайкальского края находится под особой охраной, а Комитетом Организации Объединенных наций по делам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) включены в список «Шедевры устного и нематериального наследия» [4]. Однако, на сегодняшний день мало кто знает об истории, быте и традициях старообрядцев, поэтому целью данной статьи и является рассмотрение культуры семейских как фактора развития въездного и внутреннего туризма в Забайкальском крае.

Семейские – это своеобразная этнографическая группа русского старообрядческого населения Сибири. Их предки выступили в XVII в. против церковной реформы Никона и были подвергнуты жестоким преследованиям и гонениям со стороны правительства и официальной православной церкви. Одним из пламенных вдохновителей староверов был огнепальный протопоп-бунтарь Аввакум. Восставая против реформы и притеснений, одни староверы, наиболее фанатичные, в знак протesta сжигали себя заживо; другие поднимали бунты и восстания; третьи, скрываясь от преследований, бежали на окраины Российского государства и за его пределы. Так, на Урале и в Сибири появились «кержаки», в Турции – «казаки-некрасовцы», в Румынии – «липоване», в тогдашних пределах Польши – на Ветке и в Стародубье – «поляки». Везде, где бы они оказывались старообрядцы, они осваивали новые земли, создавали общины, свято хранили обычай старины, культуру и русский язык.

В 1735 и 1764 гг. царское правительство предприняло две «выгонки», изгнав «поляков» – староверов с насиженных мест и сослав их в «страшную глушь», за Байкал, чтобы они развивали там землепашество и снабжали Нерчинских рудокопов хлебом. Вероятно, здесь в Сибири, их и назвали «семейскими», потому что те пришли сюда, в отличие от других переселенцев, семьями [1].

В Забайкальском крае в настоящее время с историей и бытом старообрядцев можно познакомиться в селах Красночикойского района (Гу-

тай, Архангельск, Малоархангельское), а также в краеведческих музеях сел Красный Чикой, Урлук, Захарово и др.

Значительная удаленность большинства старообрядческих селений от городов и промышленных центров, труднодоступный горно-таёжный ландшафт местности, замкнутый образ жизни и тесные семейнородственные связи, диктовавшиеся религиозными устоями, – все это способствовало сохранению почти в первозданном виде жизненного уклада, быта и культуры предков семейских. Поездка в семейское село даже сегодня может показаться путешествием в историю, которая до сих пор прослеживается как в облике самих людей и их одежде, в говоре, так и в особенностях жилых построек, орудий труда, утвари. А выступления народных семейских хоров на естественных площадках или на сценах вызывает всегда бурю восторга: красочные, яркие одежды и головные уборы женщин, развивающиеся косы девушек, длинные бороды и косоворотки мужиков и бесподобно распевные многоголосные песни, являющиеся достоянием фольклорной культуры семейских, их гордостью, тем, что они сохранили и пронесли сквозь века.

В культуре старообрядцев особый интерес вызывает женский костюм. Он относится к так называемому сарафанному комплексу русской одежды. Традиция носить подобную одежду у семейских сохранилась на протяжении всего XX века. Причиной тому послужило то, что указ Петра I о ношении европейского платья не распространялся на старообрядцев. Да и сами семейские, видимо, в знак протesta по отношению к властям, продолжали носить старорусский костюм как одно из проявлений старого русского уклада. Обязательными атрибутами костюма семейских женщин была рубаха, сарафан прямой и косоклинный, фартук традиционного края из ярких и контрастных по цвету тканей. Костюм дополнялся длинным тканым поясом с узором. В холодное время года женщины, так называемые курмушки и бекеши, стеганные халаты. Необходимый элемент одежды замужней женщины – платок, погвянный на голове особым способом. Важным дополнением женского наряда были украшения: ожерелья из янтаря, речного жемчуга, перламутра, специального шейного украшения – жарелок [6].

Мужской костюм семейских состоял из рубахи-косоворотки и штанов с широким шагом. Рубаха типично русская, а штаны украинско-белорусского типа. Мужчины носили валяные из овечьей шерсти колпаки, шляпы, зимой шапки из овчины, волчьи, лисьи. В холодное время года надевали куртки из шерстяного домотканого полотна, также халаты, но более длинные. Из обуви мужчины и женщины носили чирки и ичиги, заимствованные у бурят унты и пимы. У бурят также были заимствованы доха, меховая шапка (малахай) [6].

Не малый интерес представляет традиционное искусство старообрядцев, корни которого уходят в художественную традицию северных и центральных областей России. Кроме того, оно испытало на себе влияние бурятского народного искусства. Украшая резьбой и росписью отдельные части дома, бытовую утварь, семейские решали не только эстетическую задачу. Они также стремились оградить себя от злых духов, болезней и других вредных влияний [3].

Старообрядцы, поселенные в основном в уже существовавшие старожильческие русские селения, способствовали их укрупнению и влияли на планировку. Эти села, как правило, протяженные, в одну или две улицы, с

одно- или двухрядной застройкой, располагались по берегам рек. Застройка улиц семейских селений не была однообразной. Дома на улицу ставились торцевой или длинной стеной, иногда окна смотрели на улицу, иногда дом «выходил» на улицу глухой стеной. Но существовала характерная особенность в застройке улиц: дома, ворота, заборы, заплоты, как правило, не выступали в улицу, располагаясь в одну линию.

Сохранилась и традиционная русская застройка крестьянской усадьбы. Она состояла из переднего двора с жилым комплексом и хозяйственными строениями, скотного двора с постройками и огорода. Для селений семейских характерны четыре основных типа крестьянского жилища: четырехстенная изба, т.е. сруб с сенями и без сеней; пятистенная изба; шестистенная изба («связь»); круглый (квадратный) дом.

У старообрядцев в основном преобладали пятистенные избы. В такой избе, где удлиненный сруб делился бревенчатой капитальной перегородкой на две половины, имелось два жилых помещения: собственно изба и горница. Иногда обе половины имели печь, иногда горница не имела печи и использовалась только в летнее время. Позднее избу стали делить перегородками, образуя отдельные комнаты.

Для ознакомления туристов с традиционным искусством этой этнической группы создается усадьба крестьянина-семейского в селе Архангельское, жители которого и стали инициаторами создания усадьбы. Сама усадьба должна будет показать культуру «Семейских» в реальных, приближенных исторически и географически к оригиналу, условиях. Основу экспозиции составила личная коллекция Родионовой Надежды Николаевны, она и стала смотрителем Дома-усадьбы крестьянина-семейского [6]. Целью создания усадьбы является подробное изучение и показ быта, хозяйственного уклада.

Таким образом, культура старообрядцев уникальна, поскольку в ней сохранились великороссийские бытовые, культовые и песенные традиции. На наш взгляд, она способна вызвать у потенциальных туристов сильнейший побудительный мотив к путешествию. Поэтому она может стать одним из ключевых факторов развития въездного и внутреннего туризма в Забайкальском крае.

Список использованных источников:

1. Александров В. А. Русское население Сибири XVII начала XVIII вв. / В. А. Александров. – М., 2006. – 274 с.
2. Петров В. М. Русские народные праздники, игры и забавы / В. М. Петров, Г. Н. Гришина, Л. Д. Короткова. – М., 2006. – 128 с.
3. Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские / А.М. Селищев. – Иркутск, 2005. – 370 с.
4. Сайт министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.international.chita.ru>
5. ТERRITORIALНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПО ЗАБАЙКАЛЬСКОМУ КРАЮ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chita.gks.ru>
6. Сайт Красночикойского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info@krasniy-chikoy.ru>

Д. культурол. Григорьева Е.И., Перегудов А.А.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,

Российская Федерация

**ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ
КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

*Статья выполнена в рамках гранта РГНФ
проект № 11-36-00235a1 «Формирование
толерантной культуры молодежи в условиях
деятельности досуговых общественных объединений»*

В современных условиях многополярного мира проблемы формирования толерантного сознания, воспитания миролюбия и взаимной терпимости выходят на первый план, особенно, когда речь заходит о воспитании подрастающего поколения. На территории России, проживают более 200 национальностей и этнических групп. В условиях такого многообразия бесконфликтное взаимодействие этнических групп, взаимная терпимость на основе признания и принятия различий, существующих между ними и их культурами, являются залогом государственности и целостности нашей страны.

Исторически первой формой толерантности была веротерпимость, но на определенном этапе исторического развития проблема развития толерантности перестает ассоциироваться лишь с религиозной сферой и переходит в сферу общественных отношений.

В современной жизни понимание толерантности неоднозначно и неустойчиво, различно его понимание разными народами в зависимости от их исторического опыта.

По этой причине понятие толерантности имеет довольно широкий диапазон интерпретаций и выражает различные типы отношений, что делает его довольно абстрактным и общим, ограничивает возможности для строго научного исследования, а также для разработки методов по формированию толерантного сознания.

Проявляемый интерес к толерантности сегодня определяется состоянием развития всего общества – современный мир находится в сложной и критичной ситуации – получают распространение жестокие и бескомпромиссные формы конфликтов; распространение в обществе всевозможных фобий и подверженность сознания каждого отдельного индивидуума стереотипам и установкам.

Кроме того политика многих стран, официально провозглашающих принципы свободы, миролюбия и демократии, на деле, зачастую, оказывается далекой от принципов толерантности.

При попытке дать научное определение толерантности возникают определенные сложности, что связано с использованием термина «толерантность» в самых разных областях знания.

Этимология термина «толерантность» восходит к латинскому глаголу *tolero* — «нести», «держать», «терпеть». Этот глагол применялся в тех случаях, когда было необходимо «нести», «держать» в руках какую-нибудь вещь. При этом подразумевалось, что для держания и переноса этой вещи человек должен прилагать определенные усилия, страдать и терпеть [1].

«Толерантность» в переводе с английского – это готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь; с французского: «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов»; с китайского: позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других; в арабском – это «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение расположенностъ к другим»; в персидском – «терпение, терпимость, выносливость, готовность к примирению» [2].

В русском языке слово «толерантность» вошло в употребление сравнительно недавно. В. И. Да́ль в Толковый словарь живого великорусского языка не включил этот термин, но через термин «терпение» полисемантично показал, что «терпеть» – это:

- 1) выносить, переносить, нуждаться и страдать;
- 2) крепиться, держаться, стоять не унывая;
- 3) ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться;
- 4) не спешить, не торопить.

«Терпеть» означает также: снисходить, допускать, послаблять [3].

Несмотря на то что, термин «толерантность», на первый взгляд, отождествляется с понятием «терпение», имеет более яркую активную направленность и дифференциация этих понятий является вполне правомерной. С точки зрения А. А. Погодиной, толерантность – не пассивное, неестественное покорение мнению, взглядам и действиям других; не покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды [4].

Формирование толерантного сознания у молодежи является важнейшей педагогической задачей, так как на основе сформированного толерантного сознания формируется и толерантность как качество личности, направляющее всю практическую деятельность человека.

Говоря о проблеме формирования толерантного сознания, как об усвоении определенной системы установок и ценностей, мы приходим к пониманию того, что человек может обрасти их лишь по мере включения в мир культуры, который является воплощением и хранителем совокупного опыта человечества. В этой связи, очевидно, что перед педагогической общественностью, работниками образования, культуры и искусства стоит комплексная проблема разработки и реализации системы мер по формированию толерант-

ного сознания подрастающего поколения, как единственной возможности успешного построения взаимоотношений, сохранения стабильности и дальнейшего развития нашего общества.

Список использованных источников:

1. Безлюева Г. В. Толерантность: взгляд, поиск, решение / Г. В. Безлюева, Г. М. Шеллапшова. – М. : Вербум, 2003. – 168 с.
2. Асмолов А. Г. Мы обречены на толерантность / А. Г. Асмолов // Семья и школа. – 2001. – № 11–12. – С. 32–35.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1-4. – М. : Русский язык, 1978–1980.
4. Погодина А. А. Толерантность: термин, смысл, позиция, программа / А. А. Погодина // История : прил. к газ. «Первое сентября». – 2002. – № 11. – Март. – С. 4–7.

К.п.н. Макаренко Т.А.

*Северо-Восточный государственный университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация*

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ КАК СРЕДСТВО ЭТНОПЕДАГОГИКИ

В последнее время у граждан России происходит рост национального самосознания и это приводит к увеличению интереса к национальным традициям. Этнопедагогика является неотъемлемой частью воспитательной системы любого человека, об этом говорят В. Ф. Афанасьев, Г. Н. Волков, Д. Н. Коган, И. Сенигов и др., так как хотим мы или нет, но каждый из нас является представителем какого-нибудь этноса и, следовательно, носителем определенной культуры. В связи с этим, многие исследователи считают, что педагогический процесс должен быть направлен на раскрытие у ребенка богатств его внутренней духовной культуры (В. А. Сухомлинский, Б. М. Неменский, Б. Т. Лихачев и др.).

Предметом исследования народной педагогики является педагогическая культура народных масс, выработанная многовековым опытом человечества и бытующая в народе до наших дней. Мудрость народов проявляется не только в фольклоре, сказках, песнях, пословицах, играх, а также в народных ремеслах. Г. С. Виноградов утверждал, что народная педагогика – «не столько система, сколько сумма знаний и умений».

Народные ремесла представляют собой сплав эстетического, трудового, нравственного, экологического, гражданского воспитания. Соприкасаясь с природными материалами, мы даем ему свою энергетику, в свою очередь, подпрыгиваясь энергией природы. В воспитательном плане художественные промыслы несут большую нагрузку, так как едины по цели, они различны по структуре.

Современному человеку сейчас трудно представить в практическом использовании предмет быта в художественном исполнении, такие предметы будут только украшать наш интерьер, а в древности человек стремился украсить утварь и придать ей неповторимый вид. Творчество сопровождало ре-

бенка с самого рождения, оно было связано с воплощением мечты народа о прекрасном, гармонии и совершенстве мира.

Промыслы называют народными, так как издавна народ, изготавливая какую-либо вещь, сохранял свое умение, передавал следующему поколению, при этом не терялись традиции. В их создании и развитии большую роль играли природные и местные условия быта хозяйства, культуры, торговых связей, соседских отношений. Мастера создают свои произведения из разнообразных материалов. Наиболее распространены: художественная керамика, ткачество, кружевоплетение, вышивка, роспись, резьба по дереву и камню, ковка, литьё, гравирование, чеканка и другие. Благодаря многим поколениям мастеров у каждого народа сложились свои собственные самобытные способы изготовления и оформления бытовых изделий, одежды и украшений.

Очень хорошо это просматривается в изделиях с вышивкой, так как вышивка в своем изображении несет культуру и образное восприятие окружающей среды человека. Вышивка — один из древнейших и наиболее распространенных видов народного искусства, в котором изображение выполняется с помощью иглы или специального крюка различными нитками на тканях, трикотаже, коже, войлоке и других материалах. Вышивки народов нашей страны отличаются большим своеобразием, богатством технических приёмов, цветовыми сочетаниями. Каждый народ в зависимости от местных условий, особенностей быта, обычая и природы создавал свои приемы вышивки, мотивы узоров, их композиционное построение.

В вышивке большую роль играет геометрический орнамент и условные формы растений и животных: ромбы, мотивы женской фигуры и т. д. В связи со сложившимися особенностями вышивки в различных областях, краях и республиках, обычно носит название тех мест, где она зародилась.

Народная вышивка оказывает большое воспитательное влияние на ребенка. Рассмотрим основные воздействия работы с вышивкой на развитие и формирование учащегося:

Во-первых, несомненно, это нравственное воспитание. Работая над эскизами рисунка для вышивки, выбираются элементы орнаментов, несущие определенный смысл для человека. Работа с орнаментом, его комбинирование и экскурс в историю символов, дает ребенку повод для осмыслиния человеческих взглядов на живую и неживую природу, а также и на взаимоотношения между людьми.

Во-вторых, при работе с вышивкой происходит развитие художественных и эстетических способностей. Человек с этим не рождается, восприятие красоты формируется только тогда, когда ребенку систематически и целенаправленно прививают умение видения и сравнивания различного рода произведений искусств. Принцип формирования дизайнерского мышления тоже направлен на воспитание у детей эстетического отношения к миру вещей и к

окружающей действительности в целом. Язык искусства воздействует через эмоции, переживания, поэтому его влияние на юную душу несравнимо ни с чем. Воспитать и развить у детей способность эстетического восприятия произведений декоративно-прикладного искусства, вызвать интерес к народной вышивке, показать художественные традиции народов нашей страны – все это просто необходимые элементы художественно-эстетического воспитания детей.

В-третьих, гражданско-патриотическое воспитание, несущее в себе уважительное и бережное отношение к своим предкам и их традициям, приобщение к истокам народного творчества, культуре, формирование чувства своей связи с народом.

В-четвертых, трудовое воспитание, являющееся основой привития у детей культуры труда. Влияние декоративно-прикладного искусства на трудовое воспитание детей рассматривалось в разных аспектах. Из наблюдений за работой детей доказано, что в декоративно-прикладных работах художественное творчество сливается с трудом. Значит, прививая любовь к искусству вышивки, мы воспитываем трудолюбие. Раннее знакомство детей с настоящим «взрослым» трудом воспитывает у них ответственность за порученное дело, учит уважать труд других, продуктивно и с пользой организовать свое свободное время.

Вышивка как средство воспитания несет в себе несколько функций:

- Функция иллюстративности. Цель любой вышивки – это рисунок, любой рисунок несет в себе смысл, который должен донести до детей преподаватель. Показывая и рассказывая о традициях вышивки, учитель доводит до понимания детей понятия (символы, явления, предметы), и тем самым соединяет абстрактность с практикой.

- Функция инструментальности. Учащиеся используют вышивку как инструмент для моделирования, который можно проанализировать и в то же время вместе с рукой начинают работать глаза и уши.

- Функция психологическая. Процесс вышивания несет в себе благотворное, успокаивающее влияние, активизируя при этом эмоциональное состояние.

- Функция расширения кругозора. Ознакомление с традициями вышивания – это выход детей за пределы познанного и постижение неизвестного. При стимулировании педагогом интереса детей к этому виду деятельности гарантируется высокий интерес и сосредоточенность.

Таким образом, вышивка как средство воспитания служит влиятельным орудием, которое увеличивает воздействие на развитие личности, так как способность человека создавать красивое и влиять на преобразование окружающей среды является составным элементом ценностного отношения к жизни. Все это сказывается на обогащении духовного мира человека, открывает перед ребенком восторг красоты, удовлетворение творчеством.

К.пед.н. Филипович И.В., Худницкая Е.В.

*УО «Белорусский государственный университет физической культуры»,
г. Минск, Республика Беларусь*

**ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ МИРА**

На современном этапе человек всё больше имеет дело не с самой реальностью, а с информацией об этой реальности. Можно сказать, что современные люди живут как в мире реальном, так и символическом, который формируется под воздействием информационного потока, обрушающегося со всех сторон. По мере того как мир становится все более культурно усложненным и плюралистическим, растет и важность тем, связанных с межкультурной коммуникацией. Способность общаться невзирая на культурные барьеры значительным образом влияет на нашу жизнь. В этой связи важной составляющей современной цивилизации являются символы тех или иных явлений окружающего мира, равно как и символическое общение в виртуальной реальности.

Интернет является информационным пространством, в котором пересекается множество культур и одновременно средством массовой коммуникации, поддерживающим и развивающим связи между людьми. В этой реальности межкультурная коммуникация осуществляется на различных уровнях (наличие визуализации упрощает общение до невербального), в различных контекстах (расширяя – сужая информацию, обращенную к одному человеку-пользователю) [1].

Вовлечение пользователя в коммуникацию осуществляется благодаря системам гипертекста, а также множеству форм обратной связи. Гипертекстовые системы, используемые в глобальной сети, позволяют выдавать пользователю (читателю) информацию в наиболее эффективной форме, с учетом не только сущности информации, но и индивидуальных психофизиологических особенностей пользователя [2]. В результате опыт и впечатления пользователя от знакомства с теми или иными материалами сугубо индивидуальны. Для рефлексии полученных впечатлений есть все условия: от гостевых книг, чатов, и комментариев на сайте, откуда была почерпнута новая информация, до излияния эмоций в собственном блоге, или на странице в социальной сети.

Довольно любопытным явлением, с точки зрения межкультурной коммуникации, являются виртуальные музеи. С позиции создателей виртуальной выставки или музея – это акт позиционирования, представления наследия своей культуры в глобальном информационном пространстве. Со стороны гостя виртуального музея – это ненавязчивая, интересная форма познания другой культуры, позволяющая без дополнительных перемещений и затрат (кроме затрат на подключение к сети) увидеть и изучить культурные артефакты, хранящиеся в другой стране, либо вовсе уже не существующие. Наконец, со стороны специалиста, опубликованные в рамках виртуальных музеев материалы, оцифрованные коллекции, могут стать важным источником для исследований, пособием, объектом изучения.

Большая часть ресурсов, именующих себя «виртуальными музеями» – это несложные по структуре и оформлению частные сайты, которые, пожалуй, следует рассматривать как отдельное явление. Другая часть – виртуальные выставки и музеи, разработанные профессионалами. Как раз эта категория более авторитетных ресурсов и подразумевается, когда заходит речь о ценности и потенциале формы виртуального музея. В виртуальный музей можно органично вписать практически любую форму работы с пользователем, это может быть относительно пассивный просмотр статей, использование дополнительных меню для изучения материалов, режим «года» по сайту, общение на форуме, создание собственной подборки материалов на основе контента, участие в тематических онлайн-играх и многое другое.

Выразительность и емкость виртуальных музеев и выставок как средства межкультурной коммуникации подтверждается опытом многих успешных проектов, например, виртуальная выставка Клода Моне (Франция), выставка «Мир Габсбургов» (Австрия), виртуальная галерея MUVA (Уругвай), виртуальный музей русского примитива (Россия), виртуальный музей Канады, «Discover Baroque Art» и «Discover Islamic Art» (международные проекты) и др.

В связи с дефицитом авторитетных ресурсов по культуре Беларуси, и с учетом ускоряющихся темпов развития и распространения виртуальных музеев, определением ими своей ниши в глобальной сети, нами был предложен проект Виртуального музея белорусской национальной культуры. Белорусский этнос и его культура сформировались на стыке двух культурных регионов – Западного и Восточного. Белорусская традиционная культура, как и традиционная культура других этносов, по совокупности элементов, из которых она состоит – многослойна. Её отдельные элементы появились в разные исторические периоды, но, тем не менее, имеют четкий этнический абрис и обладают заметной индивидуальностью. Поэтому в презентации белорусской национальной культуры доминируют мотивы инаковости и неповторимости, построенные на вполне узнаваемых контекстах. В нашем проекте представление особенностей национальной культуры Беларуси посредством Виртуального музея будет осуществляться по следующим направлениям:

- 1) создание виртуальных экспозиций, выставок и отдельных материалов, отражающих культуру Беларуси;
- 2) проведение исследований аудитории виртуального музея, ее интересов, предпочтений и потребностей;
- 3) осуществление просветительской и образовательной деятельности;
- 4) продвижение национального туристического продукта, стимулирование внутреннего и въездного туризма.

Основное содержимое портала – материалы, подробно освещающие культуру Беларуси: национальные традиции, обряды, быт, ремесла искусство и многое другое. Эти материалы будут представлены как в формате статей, так и в качестве виртуальных выставок – «экспозиций» музея. Текст, будет подкрепляться богатыми и разнообразными по форме материалами сопровождения: фотогалереями, видеороликами, аудиозаписями, оцифрованными музейными экспонатами (их фотографиями, трехмерными моделями), схемами, таблица-

ми, графиками, моделями, ссылками на более подробные интернет-ресурсы и печатные издания.

Так как проект ориентирован на широкую аудиторию, то Виртуальный музей должен обладать многоязыковым интерфейсом. Также планируется создание автоматического туристического гида и системы поиска по материалам, отдельным объектам и учреждениям, представленным в Виртуальном музее. При относительно небольших затратах на создание, Виртуальный музей национальной культуры Беларуси может стать визитной карточкой страны, раскрыть ее яркий образ, показать потенциал отдельных городов как достойных туристических и историко-культурных центров.

Таким образом, виртуальный музей белорусской национальной культуры, представленный нами, является емким, интерактивным средством презентации культуры в глобальном информационном пространстве, а также наиболее доступным способом межкультурной коммуникации с удаленными аудиториями.

Список использованных источников:

1. Мацумото Д. Психология и культура [Электронный ресурс] / Д. Мацумото. – Режим доступа : http://krotov.info/lib_sec/13_m/maz/umoto_0.htm. – Дата доступа: 24.09.2011.
2. Каптерев А. И. Информатизация социокультурного пространства / А. И. Каптерев. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 512 с.

К.филол.н. Бабшанова Г.Н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет,

Российская Федерация

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛІТЕРАТУРА СИБІРИ XX СТОЛЕТИЯ

Двадцатый век можно назвать веком появления новых течений в татарской литературе, где формируется новый взгляд на литературу, меняется представление о ценностях этого мира. В этом столетии происходило множество событий, повлиявшее на дальнейшую судьбу литературного процесса. Путь к искусству лежал через достижение многоплановых отношений людей, духовной атмосферы времени. И там, где конкретные явления как-то увязывались с этими проблемами, рождалось живое слово, яркий образ. Писатели стремились к творческому преображению мира. И путь к подлинному бытию лежал через самоуглубление художника. Таким образом, именно через перо художника создается новый образ, отражающий действительную реальность. И в этих образах создается характер человека как личности.

Именно в это время зарождается профессиональная литература сибирских татар, в творчестве которых отражается национальный характер личности, самобытность, нравственное духовно-культурное возрождение народа, просветительская позиция, патриотизм, толерантность.

Ф. Валеев в своей монографии «Сибирские татары» (Казань, 1995) называет Я. К. Занкиева первым профессиональным романистом.

Поистине первым монументальным произведением о жизни сибирских татар стала народно-историческая эпопея Я. К. Занкиева «Зори Иртыша».

«Да, велик и прекрасен народ, жизнеспособен и устойчив, за многие века не потерявший своих обычаяев и культуры, – пишет известный литературный критик В. Рогачев в статье «В ожидании рассвета», написанной в качестве предисловия к роману «Зори Иртыша» Я. Занкиева. – Такой народ достоин собственной литературы как художественной летописи своего духовного самосознания. Но исторические деформации и катастрофы долгое время не позволяли появиться в среде сибирских татар профессиональным литераторам. Лишь в последнюю четверть века, в условиях очередной, трудной для России полосы реформ, они заявили о ней» [2].

«Зори Иртыша» – уникальное произведение в литературе сибирских татар. Уникально по охвату исторических событий, по силе и правдивости их изображения. В судьбе одного аула Ялана отразилась история России с 1917 по 1945 годы. На его страницах – революция, красный террор, Великая Отечественная война, круговорот исторических событий, захватывающую жизнь целого народа. Как и многие романы о революции и о войне, это произведение о судьбе частного человека в «минуты роковые» истории. Естественно, перед автором встает задача показа общего через частное, укоренения част-

ного, в общем. Этот роман не только о крушении старого мира и становление мира новых социальных отношений, но, и о мире в самом широком смысле слова – о мироздании, о мироустройстве. И свое понимание этого мироустройства писатель воплощает во всей художественной ткани произведения – и в том, что рассказывается, и в том, как рассказывается.

Через образ главного героя Мухамеда Уразаева, чья судьба переплелась с движущейся панорамой десятилетий 20 века – Я. К. Занкиев повествует перед читателями трагическую историю сибирских татар. В своей книге автор романа ставит задачу не только раскрыть жизнь и быт сибирских татар, но и знакомит читателя с тем, как на протяжении трех десятилетий менялся облик татарского села, их обитателей, взгляды и нравы.

Оригинальность создаваемых характеров, содержания и формы произведений, национальные истоки самобытность и народность ярко отличает творчество Я. К. Занкиева. Нечеловеческие испытания переносит и переживает герой Мухамед с глубокой раной в легких, после многомесячных проведенных в госпитале дней, после страшных известий о гибели в Бухенвальде любимой Сании, смерти её матери в Ялане, трагической развязки судьбы сына Шамиля, пытавшегося навести порядок в рядах солдат, совершает нравственный подвиг. Чуть окрепнув, Уразаев едет на Украину к овдовевшей красавице Зосе, пленившей сердце его сына; забирает её с маленьким внуком Шамилем. Герой прорывается сквозь издевательства железнодорожных комендантov, вступает в схватку с бандитами, добывает место в вагоне и пищу для малыша и его матери.

Приехав в Ялан, он застал в роли председателя колхоза показушного лжегероя войны, с уворованным орденом Ленина, предателя с гнилой душой, виновника гибели Сании, бывшего учителя школы Айсетдина.

Мухамед мудр и практичен одновременно. Он нравственно накапливает силы для свержения председателя, по глупой доверчивости выбранного яланцами на главную роль в ауле.

Зося узнает в Айсетдине карателя, расстрелявшего на её глазах партизан. «Позже будет установлено, что и орден предателем присвоен» [1].

Ялан на пределе, люди бегут кто куда, а кто и умирает от горя и бед. И сельская община в целях самосохранения, выбирает председателем колхоза Уразаева. Но праведный хранитель сибирско-татарской истории и обычаев, сопротивляется общему гласу, отстаивая свое право на устройство личных дел, счастье внука, дочери Фаягуль и Зоси, вернувшейся Миннурьи.

На фоне масштабных событий протекала непростая личная жизнь героев, полная коллизий и перипетий. Счастливые и несчастливые семьи проходят перед взором читателя. За всеми событиями видится нам образ автора, мудрого педагога, участника войны, человека все испытавшего в этой жизни, сохранившего благородство души, сумевшего объективно оценить прожитые годы.

Сибирь – величественный материк, целый континент страстей, деяний, надежд человеческих – входит в поле зрения писателя, хотя о Сибири написано много, но в своем романе Я. К. Занкиев открывает для читателя свою Сибирь с его многовековой историей.

Таким образом, судьба его персонажей предстает в органической связи с судьбой всей страны и целого народа. Главное внимание автора сосредоточено на попытках проникнуть в историю через судьбу отдельного своего героя. Писатель выходит на диалог со временем, стремясь постичь связи и закономерности между эпохой, судьбой народа и индивидуальным человеческим характером.

Якуб Камалеевич Занкиев обладал прекрасными знаниями быта и психологии своего народа. Его произведение было обращено к реальной действительности, общественной жизни, конфликтам времени, социальной психологии, к повседневному быту людей, духовному миру личности. Он не просто содержит, тематически по-новому дает материал, он самим строем чувств, тончайшим лирико-психологическим рисунком, музыкой слова передает в романе описание сибирской земли, обычая, традиций нашего народа, но самое главное Я. К. Занкиев показывает пробуждение национального самосознания сибирских татар. Автор с легкостью сумел раскрыть характер народа, душу, натуру сибирского человека. Мухамед, пройдя трагический путь вечной борьбы человека с окружающей несправедливостью, остается человеком, честным и верным своему народу. Самые ценные характерные черты романа – человечность, глубокое понимание смысла жизни, принципиальность и требовательность.

Роман «Зори Иртыша» Я. К. Занкиева послужило блестящим подтверждением той истины, что художник достигает настоящей высоты лишь в том случае, если выражает интересы своего народа.

Список использованных источников:

1. Занкиев Я. Иртыш таннары : роман / Я. Занкиев. – Казан : Татар. кит. нэшр., 1994. – 672 бит.
2. Занкиев Я. Предисловие В. Рогачева В ожидании рассвета. Зори Иртыша / Я. Занкиев. – Тюмень : СофтДизайн, 1998. – С. 8.

К.Филол.н. Галимова Г.С.

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Институт транспорта, НОЦ «Лингва», Российская Федерация*
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГАБДЕЛЯ МАХМУТА

В наши дни, в связи с углублением интереса ко всем областям жизни Сибири, возникает важная проблема отображения судеб, связанных с этой землей в художественном творчестве. Актуальность исследования определяется тем, что до настоящего времени отражение темы Сибири в татарской художественной литературе мало изучена.

Габдель Махмут – русскоязычный писатель, с 1998 года член Союза писателей РФ. Он пишет на русском языке, несмотря на то, что родился в сибирской таежной глухомани, окончил татарскую школу, общался на родном сибирско-татарском языке, вплоть до окончания десятилетки.

На сегодняшний день увидели свет несколько сборников Г. Махмута – это «Земляки», «Камертон», «Трассовики», «Ключи для прометеев», «От Белой змеи», «Поскреби ТАрТАРИНА», «В сердце Ямала», «На кончике пера».

В данном случае объектом исследования является сборник «Земляки» [1].

Его рассказы – представленная в событиях, лицах, звуках и красках жизнь сибирско-татарской деревни. Он пишет о событиях своей жизни, какими они были в действительности. При этом нельзя не упомянуть о художественном своеобразии творческого метода писателя. Г. Махмуту свойственен романтический взгляд на события и факты, на образы и характеры персонажей, пронизанных стремлением раскрыть лучшие черты жителей Сибири.

Рассказ «Татарчонок» – повествование о трагедии замерзающего в лесу мальчика, случайно отставшего от тракторных саней. Автор не просто рассказывает волнующую историю о драматической ситуации, в которую попал герой, он проводит своего юного героя как через испытания суровыми явлениями Сибирской природы, так и через отношения людей: дурных и добрых, где побеждают высокий дух и человечность.

Идейное содержание рассказа основано на противопоставлении благородного и низкого в поступках и мыслях людей, которые встретились мальчику в пути. Женщины в санях, узнав, что мальчонка внук бывшего продкомиссара, по-разному отнеслись к герою. Одна из них приоткрыла полу тулуна и пригласила сесть. Другая же, прошипела, дескать, не замерзнет...

Другой персонаж хранит злобу на всех татар: когда-то его избили на сабантуйе. За годы он подзабыл, что сам стал виновником случившегося, оскорбив молодую татарку, но чувство мести в нем живо. Замерзающего мальчонку он выставил за дверь.

Русский мужчина стал для маленького героя рассказа спасителем, он привел его в свой дом, где дети придумывали имя новорожденному братику. Они решили дать имя гостя – Ким, тем самым, показывая родство не только по крови, а по принадлежности ко всему роду человеческому.

Сибиряков, русских и татар, которые являются главными героями рассказов Г. Махмута, отличают отзывчивость и сила духа, справедливость и мужество, честность и трудолюбие – высокие качества, которые не даются человеку с рождения, а последовательно воспитываются родителями, много вековыми традициями целого народа.

В автобиографическом рассказе «Шамайка» речь идет о мальчике, которого односельчане за дивный голос прозвали «Лобертино», по имени итальянского самородка Робертино Лоретти. Одухотворенное восприятие героям своего дара помогают вести читателя к пониманию прекрасного, постичь его таинство.

Этот рассказ – своеобразное отражение любви писателя к малой родине. В «Шамайке» автор показал жителей-сибиряков любознательными, открытыми прекрасному, способными чувствовать и оценить талант. Простые труженики, искренне восхищаются дарованием односельчанина, радуются его успеху, как яркому проявлению культуры сибирских татар в целом. Этот рассказ автор посвятил своему земляку, уроженцу Вагайского района Тюменской области – сибирско-татарскому поэту Б. Сулейманову.

Рассказ «Земляки» освещен поэзией и тонким юмором, вызывающим у читателя добрую улыбку. На развилке в ожидании попутной машины встретились два земляка, вчерашние одноклассники. Один из героев рассказа – автор, его глазами читатель видит комичную ситуацию, когда попутчик после года жизни в городе старательно откращивается от своего деревенского прошлого, односельчанина. Его напыщенная бравада иностранной лексикой, правда, в безграмотной интерпретации смешна и неуклюжа. Но писатель не высмеивает нелепое высокомерие попутчика, он всего лишь подтрунивает над ним.

В юмористическом, на первый взгляд, произведении поднята тема сохранения родного языка, как основы культуры народа, его самобытности и роли в самосознании каждого человека.

В рассказе «Земляки» с особой силой проявился литературный почерк Г. Махмута, чьей особенностью стали чуткость восприятия мимолетных эпизодов в жизни человека, внимание к детали, простота изложения, интуитивное улавливание сути факта или явления. Благодаря особому стилю повествования в творчестве писателя органически соединились романтически приподнятое отражение, как действительности, так и событий прошлого. Чувство гражданской ответственности пронизывает рассказы Г. Махмута, утверждающие честность и милосердие, уважение к людям и любовь к своей малой родине – Сибири.

На наш взгляд, именно эти рассказы наиболее ярко отражают художественный стиль и почерк автора. В незамысловатых на первый взгляд сюжетах заложено глубокое восприятие и отражение жизни сибирских деревень. Автор не претендует на сенсационность или иную новомодную тенденцию. Все очень просто и вместе с тем в кажущейся простоте заложен философский смысл. Здесь писатель исследует движение человеческой души, убедительно показывая переживания своих героев, их радости и боль. В палитре человеческих отношений окружающий мир, под пером писателя, обретает осозаемость и многомерность. В этом, несомненно, художественное достоинство рассказов Г. Махмута.

Список использованных источников:

1. Махмут Г. Земляки: сборник / Г. Махмут. – Тюмень : Вектор Бук, 1994. – 216 с.

К.Филол.н. Дриняева О.А., Сухова Ю.В.

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Российская Федерация*

**ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Современная языковедческая наука пополняется нетрадиционными методами анализа фактов языковой действительности, что влечет за собой появление новых ее отраслей. Онтолингвистика – одна из самых молодых разде-

лов языкоznания, переживающая стадию становления. Поэтому неудивительно, что ученые, осваивающие и обогащающие ее проблематику, используют различные наименования подраздела. Сравните: онтолингвистика, возрастная лингвистика, лингвистика детской речи.

Эта интенсивно развивающая область лингвистических изысканий уже выработала свои методологические принципы. Она приобрела международный статус. Отдельные университеты России открывают кафедры детской речи. В Санкт-Петербурге успешно развивается Центр по изучению языка ребёнка, возглавляемый С. Н. Цейтлин. Создан учебник по онтолингвистике. «Привлечение данных детского языка, – отмечал академик Гвоздев, – может оказать значительные услуги в деле изучения русского языка: 1) они дают очень яркие подтверждения выводов исследования; 2) позволяют сделать и такие выводы, какие невозможно обосновать при помощи других методов». Изучая многоуровневую модель порождения детской речи, языковеды определили круг интересов онтолингвистических исследований, а именно: овладение ребенком звуковой основой языка, становление начального лексикона, развитие у детей словарных значений, формирование морфологических категорий, появление синтаксических конструкций, реализация элементарного дискурса и его речевое оформление.

Речевое развитие ребенка – это прежде всего становление языковой личности. Кроме фонетики и словаря, интенсивно формируется грамматический строй детской речи. Грамматика, как известно, включает два взаимосвязанных, но в то же время самостоятельных подраздела – морфологию и синтаксис. Морфология чаще определяется как учение о частях речи, или лексико-грамматических классах слов, и их словоизменении (формообразовании).

Усвоение детьми морфологических категорий – процесс длительный и сложный, отличающийся появлением в детской речи частей речи, их словоформ. Так, по мнению основателя онтолингвистического направления в языкоznании А. Н. Гвоздева, ребенок усваивает сначала имена существительные, глаголы, наречия; имена прилагательные появляются в его лексиконе гораздо позднее. Подобные выводы подтверждают и методисты. Например В. П. Канакина, проделавшая количественный анализ словарного состава творческих работ младшеклассников выяснила: субстантивные слова составляют до 60 % от всего числа лексических единиц, глагольные лексемы занимают второе место по частотности их употребления (до 30 %), имена прилагательные формируют незначительную группу. Что касается местоимений и наречий, то их процент употребления колеблется в зависимости от ступени образования, жанра и темы творческой работы учащихся.

Вхождение ребенка в лексико-грамматический разряд, именуемый глаголом, сопровождается появлением неузуальных лексем, окказионализмов, в дальнейшем обозначаемых как детские инновации. К самым распространенным из них относятся словообразовательные и формообразовательные окказионализмы. Как тонко подметил К. И. Чуковский, в таких образованиях «нет единого слова, которое не было бы связано с движением, с динамикой. Всюду выдвинута на первое место действенная функция предметов». От глаголов

дети образуют другие глаголы, имена прилагательные, используя при этом как суффиксацию, так и префиксацию, а иногда смешивая эти словообразовательные процессы в одной модели.

Новообразованные глаголы в детской речи, как правило, обозначают 1) завершенность–незавершенность действий; 2) результативность – нере-зультативность. Любое действие ребенок воспринимает как процесс, который, с одной стороны, может быть длительным, незавершенным или повторяющимся, а с другой стороны, может члениться в его представлении на отдельные акты, каждый из которых обладает завершенностью и, как правило, приводит к достижению некоторого результата.

Сравните: *вставливать как вдавливать, стукает как мяукает,*
люстрировать как любить, привесить как повесить,
колотнуть как стукнуть, рисонуть как прыгнуть.

Свои глагольные лексемы дети образуют часто с помощью присоединения «чужих» приставок. *Налить, набрать, накидать* – это наши «взрослые», обычные слова, а вот новые детские глаголы: *набулькать, насосать, подхрюкивать, иссмотреть*.

Из приведенных примеров видно, что слова приобретают новое значение и особый оттенок, и иногда необходимы комментарии для объяснения ситуаций. «Насосать – накачать насосом колеса»; «исмотреть – просмотреть все фильмы, которые есть».

Смешанные способы глагольного словообразования представлены в онтогенезе разными моделями: префиксально–суффиксальный (*рушить–разрушивать, хотеть–захачивать, чертить–начерчивать*), префиксально–постфиксальный (*танцевать–затанцеваться, есть–заесться, сунуть–засунуться*), префиксально–суффиксально–постфиксальной (*лять–перелаиваться, крестить–перекрецаться, спать–обоспаться*).

Естественно, специалистам по словообразованию нормативных глаголов известны эти словообразовательные модели (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов и другие). Однако психологам, психолингвистам, языковедам, занимающимся проблемами лингвистики детской речи, подобные явления помогают раскрыть тайны онтогенеза.

Уже к трем годам в течение короткого времени ребенок овладевает наиболее общими правилами словоизменения глаголов. Прежде всего он начинает их спрягать, т.е. изменять по лицам и числам, что требуют коммуникативные ситуации, в которых он выступает в качестве одного из активных участников общения.

Поскольку русский язык, как и украинский, является флексивным, то слова, относящиеся к разным лексико-грамматическим разрядам, в языке детей изначально представлены своими словоформами с соответствующими словоизменительными аффиксами. Морфологическая форма в современном языковедении трактуется как бинарное явление. С одной стороны, она имеет определенное грамматическое значение, а с другой – определяются средства его выражения. К последним относятся флексии (говорю, говоришь, говорит), словоизменительные суффиксы (говорить, говорил), чередование глас-

ных и согласных (рисовать – рисую, стричь – стригу – стрижешь), супплетивизм (прийти – приду).

Кроме того, в отличие от других знаменательных частей речи глагол имеет две основы – основу настоящего (будущего) времени и основу инфинитива (прошедшего времени). В процессе речевой деятельности ребёнку часто приходится переходить от одной основы к другой, конструировать словоформы самостоятельно. Для детей правильной моделью служат парадигмы глаголов, чьи основы соотносятся наиболее простым способом. К таковым, конечно, относятся глагольные лексемы пяти известных продуктивных классов. Но существует еще около двадцати непродуктивных классов. В них то возникают неузуальные формообразования типа *искаю, едю, глядю, вста-вают, утреет*.

Детские инновации в формообразовании глагольных слов отличаются от узуальных, нормативных способов словоизменения. И это понятно – детская речь имеет спонтанный разговорный характер. Кроме того, ребенок не только подражает взрослым носителям языка, но и усваивает наиболее общие правила для создания собственных словоформ – окказионализмов. Создавая «свою» грамматику, маленький человек стремится к универсальности, не зная еще при этом огромного числа исключений, вариативных словоформ, дефектных парадигм.

А. Н. Гвоздев утверждал, что грамматический строй языка является усвоенным в основном к трём годам. Однако как справедливо замечает С. Н. Цейтлин: «Действительно к трем годам в основном усвоен план содержания морфологических категорий (не считая частных подтипов), а также основные стандартные, специализированные средства плана выражения. Окончательно же овладение планом выражения морфологических категорий, предполагающее способность в соответствии с существующей нормой конструировать морфологические формы, растягивается на ряд последующих лет». Например, усвоения младшими школьниками форм глагольного спряжения в течение всех лет обучения в начальной школе сопровождаются ненормативным формообразованием.

В результате проведенного исследования в 1-4 классах школ города Тамбова и анализа письменных работ учащихся были установлены типы отступлений от правил словоизменения русских глаголов. К ним относятся недостаточные глаголы (*победить, убедить, пылесосить*), разноспрягаемые глаголы (*хотеть, убежать*), изолированные глаголы (*есть, дать, идти, прийти*), изобилующие глаголы (*махать, полоскать*).

Таким образом, вхождение ребёнка в морфологию современного русского языка представляет собой сложный, длительный процесс, сопровождающийся отступлениями от грамматических норм и поэтому предполагающий систематическую работу воспитателей дошкольных учреждений и учителей начальной школы по предупреждению и исправлению подобных речевых недочётов.

Заблодська Д.В.

*Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля,
м. Луганськ, Україна*

СТИЛІ МОВИ ТА ЇХ ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ

Культура ділового спілкування сприяє встановленню і розвитку стосунків між колегами, керівниками і підлеглими, партнерами і конкурентами, багато в чому визначаючи їх ефективність: чи будуть ці стосунки успішно реалізовуватися на користь партнерів або ж стануть неефективними, або зовсім зупиниться, якщо партнери не знайдуть взаєморозуміння. Залежно від тих цілей, які стоять в процесі спілкування, відбувається відбір мовних засобів. В результаті створюються своєрідні різновиди єдиної літературної мови, звані функціональними стилями мови [1].

Термін «функціональний стиль» підкреслює, що різновиди літературної мови виділяються на основі тієї функції (ролі), яку виконує мова у кожному конкретному випадку. Таким чином, для кожного функціонального стилю мови характерні свої особливості. «Заговори, аби я тебе побачив», – говорив Сократ. Адже саме мова і вибраний стиль мови може багато що сказати про людину.

Існують наступні стилі мови: науковий, офіційний, публіцистичний, художній і розмовний [2].

Для наукового стилю властиво використання спеціальної наукової і термінологічної лексики, графічній інформації, чітке визначення понять і явищ, строга логічність і послідовність викладення, ускладнений синтаксис. Науковий стиль володіє різноманітністю мовних жанрів. Основними є: наукова монографія, наукова стаття, дисертаційна робота, науково-навчальна проза (така, як підручники, методичні посібники і т. п.), науково-технічні документи (інструкції, правила техніки безпеки і ін.), наукові доповіді, лекції і так далі. Мета наукового стилю мови – представити, класифікувати і узагальнити факти, висунути ідею, привести логічні докази, сформулювати закономірності і закони. Науковий стиль реалізується переважно у письмовій формі мови, але з розвитком засобів масової комунікації, із зростанням значущості науки в сучасному суспільстві і збільшенням числа різного роду наукових контактів, таких, як конференції, наукові семінари, симпозіуми і т. п., зростає роль усної наукової мови.

У публіцистичному стилі реалізується функція дії агітації і пропаганди, з якою співпадає інформативна функція. У публіцистичних творах зачіпаються питання вельми широкої тематики – будь-які актуальні питання сучасності, що представляють інтерес для суспільства: політичні, економічні, моральні, філософські, питання культури та ін. Публіцистичний стиль знаходить використання в суспільно-політичній літературі, періодичному друці (газетах, журналах), політичних виступах, мовах на зборах і так далі. Багато публіцистичних жанрів характеризуються вільним використанням всіх ресурсів національної мови, включаючи його образотворчо-виразні засоби.

Художній стиль знаходить вживання у художній літературі, яка виконує образно-пізнавальну й ідейно-естетичну функції.

Офіційний і офіційно-діловий стилі відрізняються своєю відносною стійкістю. Сфера функціонування офіційного стилю – це управління, право і діловодство, це основний стиль ведення бізнесу для управлінського персоналу. І тому так поважно знати і правильно застосовувати його в професійній діяльності. З часом і офіційний, і офіційно-діловий стилі зазнали певні зміни, але суть і призначення залишилися незмінними.

Розрізняють декілька підстилів офіційно-ділового стилю:

Дипломатичний підстиль – підстиль дипломатичних документів, таких, як дипломатична нота, заява уряду, вірча грамота. Він відрізняється специфічними термінами, велика частина яких – інтернаціональні: статус-кво, персона нон-грата, ратифікація, преамбула. На відміну від інших підстилів офіційно-ділового стилю в мові дипломатичних документів зустрічається висока, урочиста лексика для додання документу підкресленої значущості, а також використовуються загальноприйняті в міжнародному державному обігу форми етикеток ввічливості.

Документальний підстиль – мова законодавчих документів, пов'язаних з діяльністю офіційних органів, який включає лексику і фразеологію державного права, цивільного права, кримінального права, кодексу законів про працю, кодексу законів про брак і сім'ю. До нього примикає лексика і фразеологія, пов'язана з роботою адміністративних органів, службовою діяльністю громадян.

Повсякденно-діловий підстиль зустрічається в листуванню між установами і організаціями і в приватних ділових паперах, а також в службовому листуванні (діловий лист, комерційна кореспонденція), офіційних ділових паперах (довідка, посвідчення, акт, протокол), приватних ділових паперах (заява, розписка, автобіографія, рахунок і ін.).

Для лексики текстів офіційного стилю характерно використання експресивно не забарвлених слів, стандартизованих виразів, штампів, канцелярізмів, абревіатур. Характерною рисою офіційно-ділового стилю є наявність в нім багато чисельних мовних стандартів – кліше. Якщо в інших стилях шаблонні звороти незрідка виступають як стилістичний недолік, то в офіційно-діловому стилі в більшості випадків вони сприймаються як сповна природна його принадлежність. Багато видів ділових документів мають загальноприйняті форми викладу і розташування матеріалу, а це, поза сумнівом, полегшує і спрощує користування ними. Не випадково в тих або інших випадках ділової практики використовуються готові бланки, які потрібно лише заповнювати. Навіть конверти прийнято надписувати в певному порядку. При використанні офіційно-ділового стилю недопустимою вважається полісемія, тобто багатозначність, метафоричне використання слів, вживання слів в переносних значеннях. Діловій мові властиві безособовість і відсутність оцінки.

Список використаних джерел:

1. Введенская Л. А. Русский язык: культура речи. Текст, функциональные стили, редактирование / Л. А. Введенская. – М. : Март, 2003. – 342 с.

2. Введенская Л. А. Культура и искусство речи. Современная риторика / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 576 с.
3. Корчагина Г. А. Выбор стилей речи и их функциональные особенности для управленческого персонала / Г. А. Корчагина // Економіка розвитку. – №3 (59). – С. 106–108.

Ковалева Н.А., Мовчан М.А.

*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры,
Украина*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Сегодня образование все более начинает осознаваться нашим обществом как сфера инвестиций в человека, в лучшее будущее Украинского государства. Утверждение приоритетов учебного диалога в образовательном процессе высшей школы, продуктивных форм педагогического общения способствует овладению учащимися коммуникативной культурой, воспитывает творческую и ответственную личность и поэтому представляет собой актуальную проблему современного этапа развития образования и украинского общества в целом.

Идея связи культуры и языка тесно связана с целями и задачами лингводидактики – найти наиболее рациональные методы преподавания иностранного языка, изучить вопрос целесообразности обучения культуре иноязычной страны через язык, его национальное содержание.

Вопрос связи языка с культурой имеет действительно практическую пользу. Кроме изучения иностранных языков существует другой аспект не меньшей важности – изучение своего родного языка и его истории. Необходимо отметить, что последние, наиболее значительные достижения, имеющиеся в изучении влияния культуры на язык, были сделаны, главным образом, в рамках лингвострановедения и в основном на материале русского языка, преподаваемого иностранцам.

Одно из центральных направлений лингвистических исследований социальной и культурной обусловленности языка – лингвострановедческое направление. Лингвострановедение можно определить как изучение культуры страны параллельно с изучением самого языка. Предметом лингвострановедения служит культура, как она выражена на изучаемом языке. Данное направление сформировалось с одной стороны под влиянием решаемой проблемы о соотношении языка и культуры, а с другой стороны его возникновение было обусловлено чисто прагматическими предпосылками – подходом к преподаванию иностранного языка, как средства общения, необходимостью изучения языка в тесной связи с культурой страны, в которой этот язык используется.

Язык и мысль, язык и история, язык и культура неотделимы друг от друга. Жизнь общества отражается в его языке. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может», – так еще в 1849 г. записал свои размышления о специфике языка И. И. Срезневский.

Каждое занятие иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление об окружающем мире.

При общении с представителями иноязычной культуры важно учитывать не только особенности речевого этикета, но и тот факт, что и язык жестов и телодвижений не является общечеловеческим языком, например: русские, сопровождая речь, жестикулируют только одной – правой или левой рукой. А некоторые иностранцы, особенно жители Европы, жестикулируют двумя руками, причем обе руки движутся симметрично.

Сегодня методика преподавания иностранных языков связывает эффективность обучения с формированием компетенции межкультурного общения (Костомаров В. Г., Фурманова В. П.), лингвострановедческой компетенции (Прохоров Ю. Е., Чернявская Т. Н.), а также с формированием у иностранных учащихся установок толерантного сознания и поведения (Елизарова Г. В., Иванова Е. Г.), что представляется особенно важным для процесса обучения студентов-иностранцев в условиях языкового окружения.

В работах культурологов, философов, лингвистов, социологов можно обнаружить разные подходы к определению феномена культуры. Определение данного понятия может носить описательный, предметный, психологический или социальный характер.

Универсальными характеристиками культуры, находящими отражение практически во всех определениях, можно назвать следующие:

- 1) культура представляет собой систему ценностей, символов и знаний, разделяемую всеми членами общества;
- 2) культура порождается только человеком как биологическим видом;
- 3) культура формируется в совместной деятельности людей, постигается человеком в процессе своей жизнедеятельности;
- 4) культура не наследуется биологически, а целенаправленно передается обществом от поколения к поколению;
- 5) культурные объекты имеют символический характер (являются знаками, обладающими значениями).

Содержанием образования является культура. Содержание иноязычного образования значительно шире, богаче и важнее, чем это традиционно представляется. Процесс иноязычного образования фактически включает в себя четыре аспекта:

- 1) *познание*, которое нацелено на овладение культуроедческим содержанием иноязычной культуры (сюда относится не только культура страны, но и язык как часть культуры);
- 2) *развитие*, которое нацелено на овладение психологическим содержанием иноязычной культуры (способности, психические функции и т. д.);
- 3) *воспитание*, которое нацелено на овладение педагогическим содержанием иноязычной культуры (нравственный, моральный, этический аспекты);
- 4) *учение*, которое нацелено на овладение социальным содержанием иноязычной культуры.

Речевые умения усваиваются как средства общения в социуме, в обществе. Любой учащийся должен знать и уметь реализовывать те функции, которыми наделено каждое из речевых умений и общение в целом. Можно говорить о практическом предназначении иностранного языка как об осознании практического результата, который оказывает влияние на овладение речевыми умениями в зависимости от уровня овладения культуроведческим, психологическим и педагогическим аспектами содержания иноязычной культуры в процессе овладения этими аспектами.

Итак, иноязычная культура есть та часть общей культуры человечества, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах.

Культуроведческое содержание жизни того или иного народа, как известно, очень объемно. Вряд ли найдется человек, который станет утверждать, что он владеет всем культурным богатством своего родного народа. В то же время этот человек, безусловно, является носителем своей культуры, понимает ее и чувствует ее дух, обладает соответствующим менталитетом.

Чтобы достичь такого же понимания в иноязычном образовании необходимо:

во-первых: взаимопонимание в межкультурном диалоге достижимо лишь в том случае, если участники диалога знакомы с национальной культурой, признают ее ценность;

во-вторых: менталитет складывается только благодаря овладению культурой;

в-третьих: всю культуру страны изучаемого иностранного языка в полном объеме в процессе иноязычного образования усвоить невозможно;

в-четвертых: усвоение разрозненных (пусть даже и многочисленных и интересных) фактов культуры не обязательно приведет к «вхождению» в чужой менталитет.

Поэтому необходимо, чтобы духовное совершенствование учащихся происходило на основе не только понимания новой культуры, но в ее диалоге с родной.

Овладение культурой предполагает постижение системы ценностей народа, которое осуществляется на трех уровнях: а) на уровне восприятия (познавательное значение знаний), б) на уровне социальном (прагматическое значение знаний) и в) на уровне личностного смысла (аксиологическое, или ценностное, значение знаний). Для первого уровня достаточно иметь представление о фактах культуры, для второго нужно владеть понятиями и уметь совершать какое-либо действие, для третьего уровня необходимы суждения, связанные с личностным эмоционально-ценостным отношением.

Готовясь к очередному занятию, преподавателю важно иметь в виду дидактические свойства и функции каждого из отбираемых средств обучения, четко представляя себе, для решения какой методической задачи то или иное средство обучения может оказаться наиболее эффективным.

Если иметь в виду предмет нашего обсуждения – Интернет, то также важно определиться, для каких целей мы собираемся использовать его возможности и ресурсы. Например:

- для включения материалов сети в содержание урока;
- для самостоятельного поиска информации учащимся в рамках работы над творческими заданиями;
- для ликвидации пробелов в знаниях.

Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на занятии:

- совершенствовать умение аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет;
- пополнять словарный запас как активной, так и пассивной лексикой современного языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности.

Включение материалов сети в содержание занятия позволит учащимся лучше понять реалии жизни украинского общества, формировать у учащихся интерес и уважение к культуре страны изучаемого языка, потребность в практическом использовании языка в различных сферах деятельности. Итак, эффективность учебного процесса во многом зависит от умения преподавателя правильно организовать занятие и грамотно выбрать ту или иную форму его проведения.

Как известно, целью обучения иностранному языку является формирование межкультурной компетенции учащихся, которая реализуется в способности к речевому общению. Залогом успешной речевой активности учащихся являются нетрадиционные формы уроков русского языка, в ходе которых учащиеся приобщаются к культуре страны изучаемого языка, а также расширяют знания о культурном наследии родной страны, что позволяет учащимся принимать активное участие в диалоге культур.

Нетрадиционные формы проведения занятий дают возможность не только поднять интерес учащихся к изучаемому предмету, но и развивать их творческую самостоятельность, обучать работе с различными источниками занятий.

Такие формы проведения занятий «снимают» традиционность урока, оживляют мысль. Однако необходимо отметить, что слишком частое обращение к подобным формам организации учебного процесса нецелесообразно, так как нетрадиционное может быстро стать традиционным, а это может привести к падению у учащихся интереса к предмету.

Развивающий и воспитывающий потенциал нетрадиционных форм учебного занятия можно охарактеризовать с помощью определения следующих целей обучения:

- формирование у учащихся интереса и уважения к культуре страны изучаемого языка;
- воспитание культуры общения и потребности в практическом использовании языка в различных сферах деятельности;

- развитие языковых, интеллектуальных и познавательных способностей, развитие ценностных ориентаций, чувств и эмоций учащегося.

Содержанием иноязычного образования является культура как система духовных ценностей, накопленных обществом во всех сферах – от быта до философии. Отсюда следует, что иноязычное образование есть передача иноязычной культуры в познавательном, развивающем, воспитательном и обучающем аспектах. Чтобы овладеть иноязычной культурой, необходимо, во-первых, через язык изучать культуру и культуру через язык, во-вторых, сделать общение способом познания, средством развития, инструментом воспитания.

При изучении чужой культуры очень часто забывается, что культуры не существуют в вакууме, что они неразрывно связаны. Познание культуры иноязычных стран не должно являться самоцелью, но лишь поводом для более глубокого понимания и осмыслиения своей родной культуры. Поэтому учебники по иностранным языкам должны содержать рубрики, побуждающие студентов-иностранцев к активному поиску аналогичной информации о собственной стране, ее анализу, выводу об особенностях влияния геополитического положения страны на жизнь людей. Итак, диалог культур, успешная межкультурная коммуникация невозможна без знания собственной культуры и культуры стран изучаемого языка, при этом культура должна осознаваться как стиль жизни и национальный менталитет людей.

Именно поэтому, на своевременном этапе развития образования на первый план выходит иноязычное образование, одной из целей которого является подготовка к адекватному восприятию представителей других культур (которые могут отличаться по взглядам и привычкам), иначе говоря, воспитание учащихся в контексте диалога культур.

Список использованных источников:

1. Брагина А. А. Лексика языка и культа страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А. А. Брагина. – М. : Русский язык, 1986. – 152 с.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1993.
3. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2007. – 336 с.
4. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
5. Малькова Е. В. Формирование межкультурной компетенции в процессе работы над текстами для чтения: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. пед. наук / Е. В. Малькова. – М., 2000.
6. Милосердова Е. В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации / Е. В. Милосердова // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 3. – С. 80–84.
7. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. – М., 1959.
8. Сысоев П. В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка / П. В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 4. – С. 12–18.

Кузнецова Ю.А.
*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Российская Федерация*
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРСКИХ ТАТАР

В настоящее время в филологической науке большое внимание уделяется исследованиям, посвященным изучению проблем языка, культуры, литературы, истории и этнографии различных народов, проживающих на территории России. Особое место среди них отводится изучению литературного наследия сибирских татар.

Сибирско-татарская литература представляет собой литературные произведения сибирско-татарского этноса, уроженцев Сибири, тематически связанные с сибирскими татарами на сибирско-татарском, русском и татарском языках [3].

Стоит отметить, что история литературы и литературное наследие данного народа до XXI в. оставались малоизученными.

В данной статье рассматривается современный период развития сибирско-татарской литературы, а также проводится краткий обзор творческой деятельности писателей и поэтов Сибири.

Литературное творчество сибирских татар многогранно и разнообразно. Творчество профессиональных писателей сибирско-татарской литературы представляют собой важный этап в развитии татарской общественной мысли и эстетики. Они отразили в своих произведениях тенденции в социально-экономической и политической жизни татарского народа Сибири, духовные поиски современников, существенно обогатили арсенал художественной обра-зности татарской литературы, ее жанрово-стилистическую структуру.

Первый романист Я. К. Занкиев и поэт Б. В. Сулейманов – это писатели, которые сыграли исключительно важную роль в духовном возрождении сибирско-татарского народа, в том, что в обществе зародилось стремление к лучшей жизни и сознание человеческого достоинства. Их гуманистические мысли и ценности с точки зрения духовно-нравственного обогащения человека приобретают новое содержание в нашем изменяющемся мире.

«Энциклопедией жизни сибирских татар» называют исследователи роман Якуба Камалиевича Занкиева (06.04.1917, г. Иркутск – г. 07.03.2003, Тобольск) «Зори Иртыша» (1994), переведённый на русский язык. Его произведения направлены против лжи и фальши, утверждают справедливость, благородство независимо от времени и обстоятельств [3].

В творчестве Булата Валиковича Сулейманова (28.05.1938 – 05.03.1991) отражается любовь к родному краю, философия, неразделённая любовь. Б. Сулейманов – автор двух прижизненных поэтических сборников – «Таннар фонтаны» («Фонтан зорь») и «Акметеор» («Белый метеор») [2].

Глубокий психологизм отличает прозу Габделя Махмута (Махмут Касимович Абдулин, 24.05.1951, д. Митькино Вагайского р-на). Он является автором книг «Земляки», «От белой змеи», «Поскреби татарина», «В сердце Ямала», «На кончике пера».

Живущий и работающий в Казани выходец из сибирских татар Шаукат Гадельша (Шаукат Гадельшович Сибгатуллин, 16.09.1949, д. Киндер Нижнетавдинского р-на Тюменской области) обращается своей поэзией к родным местам, родным людям. В его стихах заметное место занимают фольклорные образы сибирских татар и анимизация природы.

Активно занимаются творчеством самодеятельные поэты и писатели. Среди них стоит отметить Талиба Бикмухаметовича Фатхуллина (14.11.1934, д. Корсаки Ялуторовский р-н Тюменской области – 2.05.2002, г. Тюмень) и его повесть «Майор милиции». Сборники стихов Сагита Дильмухаметовича Сагитова (17.01.1947, с. Ембаево Тюменского р-на) адресованы читателю с возванием любить и хранить свой родной язык, культуру, родину. Полны философского содержания и любви к родному краю стихотворения Багаутдина Камалетдиновича Наврузова (01.05.1918, с. Новоатьялово Ялуторовского р-на). Примечательна поэзия Ракипа Халиулловича Ибрагимова (15.06.1937, д. Ново-каишкуль (Сала) Ярковского р-на Тюменской области). Поэт пишет на татарском литературном и сибирско-татарском языках, обращаясь к сибирско-татарскому народу с наставлением о необходимости ценить свой язык, быть гуманистом [2].

Подробнее хотелось бы остановиться на рассмотрении творческой деятельности Николая Меркамаловича Шамсутдина (16.08.1949 п. Яр-Сале Ямalo-Ненецкого АО).

Его творчество многогранно и интересно. Вся его жизнь тесно связана с Тюменской областью. Н. Шамсутдинов выпустил в свет двадцать книг, основные из которых — «Выучиться ждать», «Прощание с юностью», «Лунная важенка», «Скуластые музы Ямала», «Женщина читает сердцем», «Избранное», «Любовь без утоления», «Пенорожденная», «Заветная беззаветность» [4]. Его стихи переводились на языки народов СССР, а также на словацкий, английский, польский, шведский, датский, французский. Поэт, в свою очередь, перевел на русский язык четыре книги иноязычных поэтов, закончив недавно работу над большим лирическим циклом хантыйской поэтессы М. Вагатовой.

Творчество Н. Шамсутдина вобрало в себя всю поэтическую культуру нашей цивилизации — от далеких пращуров до античности и пушкинского наследия. В своих стихах поэт бережно прикасается к памяти военных лет, стремится передать неповторимость каждой человеческой судьбы. Много пишет о любви, о буднях рабочего Севера, о своеобразной и неповторимой красоте сибирской природы. Его произведения насыщены драматизмом жизненных коллизий, глубоким ощущением непобедимости жизни [4].

Н. Шамсутдинов является членом Союза писателей СССР (ныне Союза российских писателей), почетным работником культуры и искусства Тюменской области, а также сопредседателем Ассоциации писателей УРФО и членом Высшего совета писателей Сибири.

Он является обладателем ряда престижных наград, трижды удостаивался Государственной президентской стипендии в области литературы (1997, 2001, 2006) за творческий труд и значительный вклад в духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения.

Стоит отметить, что сегодня изучение творческого пути Н. М. Шамсутдинова является актуальным, ведь его произведения остаются неисследованными и малоизученными. В целом, изучение культуры и литературного наследия сибирских татар является одним из приоритетных направлений в исследованиях, проводимых современной филологической наукой.

Список использованных источников:

1. Булат Сулейманов (1938-1991) 60 лет со дня рождения : сборник материалов для массовых и школьных библиотек. – Тюмень, 1998.
2. Сагидуллин М. А. Сибирско-татарская литература / М. А. Сагидуллин // Большая Тюменская энциклопедия. – Тюмень, 2004. – С. 104–105.
3. Википедия Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>
4. Информационно-деловой портал TumenToday.ru «Николай Шамсутдинов. Соименник сердца» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tumentoday.ru>

К.пед.н. Нагрибельна І.А.

Херсонський державний університет, Україна

**САМОСТІЙНЕ ОПРАЦЮВАННЯ КОМПОНЕНТІВ
КОМУНІКАТИВНОГО ЗМІСТУ НАВЧАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ
ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ**

Найважливішим завданням освіти в Україні на сучасному етапі є залучення молоді до національної культури на основі рідної мови. Перегляд загальнокультурних і соціолінгвістичних підходів до вивчення української мови, яка має статус державної, зумовлює посилення уваги до формування сучасної мовної особистості.

Означений процес відбувається поетапно та реалізується під час дошкільної, шкільної освіти. Окрім місце у формуванні мовної особистості посідає навчання студентів у вищих навчальних закладах, де приділяється гідна увага вивченню української мови. Проте розвиток мовної особистості не може обмежуватись тільки програмовими завданнями. Останнім часом все більше уваги приділяється самостійному опрацюванню лінгвістичного матеріалу як дієвому засобу вивчення державної мови. Таким чином особлива увага акцентується на аналізі компонентів комунікативного змісту навчання української мови як засобі формування мовної особистості.

Застосовуючи знання мови, людина розвиває навички вживання мови для мислення і спілкування. Цей процес тісно пов'язаний із засвоєнням норм літературної мови і опрацюванням компонентів комунікативного змісту навчання української мови.

Навчання мови не може бути зведене до самого тільки засвоєння інформації, до чисто раціонального, інтелектуального процесу. Для ефективності навчання необхідна оптимальна організація не тільки навчально-пізнавальної діяльності як такої, але й мотиваційно-емоційної сфери психіки студентів; соціально-психологічних процесів у навчальному колективі, всієї системи

педагогічного спілкування. Мабуть, не можна протиставляти один одному процес навчання, спрямований нібито тільки на свідомість студента, і процес виховання, що має за об'єкт особистість: слід поставити питання про особистіснотвірну функцію навчання [3].

Щоб реалізувати подібні теоретичні уявлення, належить аргументовано, науково обґрунтовано відповісти на „вічні» питання методики – чого учити, як учити. Перше питання пов’язане з проблемою змісту навчання, друге – з методами навчання.

Діяльнісна, предметно-ситуативна реалізація спілкування на основі іншомовного мовленнєвого матеріалу (поряд з урахуванням факультативних засобів комунікації – параметри, предметно-ситуативного середовища і так далі) становить зміст навчання спілкування у формі моделей-зразків іншомовного спілкування (як статичного тексту у звуковій і графічній формі – продукту, так і динамічного зразка функціонування певної форми спілкування – діалогу, публічного монологу та ін., а також мовних засобів, що функціонують у них). У зміст навчання (і ширше – освіти) включаються цілі навчання, знання, навички, уміння і досвід творчої діяльності. Іноді в зміст навчання методисти включають й інші компоненти, наприклад, навчальні вправи (І. Л. Бім, І. Д. Салістра). Зміст навчання розуміється, – пише І. Л. Бім, – як «складна діалектична єдність, що оформлюється із взаємодії певним чином організованого навчального матеріалу (zmісту навчального предмета) і процесу навчання його (функціонального аспекту педагогічного процесу)» [1].

Мовленнєва компетентність виявляється у виявленні вмінь кожної особистості користуватися усною і писемною літературною мовою, багатством її виражальних засобів залежно від мети висловлювань і сфери суспільного життя.

Компонентами комунікативного змісту навчання виступають: сфери спілкування, теми і ситуації, типи комунікативних завдань, мовленнєві дії, актуальні для виділених типів ситуацій [2].

Вони пов’язуються з необхідними для реалізації цих мовленнєвих дій уміннями, навичками, знаннями (мовленнєва компетенція) і мінімумом мовних засобів, що реалізують певні комунікативні завдання (мовний зміст навчання, мовна компетенція).

Таким чином, комунікативний зміст навчання, узгоджуючись з не обхідними мовленнєвими навичками і уміннями, базуючись на відібраному граматичному, лексичному і фонетичному матеріалі, забезпечує діяльність мовленнєвого спілкування. Усвідомлюючи сказане, ми розуміємо, що в процесі самостійного опрацювання компонентів комунікативного змісту української мови посилюється і формування комунікативної компетенції.

Проблема комунікативного підходу до навчання мови не нова, вона тісно пов’язана з практичною діяльністю. Проте актуальним залишається аспект самостійного опрацювання структури комунікативного навчання. Він стосується цілої системи мовленнєвих умінь, над удосконаленням яких мовець здатен працювати самостійно: сприйняття та побудова усних і писемних мо-

нологічних і діалогічних висловлювань різних видів, типів, стилів і жанрів. Для формування комунікативних навичок мовця важливу роль відіграють мовленнєві ситуації.

У методичній літературі пропонуються найрізноманітніші класифікації ситуацій: реальні і уявні; реальні стандартні і нестандартні; уявні стандартні і нестандартні ситуації, що обслуговують навчальний процес і теж поділяються на стандартні і нестандартні. У кожному з названих типів проводиться добір комунікативних завдань і мовних засобів, що їх обслуговують.

Останнє має на меті оздобити научуваних різними синонімічними засобами, що вводять у кожну з виділених типів ситуацій і використовуються для вираження того самого комунікативного наміру.

Умови – чинники передмовленнєвого орієнтування – повинні бути задані і сформульовані достатньо повно, конкретно, щоб викликати у студента комунікативний намір, що реалізовується в задумі висловлення. Серед чинників передмовленнєвого орієнтування істотними є: соціальні (соціологічні характеристики учасників спілкування, суспільний і соціальний статус – стать, вік, рівень освіти, рівень інформованості про предмет спілкування та ін., і конкретні умови спілкування – місце, час); психологічні (психологічний клімат спілкування, емоційний настрій, стан, особливості характерів партнерів та ін.); дидактико-методичні (чітке і конкретне формулювання комунікативного завдання, пропоноване студентові, як правило, в певній ситуації, на зразок: поцікавтесь тим-то, запросіть того-то, розпитайте про те-то, розпитайте і запросять, запропонуйте і так далі). Так, для повсякденно-побутової або соціокультурної сфер спілкування актуальні комунікативні завдання типу: привітайте телефоном українського колегу з подією в особистому житті, дізнайтесь адресу або телефон, запитайте (або розкажіть) про самопочуття, уточніть, де лежить такий-то предмет, висловіть здивування (жаль) з приводу якоїсь події (факту), попросіть колегу виступити на зборах (зустріти товариша в аеропорті), запросіть подругу в театр (кіно, на концерт), відмовтесь від виконання якої-небудь дії і так далі.

Аналізований матеріал не вичерпує усіх аспектів порушеної проблеми, а є перспективним напрямом дослідження процесу самостійного опрацювання компонентів комунікативного змісту навчання української мови.

Список використаних джерел:

1. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: опыт системно-структурного описания / И. Л. Бим. – М. : Русский язык, 1977. – 288 с.
2. Пентилюк М. И. Актуальні проблеми сучасної лінгводидактики: збірник статей / М. И. Пентилюк. – К. : Ленвіт, 2011. – С. 43.
3. Федчик В. А. Співвідношення принципів комунікативності і системності в навчанні нефілологів української мови / В. А. Федчик // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. «Европейская наука XXI века». – 2007. – Т.6. : Филологические науки. – Днепропетровск : Наука и образование, 2007. – С. 10–17.

К.пед.н. Нищета В.А., Казанцева К.Ю.

Институт филологии и социальных коммуникаций

Бердянского государственного педагогического университета, Украина

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
ПОВЕСТИ Э. Н. УСПЕНСКОГО «ПОДВОДНЫЕ БЕРЕТЫ»**

Художественное пространство – одна из форм эстетической действительности, творимой автором. Это диалектическое единство противоречий: основанное на объективной связи пространственных характеристик (реальных или возможных), оно субъективно и в то же время конечно.

Текст пространствен, т.е. элементы текста обладают определенной пространственной конфигурацией. Отсюда теоретическая и практическая возможность пространственной трактовки тропов и фигур, структуры повествования.

Исследование текста как определенной пространственной организации предполагает, рассмотрение его объема, конфигурации, системы повторов и противопоставлений, анализ таких топологических свойств пространства, преображеных в тексте, как симметричность и связность.

Актуальность исследования определена необходимостью изучения средств оформления категории пространства в художественных текстах, а именно, в текстах произведений для детей. Анализ проводился на материале фантастической повести Э. Н. Успенского «Подводные береты».

Цель исследования – изучить оформление категории пространства при помощи различных языковых средств.

Пространство применительно к художественному тексту – это пространственная организация его событий, неразрывно связанная с временной организацией произведения и система пространственных образов текста.

При анализе художественного текста важно учитывать оба аспекта пространства: первый – это «пространственная архитектоника» текста, второй – «художественное пространство». В дальнейшем основным объектом рассмотрения служит именно художественное пространство произведения.

Писатель отражает в создаваемом им произведении реальные пространственно-временные связи, выстраивая параллельно реальному ряду свой, перцептуальный, творит и новое – концептуальное – пространство, которое становится формой осуществления авторской идеи. Художнику, писал М. М. Бахтин, свойственно «умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и... воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон... а как становящееся целое, как событие» [1, с. 204–205].

В тексте, отображаясь, преобразуются и носят особый характер общие свойства реального пространства: протяженность, непрерывность – прерывность, трехмерность – и частные свойства его: форма, местоположение, расстояние, границы между различными системами.

Средствами выражения пространственных отношений в тексте и указания на различные пространственные характеристики служат языковые средства: синтаксические конструкции со значением местонахождения, бытийные предложения, глаголы движения, глаголы со значением обнаружения признака в пространстве, наречия места, топонимы и др.

Воспроизведение (изображение) пространства и указание на него включаются в произведение как кусочки мозаики. Ассоциируясь, они образуют общую панораму пространства, изображение которого может перерости в образ пространства.

В архаичной модели мира пространство не противопоставлено времени, время сгущается и становится формой пространства, которое «втягивается» в движение времени. «Мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вечно, кроме пространства, существует еще непространство, воплощением которого является Хаос...» [4, с. 234–239]. Мифопоэтические представления о пространстве, столь существенные для писателей, воплотились в ряде мифологем, которые последовательно используются в литературе в ряде устойчивых образов. Это прежде всего образ пути (дороги), который может предполагать движение как по горизонтали, так и по вертикали и характеризуется выделением ряда столь же значимых пространственных: точек, топографических объектов – море, побережье, штаб и другие. Эти образы, связанные с членением как времени, так и пространства, метафорически представляют жизнь человека, ее определенные кризисные моменты, его искания на грани «своего» и «чужого» миров, воплощают движение, указывают на его предел и символизируют возможность выбора; они широко используются в поэзии и в прозе.

Итак, учет пространственных характеристик и рассмотрение художественного пространства – важная составная часть филологического анализа текста.

Действия в произведении происходят: в море, на побережье, в гавани, в дельфинарии, в штабе, на вершине айсберга, на краю льдины, на пристани, на дельфиньей базе, на военно-морской базе, вдоль бетонного пирса в воде в огромной клетке-классе, в акваторию Севастопольской бухты, в подводном городе, по сложным лабораториям, ангарам и складам базы.

Художественное пространство вербализируется лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами языка. Среди лексических средств можно отметить частое использование в тексте повести топонимов. Встречаются названия стран и городов: *Россия, США, Филиппины, Южная Америка, Ялта, Симферополь, Севастополь, Форос*; островов и полуостровов: *Крымский полуостров*; океанов и морей: *Атлантический океан, Черное море, Мраморное море, Эгейское море, Ионическое море, Средиземное море, Гибралтар*; других географических названий: *Коралловый Каньон*.

Среди географических названий, встречающихся в повести, обнаружено окказиональное образование:

Страна эта находилась в Южной Америке и называлась Колумбария [5, с. 52].

Слово **Колумбария** образовано по модели географических названий типа *Бавария*, произошло от фамилии великого первооткрывателя Америки Христофора Колумба. Таким образом, можно в данном микротексте рассматривать и явление **аллюзии**. А. П. Сковородников дает такое определение данного приема: «аллюзия – риторический прием, используемый для создания подтекста, состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт» [6, с. 22].

В тексте фантастической повести «Подводные береты» часто встречается использование названий измерительных единиц расстояния:

Используют измерительные единицы мер:

Видимость глазами уменьшилась до метра.

Полковник Моржов сидел с биноклем у окна уже почти половину суток. Он обшаривал всю гавань метр за метром [5, с. 11].

Указанные измерительные единицы чаще всего употребляются в сочетании с числительными, например:

— *Тебя добросят до нейтральных вод на самолете. А уже дальше сам. Это каких-то двести миль* [5, с. 8].

— *Теперь строго на запад. Двести километров и все. Там нейтральне воды* [5, с. 28].

Яхта была всего лишь в тридцати километрах от катера [5, с. 55].

— *В сорока милях отсюда к северу* [5, с. 59].

Тристан и Генри беспрестанно погружались в темноту моря, чтобы всплыть на полкилометра в стороне [5, с. 73].

Также названия измерительных единиц используются в сочетании с неопределенко-количественными словами, типа *несколько*:

В ночном тумане Тристана никто не тревожил и не доставал. Несколько миль он плыл в полной тишине и комфорте [5, с. 27].

Названия измерительных единиц могут стоять во множественном числе:

Поисковый катер с полковником, капитаном и пятью матросами мчался низко над морем, глотая километры пространства [5, с. 45]. Кроме того, в данном микротексте присутствует олицетворение, которое вербализирует категорию художественного пространства.

Грамматические средства выражения категории художественного пространства включают морфологические и синтаксические средства языка. Морфологические средства в повести «Подводные береты» представлены использованием различных частей речи, например, наречий.

В тексте очень часто используется наречие места *здесь* по отношению к различным «точкам» пространства повести:

«Слушай, Павлова, не бесись, — успокаивал ее огромный и спокойный дельфин Сидоров. — Ты же ведь здесь из любопытства. Ты же прекрасно знаешь: кто не хочет быть здесь — не будет здесь» [5, с. 5].

— Значит, я должен остаться здесь? — спросил Тристан.

— Здесь ты пропадешь с голоду. Здесь очень плохо с рыбой. Пойдем со мной. Тебя же надо накормить — такого здоровьяка [5, с. 17].

Синтаксические средства выражения художественного пространства в повести представлены восклицательными и вопросительными предложениями.

Например: *Ох, как красиво бултыхнулся Тристан с высоты шестистахного дома прямо в волны* [5, с. 9]!

— Павлову на выход [5, с. 10]!

— Вижу, вижу твою фотокамеру. Вон она плывет [5, с. 19]!

— В центральное разведывательное управление флота [5, с. 22]!

— Тристан и Генри! Немедленно ко мне! На выход [5, с. 54]!

Цепочка вопросительных предложений может вербализировать категорию художественного пространства:

- *Как в Симферополь? Почему в Симферополь? – залопотал Моржов.*
- *В какой ванне? Как доставить? Куда доставить [5, с. 22]?*
- *Все сообщать. Где что произошло? Кто откуда приплыл и зачем? Какие волнения, среди кого [5, с. 71]?*

Проанализировав языковые средства оформления категории художественного пространства в фантастической повести Э. Н. Успенского «Подводные береты», можем сделать следующие выводы.

1. Лексическими средствами выражения пространства являются олицетворения, аллюзии, топонимы.
2. Словообразовательным средством репрезентации пространства является окказиональное словообразование.
3. Морфологические средства представлены стилистическим использованием наречий, числительных, глаголов.
4. Синтаксические средства представлены вопросительными и восклицательными предложениями.

Список использованных источников:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 204–205.
2. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов- журналистов и филологов / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 242 с.
4. Топоров В. К. Пространство и текст / В. К. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 234–239.
5. Успенский Э. Н. Подводные береты: повесть / Э. Н. Успенский. – Балашиха: Астрель, 1991. – 88 с.
6. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сквородникова. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 434 с.

К.т.н. Токарь О.В.

*Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Республика Беларусь*

ИЗУЧЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОЕКТИВНЫМИ МЕТОДИКАМИ

Цель работы — экспериментальное изучение читателя художественной литературы проективными методиками на примере читателя младшего школьного возраста.

Хорошо известно, что чтение развивает воображение, именно при чтении ребенок сам представляет литературных героев, а не принимает созданный другими образ, как при просмотре кино- или мультипликационных фильмов. Благодаря книге перед ребенком открывается целый мир, о котором он еще почти ничего не знает. Часто хорошая книга позволяет родителям

объяснить ребенку те вещи, которые сами они не смогли бы точно сформулировать.

Наиболее важным периодом для развития нравственно-ценостных ориентаций является возраст 6–12 лет, в котором складываются интеллектуальные механизмы познания окружающего мира и самого себя. По этой причине были выбраны произведения, в которых ребята знакомятся с такими нравственными понятиями, как добро, долг, справедливость, совесть, честь, смелость. Для анализа был выбран рассказ В. Драгунского «Тайное всегда становится явным».

Для изучения читателя были привлечены следующие проективные методики: прямой опрос, методика «На завершение предложений», методика «Составление дополнения», методика «Рисунок».

Прямой опрос включал вопросы двух видов: 1) нравится или не нравится данный герой; 2) считает ли ребенок его хорошим или плохим. Первый вопрос имел задачей определить непосредственное отношение ребенка к герою; вторым вопросом можно выяснить осознаваемую ребенком оценку качеств и поступков героя. Герой произведения «Тайное всегда становится явным» показан в рассказе как с положительной, так и с отрицательной стороны, он нравится не всем опрошенным детям, они оценивают его по-разному. При выборе оценки 50% младших школьников ориентировались на нравственные качества главного героя, 30% — на его шалости, 20% — дали ответ без предварительного анализа произведения. Было выявлено, что читатели могут в данном произведении различать понятия «нравится — не нравится», «хороший — плохой». Методика позволила получить данные, характеризующие ребенка младшего школьного возраста как читателя этого произведения. Оно не устарело и до сих пор хорошо воспринимается современными читателями.

Анкета «На завершение предложений» включала в себя шесть вопросов, которые выявляют оценку героев произведения и их поступков, т. е. восприятие и понимание данного художественного произведения. 90% детей правильно поняли воспитательную идею рассказа, так как он учит правде, искренности, справедливости, а самое главное — жизни. Полученные результаты показывают, что произведение, написанное автором еще в 1959 г., правильно понимается современными детьми. Те средства, которые использует автор, не устарели. Исключение может составлять только факт похода Дениски с мамой в Кремль (что не всем детям близко), но художественно-эмоциональное воздействие рассказа сильнее мелких деталей.

Согласно методике «Составление дополнения» школьникам необходимо было придумать продолжение, рассказать о том, как могли разворачиваться события дальше. Рассуждения детей касались двух моментов рассказа: реакции мамы на поступок Дениски, дальнейших событий. Высказывания практически не касались эмоций и поступков самого героя.

В рамках методики «Рисунок» младшим школьникам было предложено нарисовать наиболее запомнившийся момент в рассказе. На читателей наибольшее впечатление оказал момент, когда Дениска выбрасывает манную ка-

шу в окно, так как наибольшее количество рисунков было посвящено именно этому отрывку. Мы видим здесь действие, поступок, причем автор явно не собирается хвалить за него своего героя. При описании он использует сочетания «глаза на лоб полезли», «наверно, потерял сознание», в которых проявляется в этот момент авторская позиция.

Анализ взаимосвязи фабулы и детских рисунков показал, что практически все из ключевых элементов рассказа могут быть проиллюстрированы. Часть читателей выбрали тот момент рассказа, когда Дениска пробует есть кашу. Выбор сюжета для иллюстрирования позволяет говорить о том, что именно описание того, как мальчик давится манной кашей, его эмоции в этот момент произвели наибольшее впечатление на этих читателей. Возможно, им близка такая ситуация, а если и нет, то читательский выбор говорит о художественной убедительности произведения.

Наибольшее количество рисунков было посвящено отрывку, когда Дениска выбрасывает кашу в окно. Объяснить то, что дети выбрали именно этот отрывок, что он больше всех им запомнился в рассказе, можно опять-таки основываясь на эмоции отвращения, право на которую автор признает за ребенком. Современные дети могут не знать что такое Кремль, но переживания героя им близки и понятны, что еще раз свидетельствует о высокой художественной ценности произведения, о том, что оно не устарело.

Меньше всего читателей впечатлило появление милиционера в доме Дениски. Этим читателям, возможно, близки неожиданные повороты сюжета, а не переживания и эмоции героя. Небольшой процент читателей выбрали для иллюстрирования появление прохожего с кашей на шляпе. Это кульминация рассказа, именно ее любят изображать в детских изданиях, но чаще всего на рисунках художников изображены все герои рассказа, в детских же рисунках прохожий изображен один, поскольку именно он в это момент является движителем сюжета. К тому же сцена достаточно юмористическая, а дети очень чувствительны к юмору в книгах.

Проведенный опрос читателей младшего школьного возраста с помощью проективных методик, характеризующих ребенка младшего школьного возраста как современного читателя, показывает, что произведение советской литературы (на примере рассказа В. Драгунского «Тайное всегда становится явным») не устарело и правильно воспринимается читателями.

Антохі Л.І.

Волинський національний університет імені Лесі Українки, м .Луцьк, Україна

ОБРЯД «ПАПАРУДА» В БАСАРАБІЙ: СЕМАНТИКО-ГЕНЕТИЧНИЙ ДИСКУРС

Обряд «папаруда», який побутує під цією назвою в молдаван та румун, належить до розряду магічних. Основна його функція – спровокувати випадання дощу. Профанне ставлення людей до використання сил природи в своїх практичних цілях, яке в ньому спостерігається, свідчить про доволі давні корені такої магії. Судячи з артефактів палеографічного мистецтва, метеорологічна магія, існує принаймні з часів енеоліту. Вже відтоді в різних частинах при середземноморського басейну існували так звані плювіальні обряди, які застосовувалися з метою покращення умов для майбутнього урожаю.

Особливо гостро необхідність аграрного магічного втручання поставала літніми спекотними днями, коли надмірна кількість тепла шкодила вирощуваним культурам. Посуха переслідувала переважно степову зону, якій в умовах арідного клімату часто бракувало вологості, тому такі процеси вкрай негативно відображалися на врожайність – гинуло збіжжя, переставали рости овочі, фрукти, бракувало корму для домашніх тварин, а це неминуче призводило до голоду та мору. Не рідкісними були такі процеси й на території Басарабії із аналогічними кліматичними умовами. Для запобігання цього явища тут практикувався спеціальний магічний обряд під назвою «Папаруда», який проводився окажіонально на початку весни або літом під час засухи. Цей плювіальний обряд, як і більшість традиційних обрядодійств, несе в собі прагматичну функцію – за допомогою символічних дій досягти бажаного, у даному випадку – дощу.

Сьогодні на території Басарабії «Папаруда», за наратологічними даними, вже майже не практикується її мешканцями, за винятком деяких сіл Ренійського району. Згадки про неї існують лише в пасивній пам'яті старожилів цього регіону, проте в такому стані, що навіть вони часом можуть сплутати та віднести різні обрядодійства до одного і того ж. Тому то багато хто з респондентів не відрізняють постать Папаруди від Калуяна та Лазарчика, які різняться не лише за часовими параметрами проведення цих обрядів, а й в першу чергу семантично. Такі помилки сприяють контамінації різних обрядових персонажів, а особливо їхніх функцій. Це відчутно й на текстуальному рівні. До прикладу, в одному з текстів піднятись до небес повинна не Папаруда, як зазвичай, а Лазарчик (Лазарелул) або ж Калоян: «*Lăzărelule, /Sai în sus la nourel,/ Si descui hambarele,/ Cu cheile,/ Si să ne aduși ploile// Лазарчуку,/ Стрибай до тучі, Та відчини комори,/ Ключами,/ Та щоб приніс дощі» [4] або «*Caloiene, Ene,/ Ia ceru-i torțile,/ Si deschide porțile,/ Si pornește ploile// Калояне!* Яне,/ Візьми небо за скобу,/ Та відкрий ворота,/ Та розпочни дощі//» [3]. Молодь же*

успадкувала лише певні уривки ритуалу, до якого часом несвідомо звертався, не знаючи про його первісне магічне значення. Внаслідок утисків з боку християнської ідеології обряд почав деградувати і на початку ХХ ст. майже зник з ритуальної практики та переважно перейшов до дитячого фольклору.

Обряд викликання дощу загальновідомий широкому ареалу й у минулому був притаманний багатьом народам Східної Європи, Балканського півострова, Кавказу, Близького Сходу та Середньої Азії. В більшості з них таке обрядодійство відоме під загальнослов'янською назвою «Додола», а в етнографічній літературі обрядовість свят цього типу позначають терміном *додольський*. Таке масштабне територіальне розповсюдження обряду, на нашу думку, й становить основну причину неординарності думок дослідників в термінологічних та етимологічних питаннях, з приводу яких ними було висунуто різноманітні здогадки.

Ритуал «Папаруда» в минулому був поширений майже на всій території проживання молдаван та румунів (Басарабії, Буковини, Молдови, Мунтенії, Добруджі). Неординарність поглядів його трактування пояснюється недостатнім вивченням обрядодійства, в чому й полягає актуальність нашої роботи. Окремі намагання студіювати названий обряд репрезентують розвідки Д. Олтяну, Л. Клейна, В. Сирбу, Р. Вулканеску, І. Дрегушанула, Т. Памфіле, В. Зеленчука, Ю. Поповича, І. Гімпою, А. Мойсея. Вважати дослідження з цього питання вичерпаним поки що зарано, чим і зумовлена поява нашої розвідки.

Все ж навіть скупі дані, які нам вдалося зібрати від молдавських та румунських інформаторів Басарабії, засвідчують про донедавна активну стадію побутування «Папаруди» на цій території. Тому-то аналіз елементів названого колективного обряду, що несе певне смислове навантаження, дозволить краще зрозуміти не тільки мотивацію та генезу обрядодійства, його реконструкцію в еволюційному процесі, а й систематизувати основні світоглядні орієнтації басарабських молдаван та румунів, у чому й полягають мета та завдання нашої роботи.

На території Басарабії називали головну героїню дійства, як і сам обряд – «Папаруда» або «Пеперуда». Такі та подібні їм назви відомі всім румуномовним місцевостям а також болгарам. Однак у більшості народностей аналогічні номінації обрядових персонажів з тими ж функціями дещо відмінні: так в українській традиції це «додола», «тополя», «кущ»; в сербо-хорватській – дудулейка, додоліце, доділаш, пеперуда, парпалуда, додола; в болгарській дудула, дудуліца, дудоле (переважно в західних областях Болгарії) та пеперуда, пеперуга, додола; в гагаузів Республіки Молдови – піпіруда; у народів колишньої Югославії (Сербія, Воєводина, Македонія) – додоле, додоліце, додолке, дудуле, дудулејка, гароїце, пеперуде, пеперуне, пеперуге; у польській – дзідзіля; у росіян – «берізка»; у греків – папаруна, перперуна, пірпіруна, перперія, дудуле; в албанців – пеперона, дордолеџа тощо. Всі вони тотожні, за метою (викликання дощу), етапами проведення, складом учасників і характером дійства, календарною прив'язкою та спрямованістю текстового супроводу на викликання дошу.

В загальнорумунській календарній практиці, на відміну від басарабської обрядовості, існує більше діалектних назв плювіального обряду, які тісно переплітаються між собою у територіальному розповсюдженні: *папаруге, дебелуда, бабаруге, додола, мемеруце, пінірудя*.

Давнішою з-поміж такого широкого арсеналу найменувань для означення румунського плювіального обряду, на думку румунських вчених І. та М. Кучеу, виявляється назва «папалуга». Термін папаруда, за визначенням названих фольклористів, пізнішого походження і поступово в еволюційному процесі заступив місце папалуги в усьому просторі поширення обряду. Вони виводили вказаний номінат із латинського «*parilio*» та французького «*parilion*», які перекладаються як метелик. З цією думкою консолідувалися й інші дослідники: А. Олтяну, Г. Гаушану, Б. Рибаков, Л. Маркова. Аргументувалися такі гіпотези специфічним рухом головного персонажа, який під час ритуалу танцював з підскоками, наче пурхав до небес, прагнучи якимось чином дотягнутися до «хмар». На основі таких дійових актів обряду дівчина-папаруда вважалася субституцією метелика, а отже, й пісні, які виконувалися учасниками процесії були не що інше, як звертання до метелика, який мав би відчинити «небесну браму» та «випустити дощі». До того ж мотив відмикання «небесних воріт» випливає й зі самих ритуальних пісень, які виконувалися під час обряду: *Папалуге, луге,/ Піднімись на небеса/ Брами відчини/ Щоб розпочався дощ,/ Окропив збіжжя* [19, с. 114], або *Păparudei! Păparudei!/ Sai în sus la nourel,/ Și deschide ploile,/ Și udă cu găleata... Папаруденько! Папаруденько!/ Стрибай до хмаринки,/ Відмикай дощі,/ Та поливай відром...* [5].

За народним уявленням метелик – комаха, пов’язана з потойбічним світом, вона символізує перевтілення душі. У південних слов’ян до нього звертаються із проханням наслати дощ під час засухи, вірячи, що він «літає біля Бога» [13, с. 125–126]. На цій основі науковці дуже часто обряд викликання дощу ідентифікували з культом предків (М. та С. Толстіє, С. Токарев). Аргументом на доказ такої гіпотези виступав факт обов’язкового дійового акту ритуалу, за яким перед обходом села процесія дівчат відвідували цвинтар та викидала зелень, їжу та вінки у річку, як символ жертвоприношення. Зв’язок обряду викликання дощу з агентом роду відома й на інших теренах. Так на Поліссі було прийнято з могили утопленика, виймати хрест і наливати туди воду, щоб вона дійшла до покійника, який нібито сприяв дощу або ж брали хрест з якої-небудь невідомої могили і ввечері відносили його до найближчої річки де його вбивали, щоб він стояв, поки вода сама його не знese. Коли вбивають хрест, тричі кажуть: *Хрест у воду, а дощ на поле! З невідомої могили хрест / А з невідомої гори дощ* [15, с. 89].

Не менш переконливими з логічного погляду щодо папаруди постають етимологічні аргументи румунських фольклористів. Так, на думку Р. Вулканеску, перша частина складної назви «папа» може походити від гр. терміна «*paros*» (прадід, міфічний дід), що іноді визначений як божество покровитель, а друга «*руде*» слов’янського походження. Термін «*руда*» у болгар та румун трактується як родич, рід, а «*rozdenie*» – рідня, прадід. Виходячи з цього, фольклорист дійшов висновку, що складний термін папаруда є тавтологією, повто-

ренням іншими термінами тої самої ідеї спорідненості [20]. Приклади паралельного двомовного маркування явища доволі поширені в календарній обрядовості. Тож такий шлях до утворення назви папаруда також цілком вірогідний.

Однаке в науці існує чимало думок і про інші генетичні та семантичні як щодо витоків цього звичаю, так і щодо походження його назви. Російська етнографічна школа (Б. Рибаков, В. Іванов, В. Топоров, Н. та С. Толстіє) виводить коріння обряду «Папаруда» із язичницького пантеону богів. Тому пов'язують його із іменем слов'янського божества неба і блискавки (Перуна). М. Еліаде, орієнтуючись на скіфську мітологію виводив походження цієї назви від імені скіфського Зевса Папайоса та фракійсько-фрігійського Зевса Папіоса, в означені «батька, божества неба» [18, с. 126].

Таким чином, на номінаційно-етимологічному рівні одні вчені вбачають споріднення папаруди з метеликом, інші – з прадідом або ж з надприродним божеством, проте ні ті, ні ті не сумніваються в сакральності образу папаруди. Чи наявні міфологічні ознаки в дійових актах ритуалу та чим зумовлена ця міфологізація, спробуємо розібратися на основі типологічного принципу.

Ритуальні дії та послідовність обряду «Папаруди» майже нічим не відрізняються на усій території проживання молдаван та румунів: (Басарабії, Буковини, Молдови, Мунтенії, Добруджі). Перші згадки про цей обряд знаходимо в праці «Опис Молдови» відомого молдавського історика та фольклориста Д. Кантеміра. В його праці зазначено, що влітку, коли посівам загрожувала посуха, молдавські селяни надягали на дівчинку, якій ще не виповнилося десяти років, сорочку, сплетену з листя дерев та інших рослин. Її супроводжували дівчатка і хлопчики того ж віку. З піснями і танцями вони йшли по околицях, і, куди б вони не прийшли, старі жінки лили їм на голови холодну воду і співали пісню приблизно такого змісту: «*Папалуга, вернися на небо, відкрий ворота, пришли дощ, щоб вродило жито, пшениця, просо*» [17, с. 126]. Такі дії мали імітативний характер, в основі яких лежав принцип – подібне породжує подібне.

Аналогічний обряд викликання дощу, тільки за участю додол, практикується сербами. Відбувається він таким чином: «Юні дівчата під час спеки, посухи, роздягались догола і обвіщувались від плечей до колін гілками, травами, квітами; жінки цього села обливають додол з ніг до голови водою [12, с. 180]. В українських та білоруських поліщуків молдавськую «Папаруду» та сербську «Додолу» нагадує обряд водіння Куста. Проте, як зауважив український дослідник В. Давидюк, з цими обрядами український Куст має спільній лише спосіб рядження, що ж до обливання, то в українській традиції воно мало місце на Великдень або ж на Купала [1, с. 17]. Поліський троїцький обряд водіння Куста – також тотожний в основних своїх рисах (вибір дівчини на роль куста, обрядження її в листя, ходіння по селу від хати до хати зі співом кустових пісень, привітання господаря та отримання нагороди) із південнослов'янськими обрядами Додоли і Пеперуди. Однак всі вони різняться семантично. Зокрема обряди з Кустом, наскільки нам відомо, ніде прямо не пов'язані з мотивом викликання дощу. На це вказують лише деякі дії та образи названих

обрядодійств. Основна ж семантика цих обрядодійств – вегетаційна, на що вказує й зелений трав'яний одяг антропоморфних персонажів. Чимало модифікацій цього обряду, в яких ряджені в свіжу зелень з викликанням дощу не мають нічого спільногого. Саме тому Д. Зеленін вважав, що зв'язок рядження у свіжі зелені гілки з чарами викликання дощу пізніший і більше чи менше випадковий [7, с. 58].

Так воно чи ні, сперечатися не будемо. Найдавніші зображення додол, які датуються добою енеоліту, дійсно позбавлені цього атрибута, однак в пізніші часи на всій території від Болгарії до Польщі, незалежно від персонажа, відповідального за дощ, його маркування було немислимим без застосування «природного» вбранин, тобто – зелені. Такий одяг був обов'язковим і для Папаруди. За визначенням інформантів Басарабії квітчали Папаруд так: «*брали товсту нитку з голкою та надягали туди листи щавлю, такий вид трави, що додається до борщу, з широким великим листям, він виростає високим. Так його натягала на нитку та прив'язували ті нитки до талії дівчинки, вони так звисали вниз та по спині*» [4]. В загальнорумунській традиційній звичаєвості трапляються й інші види трав, яких використовували для одягу головної геройні ритуальної процесії. На основі цього деякі науковці виводять термін «Папаруда» із назв головних елементів одягу «Папаруди», які на їх думку мають важливе сакральне значення при проведенні обряду. Це такі болотяні рослини, як «піпіріг» (очерет), квіти маку, які греки називали «піпірунами».

Утилітарне значення відводилося зелені і в українській обрядовості. Так зокрема на Поліссі маленькій дівчинці давали мак, кидали мак в криницю та переміщували воду палицями». Під час засухи з метою викликати дощ, дівчата набирали в рот маку і тричі сипали його в колодязь» [15, с. 103].

Не менш важливим чинником в обряді виступав вік та стан дівчинки, яка мала виконувати роль Папаруди. Дівчина мала бути незайманою. Ходили з Папарудою дівчата від десяти років і трохи більше [4]. Те саме практикувалося й з додолами. Так М. та С. Толстіє акцентували на тому, що не всяка дівчинка могла бути додолею, для цього вона мала відповідати сталим вимогам. Для того, щоб мета обряду (тобто викликання дощу) була досяжною, вона повинна була відрізнятись благопристойною поведінкою і бути незайманою [15, с. 103]. На цій основі Л. Бердан вбачав в обряді «Папаруда» мотив ініціації молодих дівчат [16, с. 75–76]. Еротичне забарвлення обряду визначав уже сам одяг Папаруди.

На території Басарабії, як і в усіх інших молдавських та румунських поселеннях, проводили обрядодійство лише дівчата. Така надмірна увага жіночій статі не випадкова, адже загальновідомо, що семантика жіночих дій переважно пов'язана з вегетаційною ідеєю родючості. Звідси випливає основне функціональне призначення обряду – викликання доброго врожаю, добробуту та благополуччя. Вагомий аргумент на користь цього – тексти пісень, які виконували дівчата під час обходів села. Серед них найпродуктивнішим виявляється аграрний мотив: *Părărudă, rudă/ Sai în sus la nourei/ Si deschide porțile/ Si dă drumul ploilor/ Ca să crească grânele/ Iar ploile/ Să umple văile/ Să*

ne adăpe vitele// Пеперуда, руда/ Стрибай до хмар/ Та відчини брами/ Та впости дощі/ Щоб вирости хліба/ А дощ, наповнить долину, щоб напоїти худобу [3]; Leagă ceru-i torțile,/ Și deschide porțile,/ Și pornește ploile,/ Curgă ca șuvoile,/ Între toate băile,/ Umplese fântânele,/ Să crească binețele,/ Ploile, verdețile/ Ca s-adape vitele/ Fie multe vitele// Выйзьми небо за скобу,/ Та відкрий ворота,/ Розпочни дощі,/ Щоб лилися потоками,/ Над всіма джерелами,/ Щоб наповнилися колодязі,/ Аби зійшлося добро,/ Дощі, зелень/ Щоб напоїли худобу,/ Хай буде багато худоби [6]. Цитовані тексти характеризуються симбіозом хліборобсько-скотарським побутом.

Важливу роль відводили й представникам чоловічої статі. Коли довго не було дощу на території Басарабії способом його викликання вважалося очищення криниць. Подібний ритуал практикувався й на Поліссі. На Чернігівщині зокрема було прийнято під час посухи «добуваті (відчиняти) ключі», тобто – джерела на дні висохлої річки. Деінде під час засухи просто чистили колодязі. На думку М. та С. Толстих заміщення природного водного джерела колодязем відображає, ймовірно «десемантизацією» обряду, абстрагування від закарбованих у його основі міфологічних уявлень, розвиток умовностей, в рамках якої колодязь грає роль символу земної води [15, с. 100]. Тобто поширення на території Басарабії ритуальної дії біля колодязя являють собою якби пропозицію найдавніших язичницьких треб біля джерел земної води, що відбувалися з метою впливу на небесну воду, тобто з метою викликання дощу, адже криниця й виступає отим джерелом, через якого людина мала зв'язок з небесними водами. А доступ до криниць, як до сакрального місця мали лише хлопці.

Важко визначити, яку стадію цього обряду репрезентує поширений на Поліссі звичай кидати в криницю горщик з борщем приказуючи: *Дощику, дощику/ Зварю тобі борщику/ Мені каша, тобі борщ/ Щоб ішов густіший дощ// Іди, іди дощику/ Зварю тобі борщику/ В полив'янім горщику* [15, с. 103]. Принесення жертв у календарній практиці, як дослідила З. Кудрявцева, має дуже давнє походження. І все ж простежується тенденція заміни людської жертви її антропоморфним опудалом і лише в останній стадії продуктами харчування [9, с. 30–55].

Обряд-гра «Папаруда» являється синкретичним явищем у фольклорі, тому цей ритуал не можна розглядати окремо, не враховуючи його ритмічну будову. За своєю мотивацією такі тексти тяжіють до жанру господарських замовлянь, які за визначенням Г. Сухобруса, передбачають звернення до сил природи, до богів, до різних предметів за підтримкою [15, с. 126].

Такі твори іноді не виявляють ніякої означеної ритмічної схеми (*Păpăruďă, rudă/ Sai în sus la nourei/ Și deschide porțile/ Și dă drumul ploilor...*) і поєднуються в більші або менші групи за найбільшою серед них частиною на основі так званої риторичної рими – аналогічного укладу слів у паралельних рядках. Правильні звукові рими у строфах з'являються доволі рідко значно частіше трапляються асонації – концентроване повторення голосних звуків у поетичному рядку чи строфі, яке витворює ефект милозвуччя (*Păpăruďă, rudă/ Vină și ne udă*), що набуває особливого змісту у поєднанні з алітерацією [10, с. 66].

Така примовка може мати різну кількість складів. Переважно структуру таких пісеньок-молитов представляють дворядкові шестискладові вірші з наступною формулою (4+2) або (4+3) із цензурою після кожного 4-го складу: Păpărudă, // rudă, Vină și ne // udă, Cu găleata, // leata, Peste toată // gloata [2].

Характерна прикмета папарудських пісень – досягнення засобами мови гострого емоційного забарвлення. В ліричному струмені їх головна роль належить зменшеним пестливим іменниковим формам (горнятко, хмаринка тощо). Ці лексичні форми творять емоційну атмосферу пісні, що по-суті є її головним змістом, висловлюючи почуття ніжності, симпатії, ласки, за допомогою пестливих звертань (*Папарудонько* тощо) оспіування членів роду (*Поливай з горнятка, щоб виростала доненька*). Взагалі риторичні звертання, як і наказова форма, становлять невід'ємну частину композиційного стилю таких пісень: *Ploaie, ploaie, ploaie/ Să curgă șiroaie/ Rământul să-ptoaie/ Crească rărișoiul/ Crească barabula/ Să ne-astupe gura// Iди, іди доще/ Щоб лілвся потоками/ Землю намочив/ Щоб росла кукурудза/ Росла картопля/ Утамуй нам голод* [11, с. 97].

Для повного уявлення про художню специфіку цих пісень слід окремо зупинитись на їх евфонічних образотворчих засобах. Слово в цьому жанрі підпорядковане танцювальній мелодії, відтворюваній не голосом, а певним музичним інструментом. Про це свідчить використані звуконаслідування. Наскірне звучання голосних повторювальних звуків: «*Udă cu ulciorul /Ca să crescă feciorul/ Udă cu cănița/ Să crească fetița/ Să toarne cu găleata/ Ca să-mi crescă fata// Să toarne cu ulciorul /Ca să-mi crescă și feciorul*» завдяки звуковій фактурі цих слів створює повну ілюзію танцюальної динаміки. Саме їх звучання вже ніби вторить голосу бубна.

Отож, основна мета басарабських ритуальних обходів Папаруди з хати до хати, у супроводі дівчат, під їх спів, на початку сонячного року (на третій четвер після Пасхи) або окажіонально – під час посухи, мали суто практичні функції. Антропоморфний образ головного персонажу нагадує міфічну істоту, яка мала зв'язок з вищими силами. Основна її мета – викликати дощ. Про це свідчить вербальна сторона обряду та фінальна імітуюча дія обливання водою. Дощ мав захистити посіяні культури від спеки, посприяти росту злаків та вернути землю до життя. Наявність вегетаційної семантики підтверджує зелений одяг Папаруди, який був невід'ємним атрибутом ритуалу.

Список використаних джерел:

1. Давидюк В. Поліська дома / В. Давидюк. – Вип. III: Літо, 2008. – 404 с.
2. Записано в с. Дмитрівка Кілійського району Одесської області від Марії Шушпанов, 1947 р.н.
3. Записано в с. Долинське Ренійського району Одесської області від пані Малани, 1903 р.н.
4. Записано в с. Озерне Ізмаїльського району Одесської області від Запорожан Зіновії Мойсеївни, 1932 р.н.
5. Записано в с. Озерне Ізмаїльського району Одесської області від Телеуці Панагії Іванівни, 1920 р. н.
6. Записано в с. Орлівка Ренійського району Одесської області від Берлінської Єфросинії Миколаївни, 1950 р.н.

7. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. Зеленин. – М.-Л., 1937. – С. 58.
8. Кагаров Є. Форми та елементи народної обрядовості / Є. Кагаров // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. – К., 1928. – Вип. I.
9. Кудрявцева З. Купальська жертва в археологічному та етнографічному контекстах / З. Кудрявцева // Фольклористичні зошити. – 2010. – Вип. 13. – С. 30–55.
10. Літературознавчий словник-довідник / за ред. Р.Т. Громяка, Ю.І. Теремка. – К., 2007. – 752 с.
11. Мойсей А. Магія і мантіка у народному календарі східнороманського населення Буковини / А. Мойсей. – Чернівці, 2008. – 319 с.
12. Рыбаков Б. Язычество древних славян / Б. Рыбаков. – М., 2002. – 592 с.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под. ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – 2004. – 584 с.
14. Темченко А. І. Поетика українських замовлянь / А. І. Темченко // Питання літературознавства. – 2000. – № 6 (63). – С. 43. – С. 40–44.
15. Толстой Н. И. Вызывание дождя в Полесье / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. – М., 1978. – С. 81–95.
16. Berdan L. Totemism romanesc. Structuri mitice arhetipale in obiceiuri, ceremonialuri, credinte, basme. – Iasi, 2001. – P. 75–76.
17. Cantemir D. Descrierea Moldovei. – Bucureşti: Editura Societăţii Academice, 1909.
18. Eliade M. Istoria credinţelor şi ideilor religioase. De la epoca de piatra la misterele din Eleusis / Trad. din l.fr. C. Baltag. – Chişinău, 1992 – Vol. I. – 508 p.
19. Teodorescu G. Poezii poporale române. – Bucureşti, 1886. – 719 p.
20. Vulcănescu R. Mitologia română. – Bucureşti, 1985. – 712 p.

К.пед.н. Серегина М.А.

*Педагогический институт Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

ПАРЕМИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ

Несмотря на большое количество научной литературы по паремиологии, среди ученых нет единого мнения в определении жанровой природы, имеются некоторые «разночтения» и в области терминологии. Последнее касается, прежде всего, таких понятий как паремия, паремика. Паремии бесспорно относятся к числу общемировоззренческих жанров фольклора, который характеризует народную культуру исторического существования любого этноса. Паремии охватывают все области общественной и частной жизни [1, с. 237], основанной на бытовом охотничьем (*Рыболова одна тоня кормит; Der beste Jäger kommt oft leer nach Haus*, земледельческом (*Сей в пору – соберешь хлеба с гору; Wie die Saat, so die Ernte*) и скотоводческом (*Корова на дворе – харч на столе; Wer keine Kuh hat, muß die Katze melken*) укладе. Они выражают установление мирского бытия (*Мир всех старше; Мирская шея толста; Überall bäckt man das Brot im Ofen*), сопутствуют существующим принципам нравственности (*В каком народе живешь, того обычая и держись; Besser ein Auge verlieren als den guten Ruf*), сопряженными с религиозными понятиями (*У Бога для праведных места много; Der Mensch denkt, Gott lenkt*), с представлениями об этических нормах (*Воровать – беды не миновать; Wer einmal stiehlt, heißt immer ein Dieb*), запечатлевают натуралистические наблюдения (*Первая ласточка – еще не весна; Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer*).

Обратимся к этимологии понятия «паремия», которое связано с библиологической версией его происхождения. Библиологическая версия происхождения термина «паремия» заставляет нас обратиться к духовной литературе. В ней значится, что слово «паремия» произошло из греческого языка и первоначально было связано с богослужебной практикой православной церкви. Оно означало чтения притч из книг Священного писания, Библии, ветхозаветных или новозаветных книг, приуроченные к богослужебным чинопоследованиям Вечерни, Всенощного Бдения и молебнов [2, с. 187]. Притча – это такое учение, в котором содержится истина «прикровенно, под покровом ли иносказания, или под видом сжатого, многознаменательного изречения» [3]. Кроме того чтения, известные под именем паремий, и потому так называются, что многие из них «содержанием своим, пророчественным или преобразовательным, указывают прикровенно, подобно притчам, на лица или события, воспеваемые в той церковной службе, в состав которой входят» [2, с. 187].

Ключевыми словами вышеприведенного определения паремий как притч в церковном понимании являются «истина», «прикровенно, под покровом иносказания», «сжатое, многознаменательное изречение», «пророчественный, преобразовательный». Если обратиться к определению понятия «пословица» и «поговорка», можно сказать, что эти слова являются составными частями термина «паремия». Пословица и поговорка – краткое (т.е. сжатое), устойчивое иносказательное или образное народное речение, которое может употребляться в переносном и в прямом смысле [4, с. 379, 389]. В них заключена истина народной жизни. Но эта истина предстает не всегда прямо, порой и иносказательно, скрыто. Скрытый смысл спрятан в них за аллегорией, наглядным картиным выражением отвлеченных понятий посредством конкретного образа [5, с. 37]. Так конкретный образ колоса без зерен представлен в паремии *Порожний колос выше стоит* и является картиным выражением понятия «иметь большое самомнение». Чрезвычайно емкая мысль об отрицательном качестве человека здесь далека от непосредственного созерцания хлебного поля. А в немецкой паремии *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* в образе яблока аллегорически представлен ребенок, а дерево выступает в качестве его родителей. Здесь скрыта народная мудрость о том, что зачастую дети имеют схожие черты характера или особенности внешности, что и их дети.

Иносказания применяются в разных случаях с разным смыслом [6, с. 212–213]. Их смысл носит пророческий характер, дар предвидения хорошего или плохого и используется говорящими в качестве предостережений, советов или пожеланий.

Подтверждение нашей мысли об определении паремий через притчу, значение которой в широком смысле синонимично понятиям «пословица» и «поговорка», находим у И. И. Срезневского. В Словаре древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского пословицы и поговорки толкуются как притчи. И это толкование иллюстрируется цитатами из «Повести временных лет» [7, т.2 ч.2 стб. 1236, 1483]. Отсюда видно, что слова «паремия», «пословица», «поговорка», «притча» употребляются как взаимозаменяющие друг друга синонимы. Это произошло вследствие движения семантики

слова «паремия». Первоначально, будучи заимствованием из греческого языка, оно осознавалось как синоним словам «притча», «пословица», «поговорка» в их древних значениях. Указание на это можно найти в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера [8, с. 206]. Однако в церковном обиходе семантика слова изменилась: оно стало означать не любое изречение, а особый тип изречений, выбираемый из Священного Писания для чтения во время богослужения. Недаром в словаре В. И. Даля паремия определяется как «нравоучительное слово» [9, т. 3, с. 18], т.е. текст назидательного характера. Видимо, сближению в сознании носителей русского языка значений слов «пословица», «поговорка» и «паремия» способствовало вычленение в них признаков общезначимости и дидактичности.

Развитие филологического знания в 20 веке повлекло за собой определенное «размытие» содержания термина «паремия». Это связано, по-видимому, с политической обстановкой в стране и пропагандой социалистического строя жизни, который не имел ничего общего со специализацией термина «паремия». Этот термин изначально употреблялся в языке священнослужителей для обозначения избранных мест из священного писания и других церковных книг, которые читались на богослужении. Затем в этом значении слово стало архаичным и даже было устраниено из академических толковых словарей второй половины 20 века. Термин «паремия» отсутствует и в наиболее известных современных литературоведческих и лингвистических справочных изданиях.

С 70-х годов 20 века научный интерес к термину «паремия» снова появился. Он снова стал фигурировать на страницах научных изданий. Правда, одни исследователи сводят его границы до родовидовых отношений, в которых паремия выступает родовым термином к словам «пословица» и «поговорка» (О. С. Ахманова, Л. В. Басова, Г. Л. Пермяков, Л. Б. Савенкова, К. Д. Сидоркова, В. Н. Телия и др.). Другие, наоборот, расширяют и включают в его экстенсионал, кроме пословиц и поговорок, побасенки (*На дурака вся надежда, а дурак-то и поумнел* и приметы (*Жаворонок – к теплу, а зяблик – к стуже*) [1, с. 237; 10, с. 10]; а также загадку, присловье и афоризм [11, с. 17]). Следует заметить, что в лингвистической литературе существует и еще более широкое понимание термина «паремия», чем приведенные выше. Так, Г. Л. Пермяков в качестве видов паремии называет наряду с пословицами, поговорками и загадками, также анекдоты, басни и даже сказки [12, с. 247–254].

Некоторым исследователям такое толкование термина «паремия» кажется неоправданно расширительным. Ф. И. Никоновайте предлагает относить к паремиям в собственном смысле только те устойчивые и воспроизведимые единицы со структурой предложения, которые несут в себе не любое назидательное, а исключительно духовно-нравственное, этическое содержание. При этом источником паремий, по мнению ученого, считается Священное Писание [13, с. 58]. Характеризуемые исследователем изречения имеют в русском языке хождение в устной речи и используются в дидактических целях. И все же порой трудно провести границу, отделяющую собственно паремии, опирающиеся на библейский (в первую очередь евангельский) текст

как источник, от изречений, возникших в речи носителей христианской религии, но при этом фрагмент священного писания дословно не повторяющих. Из-за частого употребления их истинный источник в народной памятистерся и потерял актуальность. Потому что «если выражение «ухватило» что-то очень значимое и в общенародном понимании верное, авторство обязательно потерянется» [14, с. 18].

Бесспорен тот факт, что христианство с опорой на Библию формирует у носителей языка в рамках единой культуры определенный тип сознания и морали. Определенная часть морально-этических изречений того или иного народа имеет источником Священное писание, в котором отражены постулаты христианской морали в самом общем виде. Трепетное и совестливое отношение к устоям христианского вероучения несомненно в таких паремиях, как *Жив бог – жива душа моя; Süß ist die Sünde, schwach der Mensch.* Упование на Божью милость, глубокая вера в торжество Божьей правды выражены в паремиях *В male Бог и в велике Бог; Wem Gott gibt ein Amt, dem gibt er auch Verstand.*

Так библиологическое происхождение термина «паремия» распространилось и на житейскую мудрость народа. В дальнейшем паремии стали широко использоваться в быту. Они безраздельно властвуют на уровне коллективного бессознательного в умах многих поколений людей как уникальный способ организации, хранения и презентации знаний народа в языке. Этому способствуют их свойства и признаки.

Список использованных источников:

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 726 с.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 1268 с.
3. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт со-поставительной паремиологии / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 115-124.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1880–1882.
5. Епископ Виссарион (Нечаев) Толкование на паремии из книги Бытия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/8487>. – Загл. с экрана.
6. Жуков В. П. Поговорка, пословица / В. П. Жуков // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 379, 389.
7. Ковшова М. Русский язык превратился в блатную феню? / М. Ковшова // Комсомольская правда. – 2008. – 29 окт. – С. 18.
8. Мень А. Библиологический словарь: в 3 т. / А. Мень. – СПб., 2002. – 253 с.
9. Никоновайте Ф. И. О грамматическом содержании предиката евангельской паремии / Ф. И. Никоновайте // Филологические науки. – 1997. – № 3. – С. 57–66.
10. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – М., 1975. – 350 с.
11. Рождественский Ю. В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок / Ю. В. Рождественский // Паремиологический сборник. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
12. Снегирев И. М. Обозрение пословиц / И. М. Снегирев // Русские народные пословицы и притчи. – М., 1848. – С. 10.
13. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание / И. И. Срезневский. – М., 1989. – Т. I–III.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1987.

Хілько І.Ю.

*Волинський національний університет імені Лесі Українки,
м. Луцьк, Україна*

ЖАНРОВА СПЕЦИФІКА УКРАЇНСЬКОЇ ЖІНОЧОЇ ПІСНІ

Родинно-побутова лірика – найпрезентабельніший пласт необрядової фольклорної лірики українців. Через свою пізню генезу, вона відобразила чимало рис побуту XVIII–XIX ст., які не стали надбанням обрядових пісень, які начебто і встигали за життєвими змінами, котрі відбувались у суспільстві.

Термін «жіноча пісня» незвичний для сучасної фольклористики, хоч усе ж він радше добре забутий, аніж новий. Без претензій на класифікаційні наміри вперше в українській фольклористиці його вживає М. Костомаров, який зокрема пише: «Тип жінки в малоруській народній поезії змальовується найяскравішими фарбами саме через те, що половина малоруських пісень може переважно називатися жіночою» [8, с. 165]. Тим часом вислів «може називатися жіночою» не відкидає й можливості бачення вченим цієї назви в класифікаційному кадастрі. В сучасній українській фольклористиці одні автори класифікацій розглядають пісні, які відображають ліричні настрої жінки, як пісні про жіночу долю, інші – пісні про кохання, ще інші класифікують як вдовині. Якби тема кохання в тих чи тих його проявах не була основною для всієї лірики, то з цим недоліком, спричиненим використанням предметно-тематичного принципу класифікації, ще якось можна було б змиритися. Та оскільки лірика завжди індивідуальна, то її природу головно визначає не тема, а ліричний герой. До прикладу, одна й та ж подія подружньої невірності, яка в жінки викликає почуття образів, пригнічення, рідше приниження, в чоловіка обертається злістю за приниження. А тема ж одна. І предметний ряд той самий – чоловік і жінка. Словом, як з погляду перцептивної естетики, так і герменевтики, які визначають сьогодні підхід до лірики загалом і до фольклорної в тому числі, предметно-тематичний принцип класифікації став атавізмом.

Упродовж XIX–XX ст. родинно-побутова лірика, зокрема й пісні, які стосуються жіночих тем, вивчалися дуже плідно. Проте питання виокремлення окремим рядком пісень з чітко заманіфестованим жіночим сприйняттям сімейного життя так і не стало предметом хоча б дискусій про доцільність чи недоцільність розгляду пісенних текстів і з цього ракурсу. Особливої ваги це питання набуло в контексті герменевтичного методу, в якому постать реципієнта посідає особливе місце.

Найперші дослідження родинно-побутової лірики, до якої належать і пісні на жіночі теми, з'явилися в передмовах до збірників пісень. Упорядники вже перших таких видань наголошували, що «...спроби прочитати будь-який фольклорний текст, легковажачи його жанровою належністю, приречені на неуспіх» [6, с. 28]. Так, М. Максимович у збірнику «Малороссийские песни. Изданые М. Максимовичем» в основу поділу покладає тематичний принцип, у результаті чого класифікує наведені в ньому пісні на такі групи: мати й дочка; батько й діти; зять і теща; вдова і дочка і т.д. Як бачимо, фольклорист вбачав сенс у тому, що в класифікації родинних пісень зміст визначає

основний концентр, виявлений у тому чи тому членові родини, між якими виникають колізії, які й провокують відповідні ліричні настрої. Питання, суголосні з нашою темою, автор порушує в праці «Дні та місяці українського селянина». Заперечуючи В. Пассеку, який пісню про Ганну, що «пішла на Дунай по воду», відносить до купальських, Максимович зауважує, що вона «...навіть не дівоча, а чисто жіноча; її співають переважно тещі на по весільних забавах, коли ховають кінця!» [10, с. 112]. Попри сумнівність загального висновку, бо пісня таки справді купальська, принцип класифікації пісень, запропонований Максимовичем, сумнівів не викликає. Не можна не зауважити й того, що в основу такої класифікації автор кладе не ліричного героя пісні, дівчину, а виконавця. Правда й те, що хоч в проаналізованому тексті Ганна-утоплениця – однозначно дівчина, але прояв жалю, який визначає її ліричний характер, виходить з почуттів її матері, тобто все-таки жінки. Обрядовий підтекст зображені у пісні подій, який має в основі звичаєву практику, не дає підстав аналізувати її як сухо ліричну. Однак підхід, запропонований Максимовичем, як спосіб визначення критеріїв класифікації в ранній стадії розвитку фольклористики, все-таки варто взяти до уваги.

Той самий принцип класифікації підтримує своєю рубрикацією пісень в збірнику «Пісні польські і руські люду галіцького» В. Залеський. Від Максимовичевої вона відрізняється лише більш детальною структурою.

Початок сучасного предметно-тематичного принципу класифікації заклав А. Метлинський. Класифікація пісенного фольклору запропонована в його праці «Народные южнорусские песни (Издание Амвросия Метлинского)» зорієнтована на найголовніші етапи в житті людини: колискові, про кохання, весільні, родинні, поминальні. Посутньою вадою у цьому поділі є те, що А. Метлинський не розмежовує родинно-побутову та родинно-обрядову лірику.

На думку сучасного фольклориста П. Будівського, «...справді по-науковому підійшов до розв'язання проблеми класифікації української родинної пісні П. Чубинський» [1, с. 6]. І дійсно, використовуючи цінний багатий матеріал, відомий етнограф запропонував досить детальний поділ пісень, які стосуються сімейного життя. Проте в основу знову ж таки заклав тематичний критерій. Незручності такого поділу для аналізу фольклорних творів, виявляється, в тому, що спільні мотиви, як от: розлад з родом; заміжжя; згода в сім'ї; тяжке становище жінки, чоловіка; взаємини жінки і сім'ї чоловіка; повторне заміжжя; діти – можна знайти в текстах одразу кількох підрозділів.

Ще один фольклорист, який цікавився і зробив крок уперед у досліджені пісень, їх естетичної вартості, – П. Куліш. Аналізуючи «Думу про Марусю Богуславку» у праці «Записки о Южной Руси», автор в коментарях до неї зазначає, що «жиноцкихъ не поютъ козаки (или вообще – мужчины); козицъ-ких не поютъ женщины...» [4, с. 215]. Тим самим цією цитатою закладено головний принцип класифікації родинно-побутових пісень: домінування пісні залежить від її виконавця, а він так чи інакше є головним героєм фольклорного полотна, головним «носієм» почуттів.

Ф. Колесса у праці «Огляд українсько-руської народної поезії» (1905р.) усю родинно-побутову лірику іменує «піснями з житя родинного і особис-

того» [5, с. 241], де поділяє усі ці фольклорні твори на такі «відділи»: весільні (як найдавніші зразки родинної лірики), приколискові пісні, «найбагатшим відділом» Ф. Колесса номінує любовні пісні. До цієї класифікації також входять «пісні про подруже», які «...оспівують переважно лиху долю замужньої жінки і складаються на сумний образ жіночої неволі» [5, с. 248]. Фольклорист зупинився за крок до того, аби дати назву цьому жанровому різновиду родинно-побутової лірики, хоча досить детально проаналізував і виокремив найголовніші мотиви жіночих пісень: «силюваній шлюб, брак любови між подругами, лихий муж, п'яниця, нелюб, лиха свекруха, неприхильна родина мужа, розлучниця...» [5, с. 248]. Примітно, що у цій праці Ф. Колесса звертає увагу на недосконалість поділу пісень, зазначаючи, що «...не можна придумати такого докладного поділу пісень, щоб у найменьших подробицях відповідав пісенному матеріалові...» [5, с. 260].

I. Франко, аналізуючи пісні з мотивами жіночої долі у статті «Жіноча неволя в руських піснях народних», не претендуєчи на науковість, образно називає такі фольклорні тексти «жіночими невольничими псалмами» [14, с. 211]. Більшою мірою автор звертає увагу на деякі естетичні критерії таких пісень, завважуючи, що «...між жіночими піснями руського народу стрічаємо дуже багато так сумовитих, так жалібно болючих...» [14, с. 211]. Вживаючи назву «жіночі пісні» саме в такому контексті, I. Франко вже важить не на виконавців, а лише на героїв таких пісень, звертаючи увагу найперше на емоційну пригніченість та сум їх головних героїнь.

Значний внесок у дослідницький набуток родинно-побутової лірики вклав новочасний фольклорист П. Будівський. Дослідник робить огляд праць-досліджень родинно-побутових пісень, де йдеться зокрема і про «пісні заміжньої жінки», звертає увагу на історичні чинники, коли «постійні війни чоловічого населення далеко від сім'ї розвинули в жінок самостійність, вони стали головними виховательками молодого покоління» [1, с. 30]. У праці автором вказано на спільність та відмінність між «піснями заміжньої жінки» та дівочими, де в останніх присутньо «...менше суму, горя, більше оптимізму, бадьорості, щастя» [1, с. 19]. У такий спосіб автор розвиває думку I. Франка, а крім цього робить спробу виріznити мотиви пісень, у яких головною героїнею – жінка, та тих, де головною є дівчина.

Принагідно цієї теми торкалися сучасні фольклористи С. Грица, Н. Шумада, А. Іваницький, Л. Копаниця, М. Дмитренко, О. Івановська, Р. Кирчів, Н. Пастух, О. Кузьменко, Я. Гарасим та багато інших.

Л. Копаниця, авторка найновішої монографії про ліричну пісню, вважає плідним «підхід як до систематизації народної лірики на основі визначальної одиниці – мотиву» [6, с. 40]. Відстоюючи в такий спосіб тематичний принцип поділу, дослідниця все ж розуміє, що ліричне полотно «...як і життя, важко втиснути у вузькі рамки окремої теми» [3, с. 12]. Тому авторка справедливо стверджує, що «...в ліриці стабільною може бути тема тільки в найзагальніших обрисах» [6, с. 52–53].

Герменевтичний критерій класифікації родинної лірики, започаткований ще пionерами фольклористики, розвиває у своїх «Вибраних лекціях з українського фольклору» В. Давидюк. На думку вченого, щоб уникнути повторів однієї теми (до прикладу – кохання) в різних жанрових різновидах, критерієм

для їх означення має бути головний герой, його життя з переживаннями. Фольклорист робить чи не першу спробу класифікації лірики на рецептивному принципі. На думку дослідника, в залежності від того, хто виконує фольклорний твір, чиї думки, життєві перипетії та турботи у ньому відображені, усю родинно-побутову лірику варто класифікувати на дівочі, хлопчаці, чоловічі, жіночі пісні, тому «...варто відштовхуватися не від теми, а від того, від чийого імені вони співаються. Доцільніше було б говорити... не про пісні про жіночу долю, а про жіночі пісні» [2, с. 233].

Правильність такого підходу випливає і з однієї з тез Л. Копаниці, яка вважає, що не певні історичні події, не обрядова тематика, а психологія людської душі лягає в основу лірики [7, с. 18]. Коли йдеться про одні й ті ж почуття, які лягли в основу ліричних почувань героя, значення може мати психологічний стан героя, що визначається не так глибиною почувань, як статевим та родинним статусом героя. Робота над текстами переконує в тому, як багато значить, хто є носієм цих почувань: дівчина чи хлопець, жінка чи чоловік. Це і має бути основним критерієм для визначення жанрових різновидів родинно-побутових пісень.

Отож, всі класифікації ліричних пісень, в основі яких лежить предметно-тематичний критерій, або ж географічний, музично-ритмічний принципи, не вповні відповідають тим запитам, які ставляться до аналізу художнього тексту, особливо з погляду його рецептивної естетики.

В площині цих концептуальних акцентів, з нашої точки зору, й слід сьогодні розглядати пісні з жіночою тематикою.

Жанротворчі особливості цього виду пісень вже вписані фольклористами, проте вони розкидані по різних працях різних авторів, а тому потребують систематизації. На думку Л. Копаниці, будь-яка лірична пісня «під час свого виконання повинна відповісти ліричному настрою й своєрідностям «біографічних обставин» виконавця» [7, с. 86]. Що у ліричному творі зовнішні події – не на першому плані, натомість цілком домінує внутрішній світ людини, її стан душі та емоції, переконливо свідчить такий текст:

Ой у полі конопельки,
Вершки зелененькі.
Чи і людям так горенько,
Чи лиши мені, молоденькі?
(«Ой у полі конопельки») [13, с. 252–253].

Досить часто ліричні пісні мають лише одну геройню – жінку. Як наслідок, безсюжетність, а нерідко й відсутність діалогів підсилюють ліричність цих фольклорних творів, надаючи їм інколи своєрідного драматизму:

Як зелененькій коноплиночці
У болотечку гнити,
Так мені тяжко, так мені важко
На чужинонці жити.
(«Ой нема, нема із сина добра») [13, с. 83–84].

* * *

*Нехай же мої чорні очі
Щука-риба виїдає, –*

*Нехай же той нелюбоńко
Кулаками не виймає.
(«Утопила мене мати») [13, с. 99].*

Як і переважна більшість ліричних пісень, жіноча пісня монологічна. На думку російського фольклориста С. Лазутіна, «пісня-монолог найбільше відповідає ліричному роду поезії...», саме в цій пісні функціонує спосіб «... безпосереднього вираження думок і почуттів ліричного героя» [9, с. 53]. У житті досить часто трапляється так, що людині й не обов'язково мати спів розмовника, який повинен знати всі порухи серця та душі. Жінка ж у пісні звертається до будь-чого, що її оточує, ділиться найпотаємнішим з тими речами, які ніколи не зможуть виказати її таємниці:

Гиля, гиля, сірі гуси,
Та на жовтий пісок;
Зав'язала голівоńку,
Я ж думала на часок.

Гиля, гиля, сірі гуси,
Та на бистру ріку;
Зав'язала голівоńку,
Та вже, мабуть, й довіку.
(«Гиля, гиля, сірі гуси») [13, с. 82].

Те, чого не можна виказати людям, жінка іноді довіряє іншим суб'єктам живої природи, сподіваючись на їх співчуття:

*Соловейку маленький, в тебе голос тоненький,
Защебечи ти мені, бо я в чужій стороні;
Бо я в чужій стороні, нема роду при мені,
Ані роду, ні родини, ні просвітлої години,
Ні отця, ні матусі, ні рідного брата
(«Цвітуть сади-виногради») [13, с. 221].*

Отже, інтимність почувань – ще один із важливих критеріїв цього жанрового різновиду.

І все ж чи не найголовнішою жанротворчою ознакою ліричної пісні слід визнати жіночність почувань ліричного героя. Це не залежить ні від місця події, ні від родинного статусу геройні: чи то жінка – синова мати, чи свекруха, чи жінка-доńчина мати, чи то теща, сестра, братиха. Кожна з цих персонажів, виступаючи головною у тих подіях, які зображені у пісні, наділена тими особливостями психічного стану, які іншим героям родинно-побутових пісень не властиві.

Вищепередана особливість не означає відсутності диференціації жіночих персонажів залежно від їхнього сімейного статусу. Як слушно вважає Г. Дов-

женок, «...якщо старшій жінці відведено у пісні роль матері по відношенню до свого сина, то характеризують її зовсім інші якості, ніж у випадку, коли вона ж виступає в ролі свекрухи...» [3, с. 8]. Кожен образ жіночої пісні має ряд власних додаткових характеристик. Де й дівається колишня стриманість та покора колишньої невістки, коли вона набуває статусу свекрухи:

*Та цить, невістко, та не розпускай губи,
Як бачиш коцюбу, то позбираєши зуби*
(«Чи ти, невістко, сьогодні приведена») [13, с. 61].

Незважаючи на наявність традиційних характеристик кожного сімейного статусу в жіночих піснях, немаловажну роль у їх змалюванні мають індивідуальні характеристики. Такі найчастіше подаються не від свого власного імені, а від інших учасників життєвої колізії. Часто причиною таких подається синтез особистого зі звичаєвим, як ось у такому тексті:

*А велика сім'я
Та й ну річ говорить, (2 р.)
Мого мужса бранить, (2 р.)
Що не хоче мене бить*
(«Ой ти, мамко моя») [13, с. 61–62].

Де звичаєве не має вирішального значення, індивідуальні прояви жіночих характерів мають значно привабливіший вигляд, особливо – якщо вони цілком побудовані на самохарактеристиці:

*Женись же, мій синочок, бери жінку любку,
Цілуй її, милуй її, як голуб голубку*
(«Виряджала мати сина») [13, с. 126].

Таким чином, жіноча пісня – це жанровий різновид ліричної пісні, в основі якої лежать емоції головної героїні – жінки, її почуття, переживання, душевні прагнення, побутові чи сімейні перипетії. В залежності від того, хто є первісним творцем пісні, хто є головним носієм тих емоцій, і мусить визначатися різновид. Саме ці ознаки пісні і мусять бути визначальними для класифікації пісенного фольклору. Це твердження є визначальним для поняття жанру. Якщо ж вести мову про жанрові різновиди, зокрема, про жіночу пісню, то тут, як вже зазначалося, мусить йтися про ту людину, яка є в центрі конфлікту.

Список використаних джерел:

1. Будівський П. О. Українська народна лірика про сім'ю та побут / П. О. Будівський. – К. : Центр пам'яткознавства Академії наук України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури, 1993. – 129 с.
2. Давидюк В. Ф. Виbrane лекції з українського фольклору (в авторському дискурсі). – 2-ге вид., віправл. й переробл. / В. Ф. Давидюк. – Луцьк: ПВД «Твердиня», 2010. – 448 с.

3. Довженок Г. Поетичний кодекс родинних взаємин (ред. стаття) / Г. Довженок // Пісні родинного життя: збірник / упоряд., авт. вступ. ст. та приміт. Г. В. Довженок; відп. ред. І. П. Березовський. – К. : Дніпро, 1988. – 359 с.
4. Записки о Южной Руси: Идал П. Кулиш. – К.: Днепропетровск, 1994. – 719 с.
5. Колесса Ф. Огляд українсько-руської народної поезії / Ф. Колесса // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2009. – Вип. 47. – С. 166–272.
6. Копаниця Л. М. Пісенні жанри українського фольклору: навч. посіб. / Л. М. Копаниця. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2004. – 222 с.
7. Копаниця Л. М. Поетичний текст в усній і книжній традиції: питання поетики та художньої семантики: навч. посіб. / Л. М. Копаниця. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2004. – 222 с.
8. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія / М. І. Костомаров; упоряд., приміт. І. П. Бетко, А. М. Полотай; вступна ред. М. Т. Яценка. – К. : Либідь, 1994. – 384 с.
9. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: учеб. пособ. для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин. – М. : Высшая школа, 1981. – 221 с.
10. Максимович М. Дні та місяці українського селянина: пер. з рос. / М. Максимович. – К. : Обереги, 2002. – 189 с.
11. Мала енциклопедія українського народознавства / за ред. чл.-кор. НАН України, д-ра іст. наук, проф. С. Павлюка. – Л. : Інститут народознавства НАНУ, 2007. – 832 с.
12. Пісні родинного життя: збірник / упоряд., авт. вступ. ст. та приміт. Г. В. Довженок; відп. ред. І. П. Березовський. – К. : Дніпро, 1988. – 359 с.
13. Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика. Ч.2. – К.: Дніпро, 1965. – 528 с.
14. Франко І. Жіноча неволя в руських піснях народних / І. Франко // Зібрання творів у 50 т. – Т. 26. – К., 1980. – С. 210–253.

Антонюк С.М.

Хмельницький національний університет, Україна
ДИТЯЧЕ МОВЛЕННЯ В ЛІТЕРАТУРНОМУ ДИСКУРСІ

Вивчення мовлення дітей вже протягом багатьох років привертає увагу лінгвістів, психологів, соціологів, педагогів та інших вчених, що працюють у галузі гуманітарних наук. «Дитячий» матеріал достатньо специфічний і потребує особливого підходу, обумовленого необхідністю прослідкувати будь-яке мовне явище у його динаміці, розвитку, становленні, індивідуальній своєрідності.

Слід зазначити, що в дитячому мовленні різних народів існують загальні стратегії і типи номінації. Матеріал автономного дитячого мовлення досить різноманітний в різних мовах, але є значна кількість загальних фонологічних та граматичних моделей модифікації, які викликають інтерес, наприклад: спрошення поєднань приголосних, заміна [r] іншим приголосним; шиплячі приголосні замінюються свистячими.

На думку С. Н. Цейтлін, дитяча граматика більш послідовна, ніж та, якою користуються дорослі [3]. Ця граматика, як зауважує авторка, спирається на більш загальні закономірності, морфологічні надмоделі. Створена таким чином система не зазнає винятків і логічних невідповідностей, зокрема в ній немає перешкод, які накладаються на носіїв мови граматичною нормою. Ненормативні морфологічні форми дитячого мовлення нагадують продукти мовної гри дорослих, але різниця в тому, що мовна гра базується на свідомому порушенні норми, тоді як дитина створений оказіоналізм уважає єдиною можливою формою.

Дитяче мовлення на ранніх етапах відрізняється від мовлення дорослих своїм специфічним словником, який охоплює те нескладне коло понять, що ними оперують діти в перший період свого свідомого життя. Ще однією характеристикою автономного дитячого спілкування є редуплікація як частин слова, так і цілих слів. Наприклад: «boo-boo» («вава»), «уут-уут» («ням-ням»), «night-night» («спатки»). Можливо, редуплікацію слід розглядати як характерну ознаку автономного дитячого спілкування у всьому світі.

Мовлення дітей характеризується значною кількістю інновацій та оказіоналізмів; сюди зараховують, з одного боку, унікальні слова, відсутні в нормативній мові і створені дитиною на основі комбінації відомих кореневих й афіксальних морфем за продуктивними словотвірними моделями (або за схожістю звукового складу) з чіткою внутрішньою формою, а з іншого боку, оказіоналізмами вважають загальновживані слова літературної мови, що набули в дитячому мовленні свого змістового наповнення, своїх семантичних характеристик, які виходять за межі традиційно закріплених [1].

Від часів появи літературні тексти, адресовані дітям, розглядалися як

«частина цілеспрямованих зусиль світу дорослих щодо формування образу дитини, як потужний інструмент соціалізації ...» [2]. Тексти творів, призначених дітям, можна розглядати як комунікацію особливого гатунку, під час якої адресат повідомленняaprіорі опиняється у нерівноправному становищі щодо адресанта, що зобов'язує останнього – дорослого автора – вміти бачити світ дитячим поглядом, відчувати побачене і пережите по-дитячому.

Аналіз текстів дитячих видань засвідчує, що часто автори відтворюють у них так званий стереотип регістру спілкування з дітьми. У текстах дитячої літератури автори реалізують своє уявлення про те, як спілкуються діти. В англійській літературі одним із таких авторів є Льюїс Керрол. Опрацювання твору Льюїса Керрола «Сільвія та Бруно» дає нам можливість зробити певні узагальнення щодо найвиразніших рис мови літературного дискурсу, спрямованого на юних читачів.

Один із геройів зазначеного вище твору – маленький хлопчик Бруно. У художньому творі Льюїса Керрола «Сільвія і Бруно» дитяче мовлення передається за допомогою фонологічних та граматичні помилок та лексико-стилістичних прийомів (гра слів, алітерація, дитячі окажоналізми). Перше, на що звертає увагу читач, – це те, що Бруно не вимовляє деякі англійські звуки, а саме: [j], який часто вилучається: oo (you), oor (your); [θ], який замінюється на [f]: mouf (mouth), froo (through), bofe (both), toof (tooth); [ð], який замінюється або на [z]: wiz (with), wizout (without), або на [v]: uvver (other), anuvver (another), rarver (rather). Проте, зазначимо, що переважають граматичні помилки, серед них – неправильні форми дієслова to be, подвійне заперечення, неправильне утворення II та III форм дієслова, неправильне вживання допоміжних дієслів do-does, додавання закінчення -(e)s в Present Simple в 1-й та 2-й особі, помилки при утворенні часових форм дієслова та неправильне утворення ступенів порівняння прикметників.

Чималу тематичну групу в творі «Сільвія і Бруно» становлять назви страв. Численні згадки про їжу в творі свідчать лише про прагнення Льюїса Керрола дати задоволення своїм маленьким читачам, оскільки діти цікавляться стравами, особливо смачними.

Аналіз перекладу твору російською мовою (виконав Андрій Москотельников) засвідчив, що в основному звертається увага на стилістичні засоби, які використовує Льюїс Керрол. При неможливості знайти еквівалент перекладач застосовує прийом компенсації.

Отже, дитяче мовлення не копіюється в літературних творах, а своєрідно відтворюється в них за допомогою стилістичних засобів. Особливості репрезентації дитячого мовлення залежать від образу персонажу, від тих художніх задач, які поставив перед собою письменник.

Список використаних джерел:

1. Крутій К. Л. Дитячі окажоналізми як продукт мовної системи / К. Л. Крутій // Дошкільна освіта. – 2009. – № 4(26). – С. 34–43.
2. Кулешов Е. В. Предисловие / Е. В. Кулешов // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии текста. – М., 2003. – С. 8–15.
3. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин . – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

Гончар А.В.

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г.Екатеринбург, Российской Федерации

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Интеграция индивида в социокультурном пространстве осуществляется прежде всего через язык. Так, обеспечение непрерывной коммуникации между человеком и окружающей средой становится неотъемлемой частью его самореализации. В контексте общества консументизма реклама является особым видом взаимодействия человека и среды и таким образом во многом формирует его языковую картину мира, именно поэтому так важно уделять особое внимание ее адаптации в иноязычном пространстве.

Специфическим феноменом в рамках проблемы перевода рекламы выступает каламбур. В лингвистике до сих пор нет единого понимания сущности каламбура, что отражается и в терминологическом разнобое. Этот прием еще часто называют «игрой слов», «словесной остротой», «двойным смыслом» и т.д. Причем содержание этих понятий и их соотношение часто трактуют по-разному. Мы определим каламбур как «игру слов, основанную на нарочитой или невольной двусмыслинности, порожденной омонимией или сходством звучания и вызывающая комический эффект» (В. И. Даль), однако подчеркнем, что в рекламе амбивалентность каламбура намеренна и является способом воздействия на реципиента.

Элементом, обеспечивающим каламбуру успех, является непредсказуемость того или иного звена в цепи речи, так называемый эффект неожиданности. Основой каламбуров часто выступают фразеологизмы, нацеленные на обман ожиданий реципиента. Сущность каламбура заключается в столкновении или, напротив, в неожиданном объединении двух несовместимых значений в одной фонетической (графической) форме.

Подчеркнем, что по способам построения каламбуры можно условно разделить на каламбуры, построенные преимущественно на фонетической, лексической или фразеологической основе. Следуя В. З. Санникову, мы выделяем такие функции каламбура, как овладение языком; языковая функция; маскировочная функция; стремление развлечь себя и собеседника; стремление к самоутверждению [3, с. 66].

В отличие от перевода обычного текста, при котором его содержание (в том числе образы, коннотации, фон, авторский стиль) нужно влить в новую языковую форму, при переводе каламбура перевыражению подлежит и сама форма подлинника – фонетическая и/или графическая. Более того, нередко приходится даже менять содержание на новое, если невозможно сохранить старое, так как план выражения может оказаться важнее плана содержания. Трудно добиться при этом верного перевода, не меняя при этом и форму; это удается сравнительно редко, так как между обыгрываемыми словами (фразеологизмами) иностранного языка и соотносительными единицами языка перевода должны существовать не просто эквивалентные отношения, но полная эквивалентность с охватом двух или более значений. Однако

даже в этом случае между эквивалентами могут обнаруживаться расхождения – в сочетаемости, частотности или употребительности, в стилистической или эмоциональной окраске, в наборе синонимов или антонимов, в этимологии или словообразовательных возможностях, что ведет к потере функциональности каламбура и, соответственно, неудачной коммуникации.

В тех случаях, когда предметно-логическое содержание доминирует над функциональной информацией каламбура или невозможно создать каламбур на частично или полностью измененной основе, содержание приема передается в некаламбурной форме. Поскольку в каламбуре совмещается два смысловых плана, тесно связанных со структурой текста и дальнейшим развитием сюжета, необходимо нейтрализовать один план, сохранив при этом основные компоненты содержания приема. Здесь встречается наибольшее количество типичных переводческих ошибок, связанных с буквальной передачей семантики обоих элементов ядра иностранного языка, что приводит не только к нарушению норм иностранного языка, но и к созданию бессмысленного контекста на месте утраченного приема.

Поскольку в процессе перевода рекламных текстов ведущим становится прагматический аспект, то задача переводчика заключается в сохранении реакции реципиента на текст на исходном и переводящем языке в эмоциональном и интеллектуальном плане, ведь «надо переводить дух и контекст рекламного сообщения, а не просто слова» (Е. В. Головлева) [2].

По форме употребления каламбуры делятся на три типа:

1. Каламбуры, не использующие название бренда. Их недостаток в том, что они не обладают индивидуальностью и уникальностью. Это такие каламбуры, как Technology the world calls on (реклама компании Northern Telecom), Precisely what you're looking for (реклама техники Casio).

2. В каламбурах второго типа название бренда играет роль, но не является его ядром. Например: Get Rich quick (реклама кофе Kenco Really Rich).

3. Каламбуры третьего типа используют игру слов как неотъемлемый элемент: Absolut magic (реклама водки Absolut), Because the Citi never sleeps (реклама банка Citibank).

Отметим, что в рекламе существует так называемый принцип AIDA: язык рекламы должен привлекать внимание будущего покупателя (*attention*), удерживать его интерес (*interest*), вызывать желание купить товар (*desire*) и побуждать его к действию (*action*) [5, с. 63]. Поэтому для сохранения структуры каламбура при переводе следует учитывать ориентацию на потребителя, его национальную и социокультурную принадлежность.

Проанализировав существующие переводы англоязычных рекламных слоганов, содержащих каламбуры, на русский язык, мы пришли к выводу, что переводчики очень редко сохраняли игру слов. Это можно объяснить как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами. Так, выбор между переводом и его отсутствием во многом зависит от возможности применения приема компенсации, который многие исследователи (например, Н. Галь) считают одним из самых действенных. Если каламбур не использует название бренда, его можно перевести, использовав семантику ядра каламбура (на-

пример, слоган бренда Ariston Aqualtis «Deeply different» был переведен на русский как «Море отличий»). Если же каламбур использует название бренда как неотъемлемую часть, прием компенсации чаще всего невозможен, так как в русском языке достаточно трудно подобрать удачные омонимы к английским словам. В таких случаях приходится жертвовать либо переводом, либо самим каламбуром. Здесь важную роль играют экстралингвистические факторы: лаконичность слогана, уровень владения языком среди аудитории. Если слоган краток и для его понимания не требуются особые познания в иностранном языке, рекламодатель, скорее всего, предпочтет оставить текст без перевода. Если же возникают сомнения в понятности сообщения на иностранном языке, приходится жертвовать игрой слов.

Таким образом, рассмотрев проблему перевода каламбуров, мы акцентировали внимание на сложном характере корреляции различных языковых картин мира в современном социокультурном пространстве.

Список использованных источников:

1. Галь Н. И. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора / Н. И. Галь. – М. : Сов. писатель, 1981. – 241 с.
2. Головлева Е. Л. Основы рекламы / Е. Л. Головлева. – М. : Моск. гуманитарный ин-ут; Ростов-н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
3. Санников В. З. Русская языковая шутка: от Пушкина до наших дней / В. З. Санников. – М. : Аграф, 2003. – 560 с.
4. Marieke De Mooij Translating Advertising. Painting the Tip of an Iceberg // The Translator. – 2004. – № 10. – С. 179–198.
5. Lund J. V. Newspaper Advertising / J. V. Lund. – N.-Y. : Prentice-Hall, 1947. – 284 p.

Демина Н.С., к.филол.н. Каслова А.А.

*Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

«ДЕНЬГИ» КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК И СФЕРА-МИШЕНЬ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах.

Понятие «картина мира» относится к числу фундаментальных, выражавших специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Выражаемые в нем значения и образы складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая принимается как само собой разумеющееся всеми носителями языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Единицей информации такой системы является концепт, функ-

ция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, верbalного, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира.

Термин «концепт» появился в научной литературе лишь в середине XX века, хотя его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Будучи многомерным ментальным образованием, концепт имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное [1]. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти. Понятийная сторона концепта представляет собой языковое выражение концепта, его обозначение, описание, признаковая структура. Ценностная сторона концепта выявляет особенности психологического восприятия концепта, как в индивидуальном порядке, так и особенности восприятия обществом в целом. Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Таким образом, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка, т.к. он (язык) хранит в себе все познанное народом на протяжении многих столетий и отражает наиболее актуальные для его носителей научные и наивные знания и представления о мире.

Все концепты, так или иначе, объективированы в языке, но не все концептуальные системы развиты одинаково: чем более развита концептуальная структура, тем обширнее представлен его этнокультурный образ, и тем лучше усвоены его признаки носителями языка. Концепт, как многомерное явление может развиваться перманентно, а может стать «застывшим». Развивающиеся концепты активно используются в национальной культурной системе, а значит, являются актуальными для данного культурного общества. К одним из таких развивающихся и актуальных концептов можно отнести концепт «деньги», на примере английской языковой картины мира.

Деньги – одно из величайших человеческих изобретений. С их возникновением в обществе появилась новая ценность, которая, несомненно, нашла свое отражение и в языке, и культуре. Деньги напрямую связаны с жизнью человека в коллективе, они определяют его поведение, пристрастия, уровень развития потребностей, отражают индивидуальные и национальные особенности языковой личности, культурные обычаи и традиции, социальный статус и духовный мир человека. Издревле торговля, товарно-денежные отношения являлись главным условием общественного взаимодействия и развития. Процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг изменяются вместе с общественно-политическим устройством государства.

Наиболее ярко концепт «деньги» репрезентируется во фразеологической системе английского языка. Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *деньги* характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанной на особом восприятии явлений и фактов окружающей действитель-

ности, на их оценке (положительной или отрицательной). В английском языке существует целый комплекс фразеологических единиц с компонентом *money*, анализ которых позволяет выявить наиболее частотные компоненты концепта «деньги» в данной лингвокультуре.

Анализ фразеологического материала показывает, что ФЕ в английском языке условно можно распределить по группам с одним общим ядерным значением:

1. Деньги – заработка (Money is Earnings): фразеологические единицы данной группы актуализируют как процесс получения (зарабатывания) денег, так и их бережное хранение, накопление средств, начиная с самого небольшого номинала. ФЕ имплицитно репрезентируют идею о том, что деньги просто так не найдешь, для этого нужно очень сильно потрудиться. Более того, чтобы достигнуть желаемого и заработать деньги, нужно быть мудрым, сообразительным, трудолюбивым, т.е. деньги могут быть заработаны с помощью интеллектуальных способностей человека, напр.: *money doesn't grow on trees* (деньги не растут на деревьях); *penny and penny laid up will be many* (копейка рубль бережет); *no bees, no honey; no work, no money* (нет меда без пчел, нет денег без работы); *early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise* (кто рано встает, тому Бог подает); *a fool may earn money, but it takes a wise man to keep it* (глупец зарабатывает деньги, а мудрец хранит).

2. Деньги – власть (Money is a Power): в данной группе фразеологизмов манифестируются негативные смыслы, выражающие отношение к деньгам, их власти и силе. В рассматриваемых нами контекстах актуализируется губительное свойство денег, их отрицательное влияние на характер и поведение их обладателя. Более того, в данной группе фразеологизмов деньги одушевлены: они заставляют совершать действия, губят, подкупают и властвуют, напр.: *money is a good servant but a bad master* (деньги – хороший слуга, но плохой хозяин); *money makes the world go round* (деньги правят миром); *money often unmakes the men who make it* (деньги часто губят тех, кто их наживает); *to angle with a silver hook* (деньги все двери открывают); *money talks* (с деньгами всего можно добиться).

3. Деньги – вложения (Money is Investments): смыслы, представленные в данной группе ФЕ, выявляют наиболее выгодные способы вложения денежных единиц для представителей англоязычной лингвокультуры, таковым является, в частности, образование, напр.: *money spent on the brain is never spent in vain* (деньги, истраченные на образование, никогда даром не пропадают).

4. Отсутствие денег (Lack of Money): выделенная группа фразеологических единиц выявляет негативные смыслы, связанные с отсутствием денег. Выражение подобных коннотаций актуализируется через оппозицию *light (purse) – heavy (heart, curse)*, где легкость кошелька (отсутствие в нем денег) является своего рода тяжелым бременем, манифестируя, тем самым, семы «мрачный», «печальный», «грустный», «тяжкий», напр.: *a light purse is a heavy curse* (хуже всех бед, когда денег нет); *a light purse makes a heavy heart* (когда кошелек легок – на душе тяжело).

5. Деньги – зло (Money is Evil): фразеологизмы данной группы выявляют наиболее негативные смыслы, имплицитно представленные через концепт *money*, т.к. отождествляют деньги со злом, несчастьем, пороком, недостатком, а поступки, тем или иным образом связанные с деньгами, рассматриваются как злые, дурные, пагубные, порочные, напр.: *money is the root of all evil* (деньги причина всех бед / зла); *tuck and money go together* (мерзость и деньги всегда вместе).

6. Деньги – средство оплаты (Money is a Means of Payment): коннотативно нагруженные фразеологизмы, относящиеся к данной группе, на первый взгляд, актуализируют наиболее обыденные смыслы, связанные с концептом *money*, т.е. их основное назначение, а именно, средство оплаты. Однако дополнительные смыслы выявляются при более детальном рассмотрении паремиологических единиц, т.к. становится ясным, что обладание деньгами предполагает наличие преимуществ у его владельца, напр.: *a good payer is master of another's purse* (дословно кто всегда платит, сколько обещает, тот может занимать деньги у других когда угодно); *he who pays the piper calls the tune* (кто платит, тот и заказывает музыку). Кроме того в данной модели можно выявить смыслы, связанные с количеством денег и временем оплаты, напр.: *an employer who pays low wages will have bad staff* (работодателю, который платит мало, всегда не хватает сотрудников); *pay beforehand was never well served* (досл. если заплатить за обслуживание прежде, чем оно будет сделано, то оно уже не будет качественным).

7. Ценность денег (Money Value): в данной группе фразеологических единиц манифестируется мысль, что деньги – не главная ценность, поскольку в жизни существуют более значимые вещи, к которым традиционно относятся здоровье, дружба, любовь, и, которые, следовательно, невозможно купить, напр.: *good name is better than riches* (добрая слава лучше богатства); *health is better than wealth* (лучше быть здоровым, чем богатым); *money isn't everything* (деньги не все); *money can't buy happiness* (счастье не купишь).

Актуальность рассматриваемого нами концепта также связана с тем, что средства массовой информации довольно часто используют исходную понятийную область «деньги / финансы» в качестве источника для репрезентации основополагающих общественных институтов (политических, экономических, социальных), что напрямую связано с ее детальной структурированностью в национальном сознании и важностью занимаемого ею места в системе общественных отношений.

По справедливому утверждению Дж. Лакоффа, финансовая источниковая сфера активно используется для осмыслиения различных областей человеческой деятельности представителями многих культур [2]. Так, основы морали, этические нормы могут концептуализироваться как торговый баланс. Кроме того, экономическая / финансовая метафорика широко применяется для репрезентации деятельности субъектов политики. Дж. Лакофф описал и доказал важность концептуальной метафоры ПОЛИТИКА – это БИЗНЕС [2]. Представленная метафора становится особенно продуктивной в случае, когда необхо-

димо воздействовать на общественное сознание, что обусловлено pragматическим потенциалом составляющих ее метафорических словоупотреблений.

«Деньги» как сфера источник метафорической экспансии в языковой картине мира политики включает словоупотребления, репрезентирующие накопленный опыт, авторитет, а также возможности и перспективы политических деятелей. В связи с этим в СМИ регулярно встречаются метафорическое наименование *political capital* (*политический капитал*), представляющее собой «стертую» финансовую метафору, актуализация внутренних смыслов которой происходит за счет контекстологических средств. Сочетаемость метафоры *political capital* с глаголами, обозначающими финансовые операции, производимыми с денежными ресурсами, обуславливает акцентуализацию позитивных или негативных оценочных смыслов в зависимости от семантики употребляемого глагола. Ср.:

Bush wants to win some relatively quick victories on his first two priorities – a tax cut and education reform – in order to build up capital for harder fight over defense and Social Security reform (E. Thomas, Newsweek). «I want Dick to build up some political capital... so he can go up to Capitol Hill and spend it» (J. Carney, J. F. Dickerson, Time). ...he (Bush) may have spent more political capital defending his picks... (N. Gibbs, Time). For Bush, tackling these issues will require spending political capital (F. Zakaria, Newsweek).

Представленные примеры свидетельствуют, что наращивание политического капитала прямо пропорционально увеличению авторитета, влияния, расширению связей и полномочий. «Оживление» негативных ассоциативных признаков возможно при введении в ближайший контекст глаголов, значение которых связано с растратой финансовых накоплений, что свидетельствует об ослаблении авторитета.

Другие средства репрезентации возможностей, например, политиков – метафорические наименования финансовых ресурсов, ценных бумаг и действий, производимых с ними *bond* (*акция, ценная бумага*), *credit* (*кредит*), *payback* (*выплата*), *payment* (*плата, платеж*), метонимический перенос *wallet* (*бумажник*). Деньги (капитал) можно брать взаймы, одолживать, получать в кредит, возвращать. Ср.:

And so the matter of who got paid for doing all these deeds – and whether this payment was in dollars or in votes... (M. Duffy, K. Tumulty, Time). In 1989 his father, afflicted by the deficit, lamented in his Inaugural address that «we have more will than wallet». Today we have more wallet than will (J. Alter, Newsweek).

Представленная метафорика выявляет смыслы «расчетливость», «дух коммерции», «получение выгоды или прибыли», оживляет смыслы доминирующей роли товарно-денежных отношений.

Таким образом, можно увидеть широкий спектр коннотаций и ассоциаций, который выявляется через рассмотрение единиц, репрезентирующих концепт *money*. В большинстве фразеологизмов деньги выступают в качестве одушевленного предмета, который совершает действия: правит, заставляет что-либо делать, приносит радость, подкупает. Деньги имеют власть, но не безграничную, поскольку есть вещи, которые купить невозможно: здоровье,

счастье, дружбу. Более того, деньги являются средством удовлетворения материальных нужд. Чтобы иметь деньги, нужно обладать интеллектуальными способностями и усердно трудиться. «Деньги / финанссы» как сфера-источник метафорической экспансии включает систему метафорических словоупотреблений, актуализированных в текстах средств массой информации. Рассматриваемая нами метафорика выявляет потенциал к развертыванию в связи с актуализированностью и продуктивностью. Финансовая сфера, основанная на товарно-денежных отношениях, представляет собой нейтральный, а в ряде случаев позитивно окрашенный источник метафорического словоупотребления в английской языковой картине мира.

Список использованных источников:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

К.Филол.н. Каслова А.А., Назукина А.Д.

*Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Отражение истории страны, религиозных верований, культуры и национального характера народа непосредственно связано с именами собственными, которые являются опорными точками в межъязыковой коммуникации и выполняют функцию межкультурного звена. Способность имени накапливать коннотации как общеинформационного, исторического, так и эмоционально-эстетического плана позволяет ему выполнять многообразные функции в политическом дискурсе, участвуя в его семантической организации. В настоящее время отмечается возрастающая роль политической коммуникации в обществе и недостаточная изученность лингвокультурной специфики имен политиков. Важным является изучение имен собственных в политическом дискурсе с точки зрения соотношения языка и культуры, отражения в языке ценностной картины мира его носителей. Вербализация имен политических деятелей в США по-разному представлена в языковой картине мира разных социумов. Описание и объяснение этой специфики представляется важным для современной лингвистики.

Актуальными становятся вопросы теоретического моделирования политического дискурса – выявление механизмов порождения и функционирования имен политических деятелей, анализ политических метафор как способа осмыслиения мира политики, характеристика речевого поведения политика, и,

прежде всего, изучение лингвокультурных характеристик имен политиков. На современном этапе развития мирового сообщества, политическая сфера является одной из ведущих и самых востребованных. Более того, средства массовой информации являются сферой актуализации политического дискурса [2].

Междисциплинарный подход к пониманию сущности дискурса не исключает, а даже предполагает традиционный анализ речи политиков, а также специфику употребления имен политических деятелей. Некоторые авторы, пытаясь упорядочить разнообразные филологические классификации дискурсов, обосновывают выделение национальных дискурсов: «Языковая концептуализация, в которой воплощается национальный менталитет и картина мира, служит основанием для разделения дискурса по национальному признаку» [1, с. 136].

Борьба за власть является основной темой и движущим мотивом политической сферы общения. С этим явлением люди сталкиваются ежедневно. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики. Важнейшую роль в восприятии политического дискурса играет правильное понимание лингвокультурных особенностей имен политиков. Имена собственные в таком случае способствуют идентификации того или иного политика и его окружения.

«Политический дискурс является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. Используя политический дискурс в качестве пробного камня, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу» [3, с. 26].

Рассматривая особенности семантики имен собственных, их контекстуальные ассоциативные связи и средства создания ассоциаций, необходимым является определение прагматической функции имен собственных и их лингвокультурной специфики.

Языковая личность политических деятелей изучается в ценностном, когнитивном и поведенческом аспектах. Система ценностей языковой личности политика отражается в его концептуальной картине мира, которая складывается из ментальных репрезентаций, то есть концептов.

Среди политических деятелей США многие отдают предпочтение прозвищам, которые закрепились за ними и продолжают появляться на протяжении всей жизни. Источником возникновения прозвищ американских президентов могут выступать личностные качества политика, происхождение, профессиональный опыт и предвыборные кампании, прецедентные истории из жизни. Все эти особенности способствуют появлению в языке новых словарных единиц, образованных от имен президентов и политиков.

Распространенной в США является также практика именования своих

президентов по первым буквам каждой части их полного имени, то есть с помощью аббревиатур. Эта традиция установилась в американской культуре со временем 32-ого президента США, Франклина Рузвельта. Подобного рода сокращения зачастую используются как в устных, так и в письменных обращениях к американским политикам: *FDR* = Franklin Delano Roosevelt; *JFK* = John Fitzgerald «Jack» Kennedy. Ср.:

Dief Lends JFK A Helping Hand. Labor Is For LBJ. (The Daily Beast)

Типичным способом словообразования в английском языке является усечение, которое также характерно для производства имен американских политиков. Действующего президента США Барака Обаму в детстве называли *Bar* или *Barry*, что является производным от *Barrack*. Данная номинация сохраняется в политическом дискурсе до настоящего времени, что, безусловно, позволяет говорить о снижении стилистической коннотации при назывании высшего должностного лица.

Еще одним примером усечения имени собственного (с орфографическими изменениями) является сокращение имени *Condoleezza (Rice)* до *Condi*, которое закрепилось за упомянутым политиком еще со времен работы в администрации Джорджа Буша (старшего). Ср.:

Condi is one of those happy-go-lucky kinds of people,» said her former University of Denver professor, Karen Feste. «She doesn't have an unhappy side to her; at least I've never seen it (The Times).

Следует отметить, что усечения типа *Condi*, *Bar*, *Barry* представляют собой то, как политики именовались в детстве, что придает словоупотреблениям диминутивный, неформальный характер.

Компрессия, как важная составляющая любого развитого языка, характеризует словообразовательный потенциал образования имен собственных в политическом дискурсе США. Достаточно частотными наименованиями являются *Bama* производное от *Barack Obama* и *Billary* от *Bill + Hillary (Clinton)*. Примечательно, что последнее из приведенных словоупотреблений может относиться, как к политическому союзу семейной четы Клинтонов, так и отдельно к Хиллари Клинтон, манифестируя неразрывную связь с политической деятельностью и супружеские связи политика. Ср.:

In the Democrats' case, the full-throttle emergence of **Billary**, the joint Clinton candidacy, is measured mainly within the narrow confines of the short-term horse race (The New York Times).

Billary wants nothing more than to be president, and she will run against Obama, because this is her last chance. Public sentiment now realizes she was the best candidate of the Democrats, and the best candidate for the 2008 Election (Astrology Weekly).

В данном примере мы наблюдаем усиление референтной функции номинации (имени) *Hillary*, что является вполне естественным для имен собственных, т.к. их семантика является в основном референтной, а не денотативной. Однако также становится очевидным, что референтная функция имени *Bill* практически дезавуируется и приближается к нулю. Таким образом, имплицируются лидерские качества Хиллари Клинтон и ее доминантная роль в паре.

На выборах 2008 года Б. Обама одержал победу в традиционно республиканских штатах (Аляска, Миссисипи и т.д.), где демократы не имели успеха на политическом Олимпе с 1980 года. Более того, политическая деятельность 44-го Президента США снискала ему поддержку не только среди простого избирателя, но и из числа влиятельных республиканцев, что способствовало появлению имени собственного *Obamicans* на основе контаминационного механизма, включающего лексемы *Obama* и *Republicans*. Ср.

These efforts began in earnest during the campaign, when there were 44 high-profile Republicans who crossed party lines to endorse then-Senator Barack Obama for president, compared to just four Democrats who endorsed Senator McCain. The ranks of Obama Republicans – or **Obamicans** – included former Republican governors, senators, and congressmen, senior Reagan and Bush administration leaders... (The Daily Beast).

Суффиксация предоставляет широкие возможности для манифестиации разнообразных дополнительных оттенков значения имени собственного. Использование суффикса -ian традиционно репрезентирует приверженцев каких-либо идей, взглядов, доктрины и последователей учений. *Jeffersonian* – поборник идей одного из Отцов-основателей США Томаса Джефферсона, а именно, джефферсоновской демократии; *Hamiltonian* – человек, поддерживающий политические взгляды Александра Гамильтона, являвшегося в некотором смысле оппонентом Т. Джефферсона, его трактовки демократии. Ср.:

American politicians happily describe themselves as **Jeffersonians** and **Hamiltonians** (The Economist).

Наряду с большим количеством имен собственных, актуализирующих вариативные смыслы, выраженные в производных от имен американских политиков, в СМИ США активно используются словоупотребления (прозвища, клички), служащие для номинации политических деятелей, которые обладают большим прагматическим потенциалом, т.к. ассоциативно связаны с экстралингвистическим контекстом. Такие имена собственные дают широкие возможности для выявления лингвокультурных коннотаций, поскольку их употребление основано на многообразии ассоциаций, манифестирующих деятельность, особенности поведения, взгляды и точки зрения политиков Соединенных Штатов.

Одним из наиболее частотных примеров является употребление существительного *cowboy* в отношении Джорджа Буша младшего. В многочисленных контекстах мы встречаем сочетания и словоупотребления типа *Cowboy*, *Cowboy George*, *Cowboy Clown*, *Cowboy President*, *Cowboy Democracy*. Ср.:

The worst mistake the world can make is to treat Bush as a cartoon-a born-again **cowboy** bull-riding his way through global affairs – rather than a traditional American president (Newsweek). Outside the United States, the conventional view is that he (Bush) is a **cowboy president**, who showed up grudgingly and only because he had to (Newsweek).

Существительное *cowboy* в английском языке имеет несколько значений. Традиционным и наиболее известным является значение ковбой (пастух) со Среднего Запада (тот, кто перегонял скот из Техаса). Данная номинация со-

держит дополнительные смыслы, связанные с типичными чертами героев «ковбойских фильмов» (вестернов). В разговорной речи слово *cowboy* также имеет значение «пройдоха, делец, лихач», а в политическом дискурсе – бунтарь, отказывающийся подчиняться партийной дисциплине. В настоящее время эра ковбоев закончилась. О ней напоминают лишь предметы одежды, аксессуары (шляпа, сапоги и т.д.), мода на которые до сих пор не прошла и особенно упорно ее придерживаются жители штата Техас, что является предметом насмешек интеллектуальной элиты США.

Употребление номинации *cowboy* в вариативной сочетаемости по отношению к Дж. Бушу манифестирует широкий шлейф смыслов и ассоциаций. Посредством рассматриваемого нами существительного эксплицируются техасские корни бывшего Президента США, его пристрастие к ковбойской одежде и аксессуарам, жизни на ранчо и т.д. Однако наиболее ярко *cowboy* актуализирует резко отрицательное отношение со стороны журналистов и избирателей к Дж. Бушу младшему, которое более точно можно охарактеризовать как унижение, отсутствие уважения, почтения, умаление достоинства, пренебрежение. Данные коннотации усиливаются в сочетаниях *Cowboy George* и *Cowboy Clown*, за счет лексической сочетаемости.

Прозвища политиков, являются отражением их характера и деловых качеств. Известный госсекретарь США Кондолиза Райс получила прозвище от бывшего президента Дж. Буша *Guru* за профессионализм, с которым она подходила к решению всех вопросов и помогала в предвыборной кампании будущего 43-ого президента. Однако Кондолиза Райс получила ряд негативных прозвищ за время работы в администрации Дж. Буша, к числу которых относятся *Brown Sugar*, *Dirty Rice*. Данные номинации носят с одной стороны разговорный, а с другой расистский характер. Ср.:

Ms. Rice's current indiscretions – including a «love bruise» on her lower lip that no amount of cosmetic attention could hide entirely – are the latest in a series of cock-ups that has earned her the nickname *Dirty Rice* among her entourage (AntiWar).

Дальнейшее изучение имен собственных американских политиков представляет интерес для выявления лингвокультурной специфики актуализации политического имиджа в дискурсе США, а также более углубленного изучения всех затронутых культурологических и лингвистических (когнитивных, pragmatischen и языковых) проблем.

Восприятие и интерпретация лингвокультурной семантики собственных имен политиков в американском публицистическом дискурсе требует учета не только конкретно-языковых или pragmatischen смыслов, но и обращения к концептуальным представлениям американцев о своей стране, собственной национальной идентичности и национальном характере.

Список использованных источников:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – 1990. – С. 136–137.

2. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Дискурс-анализ в контексте современных исследований / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – 2002. – № 3. – С. 6–28.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 216 с.

Корнилова А.И.

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г.Екатеринбург, Российской Федерации

ЛЮБОВЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

(на примере лирики группы Placebo)

Мы манифестируем себя в языке, ведь «язык – это картина реальности» (Л. Витгенштейн). Вся культурная специфика народа, являясь совокупностью лингвокультурных компонентов, отражается в языке, речи и, как следствие, в литературе.

Подчеркнем, что лингвокультурные концепты, будучи условными единицами, обладают эксплицитной ментальной природой и хранятся в сознании отдельного человека. Они детерминируются культурой нации и проявляются в языке, вызывая как у индивида, так и группы людей, определенные коннотации. Лингвокультурный концепт обладает целым рядом важных характеристик – аксиологической значимостью, многомерностью, изменчивостью.

Следуя классификации А. Я. Гуревич [2], мы будем подразделять лингвокультурные концепты на универсальные категории культуры (например, время, пространство) и социальные категории (например, свобода, право, собственность). Универсальные категории присущи каждому человеку и конструируют индивидуальную картину мира, когда как социальные категории, обладая меньшей философской направленностью, имеют обусловленную конкретной временной эпохой острую социальную значимость, и в разные периоды в разных цивилизациях осмысливаются по-своему, но при этом присущи каждой нации.

В нашей работе мы рассматриваем концепт любви, который относится к универсальным категориям культуры и, безусловно, является устойчивым концептом, актуальным на протяжении всей истории человечества (некоторые исследователи (ссылка) такие концепты называют *константами*).

В английском языковом пространстве этот концепт исследовался Т. Б. Агаковой и О. Б. Бакиной [1], которые при помощи анализа семантического содержания английских фразеологических единиц выделили несколько основных стереотипов, связанных с пониманием концепта «любовь». Приведем самые интересные:

• *Всемогущественная сила любви.* При осмыслении данного стереотипа в английском языковом пространстве любовь часто персонифицируется и наделяется человеческими способностями и качествами (например, Love con-

quers all; Love rules the country without a sword; Love makes the world go round).

• *Любовь может нести не только радость и счастье.* В английских фразеологизмах важное место занимает мысль о том, что любовь может нести горе, страдания, а иногда даже вести к смерти. Неизбежны в любви ссоры и ревность (например, There is no living in love without suffering; Love is a sweet torment; Love is never without jealousy).

• *Любовь кардинально меняет людей как в лучшую, так и в худшую сторону.* Влюбленный человек зачастую теряет способность мыслить и рассуждать разумно, что оценивается в английских фразеологизмах явно негативно (например, Love makes a wit of the fool; The first sight of love is the last of wisdom; Love puts reason away).

• *Любовь свободна и независима.* Во фразеологизмах утверждается свобода любви, ее независимость от воли человека (например, Follow love and it will flee, flee love and it will follow thee; Love cannot be forced. Forced love does not last).

• *Любовь зависит от денег.* Во многих английских фразеологизмах выражается мысль о том, что без денег не бывает любви. На этом основании можно сделать вывод о несколько практическом подходе англичан к чувству (например, Love lasts as long as money endures; Who marries for love without money, has good nights and sorry days; Love is potent, but money is omnipotent).

• *Любовь неизбежно связана с разлукой.* Влияние расстояния на любовь осмысливается по-разному: в одних пословицах утверждается, что разлука охлаждает чувство, в других, напротив, – разлука порождает любовь (например, Men are best loved farthest off; Salt water and Absence wash away love; Absence sharpens love, presence strengthens it).

Таким образом, можно отметить, что любовь в английском языковом пространстве мыслится как неотъемлемая часть жизни человека, способная менять личность влюбленного, а также мир вокруг него. Любовь невозможно побороть, однако счастливой можно назвать лишь взаимную и неизменно верную любовь. И хотя в одних пословицах утверждается независимость любви от внешних факторов, в других пословицах подчеркивается невозможность счастья в любви без материального благополучия.

Следует отметить, что в связи с присущим англичанам уважением к частной жизни, а также некоторой их сдержанностью, концепт любовь в английском языковом пространстве изучен мало.

Рассмотрим реализацию этого лингвокультурного концепта на конкретном примере. Песни как форма коммуникации эксплицитно отражают ментальность нации, ее основные ценности и умонастроения. Именно поэтому мы решили проанализировать творчество популярной англоязычной группы Placebo.

Любовь для Placebo – это загадочное и необъяснимое чувство. Песня «Without you I'm nothing», ставшая заглавной для их второго альбома, объединяет в себе

практически все важные для группы понимания концепта «любовь». Герой, как и во многих других песнях, абсолютно и полностью зависит от возлюбленной, и, лишь находясь рядом с ней, испытывает подлинно волнующее душу чувство (Strange infatuation /Seems to grace the evening tide./ I'll take it by your side). Мимолетные связи его не удовлетворяют и не интересуют. Томительно долго тянется время для героя, и он старается изобрести план, который позволил бы ему быть рядом с любимой, но все, что он получает в ответ – это ее приступы гнева, повергающие его в шок и ступор. Следует отметить важную для Placebo идею о том, что любимого человека мы всегда видим безупречным, себя при этом считая недостойным и не заслуживающим внимания. Возникает тема трагического одиночества героя, которое возлюбленной не замечается абсолютно. В финале песни лирический герой настолько превозносит любимую, что уже отказывается признавать себя самостоятельной личностью.

На основании проведенного нами анализа всего творчества группы мы обнаружили некоторые закономерности в понимании любви в лирике Placebo, которые коррелируют с общими тенденциями интерпретации концепта в англоязычной картине мира:

1. Любовь несет не только радость, но и страдания.

2. Любовь способна ослепить человека, лишить его возможности здраво оценивать любимого человека.

3. Любовь возникает независимо от желания людей.

Мы можем сделать вывод, что благодаря интерпретации различных лингвокультурных концептов складывается более четкое понимание языковой картины мира определенного народа, его менталитета и аксиологической парадигмы.

Список использованных источников:

1. Агалакова Т. Б. Концепт «любовь» в английском языковом пространстве [Электронный ресурс] / Т. Б. Агалакова, О. Б. Бакина. – Режим доступа: http://englishschool12.ru/publ/interesno_kazhdomu/interesno_kazhdomu/koncept_ljubov_v_anglijskom_jazykovom_prostranstve/57-1-0-4119
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры [Электронный ресурс]/ А. Я. Гуревич. – М., 1984. – Режим доступа: <http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich02.htm>

К.філол.н. Косенко О.П.

**PVNZ «Кримський інженерно-педагогічний університет», Україна
МОВНІ ЗАСОБИ МАНІПУЛЯЦІЇ В СУЧASNІХ ЗМІ**

Мовна картина світу знаходитьться в прямій залежності від мовних змін, тісно пов'язана з питанням взаємодії мови, культури і суспільства. Суспільство впливає на мову, мова впливає на суспільство. Отже, світогляд людини, її переконання змінюються не лише з об'єктивних причин, що мають місце в навколошньому світі, але і при внесенні змін до системи мовної картини світу.

Останнім часом засоби масової інформації є чи не єдиним інструментом-

регулятором, що формує суспільну думку та впливає на настрої більшої частини населення. Радіо, телебачення, і особливо Інтернет стають невід'ємною частиною нашого життя.

Якщо раніше в мас-медіа і був присутній елемент маніпулювання, то він був більшою мірою несвідомим, це визначалося швидше історичними закономірностями. Тепер же штучне маніпулювання мовою або прихована зміна мови мають на меті коректування свідомості і світогляду індивідуума та суспільства в цілому, впровадження певних цінностей і викорінювання інших.

У зв'язку з цим питання впливу, маніпуляції на будь-якому рівні (чи то лексичному, чи то синтаксичному) набувають особливого значення. Маніпуляція вивчається в межах психології, соціології, політології, філософії, суттєві лінгвістичних робіт з маніпулювання реципієнтом існує не дуже багато.

Маніпуляція свідомістю цільової аудиторії ефективно здійснюється у публікаціях, що присвячені економіці, культурі, дозвіллю. Реципієнт рідше виявляє факт маніпуляції, бо не шукає в них підоснови і тому менш критично сприймає такі тексти.

Однією з умов успішної маніпуляції є її непомітність, коли реципієнт «вірить, що все, що відбувається, є природним та неминучим» [5, с. 43]. У такому випадку в нагоді можуть стати евфемізми – слова або вислови, що здатні вуалювати, затемнювати факти, які можуть викликати антипатію або негативну оцінку з боку суспільства. Як зазначає Ю. С. Баскова [1], евфемізми володіють високим маніпулятивним потенціалом за рахунок непомітності для реципієнта, оскільки в сучасному інформаційному потоці їх важко вичленити з контексту та ідентифікувати табуйований денотат, що ховається за евфемізмом.

Серед інших лексичних засобів, що активно застосовуються задля маніпулятивного впливу, можна зазначити полісеманти, омоніми, оказіоналізми. Останні за рахунок своєї нестандартності створюють експресивність мАтеріалу, розстановку акцентів. Зіштовхуючи значення омонімів, журналіст привертає увагу читача за рахунок каламбурів і актуалізує в публікації додаткові сенси [2]. Важливу роль у процесі реалізації маніпулятивного впливу відіграє обіgravання власних імен та вживання фразеологізмів, а й часто їхні трансформації. Гра з іншомовними словами, гра з конотацією слів, розширення сполучуваності слів також слугують аттрактивності написаного і можуть впливати на суспільну свідомість.

Часто в медійному дискурсі актуалізуються різні значення займенників you, we, they (ви, ми, вони), що дозволяє створити ілюзію об'єктивного подання інформації. Певна надмірність персональної сітки в публіцистиці пов'язана з бажанням автора повідомлення «об'єктивізувати висловлюване», освітити різні точки зору на одну й ту ж ситуацію, проте саме поєднання в одному тексті різних значень особових займенників допомагає реалізувати маніпулятивний вплив [3]. Генералізація референтів (напр., ми – читачі і журналіст, ми – весь народ) дозволяє створити ілюзію спільноті, так би мовити єднає реципієнта з адресантом.

Актуалізувати в свідомості реципієнта важливі для адресанта думки, нав'язати

їх можна і за допомогою синтаксичних засобів: питальні речення у функції розповідних, риторичні питання і т.п. Все це створює діалогічність спілкування, знижує категоричність, відбувається так би мовити спільне міркування над питанням. Якщо ж адресанту необхідна експресія, експресивність у висловлюванні думок, то її можна реалізувати за рахунок синтаксичних повторів і парцельованих конструкцій. Вони використовуються для акцентування уваги реципієнта на важливих смыслових моментах. Складний синтаксис може дезорієнтувати реципієнта у потоці інформації і зробити його більш піддаливим до сприйняття «необхідної» для адресата думки.

Слід зазначити, що будь-якому тексту медійного дискурсу властива певна схема, яка допомагає створити таку «інформаційну картину світу», яка зумовила б ставлення читачів до того, що відбувається, їх уявлення про життя, сприяла б формуванню політичних, економічних та етичних ідеалів і переконань, а також певних мотивів і стимулів поведінки. Тобто, матеріали інформаційного жанру, організовані за певною макроструктурною схемою, психологічно впливають на людську підсвідомість, направляючи його в те або інше русло [4].

Перспективними напрямами дослідження можуть бути з'ясування залежності вибору адресантом мовних засобів маніпуляції від каналів інформаційного потоку, виявлення універсальних засобів мовної маніпуляції для різних мов, аналіз мовних засобів маніпуляції в діахронічному аспекті, виявлення причин актуалізації одних і маловживаних засобів.

Список використаних джерел:

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. С. Баскова. – Краснодар, 2006. – 162 с.
2. Катенева И. Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Г. Катенева. – Новосибирск, 2010. – 250 с.
3. Косенко О. П. Коментабельні конструкції в сучасній англійській мові: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О. П. Косенко. – Донецьк, 2007. – С. 126–150.
4. Косенко О. П. Структурно-семантические особенности текстов медийного дискурса / О. П. Косенко // Культура народов Причерноморья : научн. журн. – Симферополь: Крым, 2008. – № 142, Т.1. – С. 386–389.
5. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием: пер. с англ. / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.

К.філол.н. Кривуля В.О.

Національна металургійна академія України, м. Дніпропетровськ
**ОСОБЛИВОСТІ ГАЛУЗЕВОГО ПЕРЕКЛАДУ В ПРОСТОРІ
МІЖМОВНОЇ КОМУНІКАЦІЇ НАУКОВОЇ СФЕРИ**

Наука – одна з функціональних сфер, яка має особливе значення в соціальній комунікації, і одна з основних сфер, де реалізується положення англійської та німецької мов в світі. Важлива особливість міжмовної та міжкультурної комунікації у сфері науки пояснюється домінуючим каналом комуні-

кації. Якщо в більшості сфер спілкування будь-яка комунікація здійснюється в основному по усних каналах, то для наукової сфери саме письмовий канал є найважливішим. Тому ми зупиняємося на деяких аспектах галузевого перекладу в просторі міжмовної комунікації значущим способом передачі інформації в науковому співтоваристві.

Кожний галузевий науковий текст загалом і в цілому є описом результату наукового дослідження з властивими йому особливостями. Тому йому притаманні наступні види та форми усної та письмової наукової комунікації: доповідь, лекція, дискусія, монографія, стаття, рецензія, анотація, теза. При аналізі текстів металургійного напряму ми прийшли до наступних висновків:

1. Стратегія поведінки учасників комунікації у сфері науки в міжмовному просторі реалізується за допомогою конкретних мовних вчинків, що є вибираєм оптимальних засобів і способів комунікації. Даний підбір стосується не тільки вибору стилю, але і вибору жанру, композиційної форми тексту.

2. Стратегія соціальної престижності може реалізовуватися на різних рівнях наукового тексту: зокрема, використання автором міжмовних кліше і термінологізованих словосполучень і демонстрація здібності до їх варіювання і диференційованого використання, побудова синтаксичних конструкцій з чіткою паралельною структурою, використання інтернаціональних деменцій та термінів конкретної галузі науки та виробництва.

Особливої уваги вимагає характер повідомлення, та інформація, заради якої здійснюється комунікація. Чинниками, що сприяють міжкультурній комунікації у сфері науки, є наступні: здійснення обміну науковою інформацією по корпоративних каналах професійних співтовариств, обмеження потоку інформації шляхом його класифікації і диференціації за різними темами і проблемами дисциплінарних областей знання, вибір однієї мови (частіше всього англійської або німецької) для спілкування. Чинниками, що перешкоджають міжкультурній комунікації у сфері науки, є такі: відсутність однієї мови спілкування, можливість зберігання і передачі інформації на різних мовах, і, як наслідок, проблема перекладу або ретрансляції інформації на іншій мові. Отже, можна зробити висновок про те, що найважливішими причинами, що ускладнюють комунікативні процеси в науковій сфері, є проблеми лінгвістичні, мовні і мовленнєві.

Проблеми відмінностей в культурах нейтралізуються в даному випадку, оскільки корпоративне наукове середовище складалося впродовж декількох сотень років як інтернаціональне, що і знайшло відображення в мові науки. У багатьох культурах в результаті використання національної мови в науковій сфері склався особливий галузевий функціональний стиль, призначений для експлікації наукової інформації. У багатьох мовах склалися національні терміносистеми, що відображають систему знань з даної дисципліни.

В теперішній час теорія перекладу як самостійна наукова дисципліна, а разом з нею і перекладацька практика, багато в чому трансформуються в ширшу, глобальнішу дисципліну – теорію міжкультурної комунікації. Переклад як особливий вид мовної діяльності є одним з основних і загальноприйнятих засобів міжкультурної комунікації.

Стосовно практики перекладу наукових галузевих текстів поняття еквівалентності є актуальним і спирається, швидше за все, на концепцію Л. К. Латишева, який розглядає специфіку перекладу текстів різних стилів. Ми вважаємо, що терміносистема мови перекладу є принципово неповторною, як і лексична система в цілому. Це пов'язано з наступними причинами:

- терміносистема є частиною лексичної системи національної мови, отже, вона в тій чи іншій мірі відображає його національно-культурну специфіку;
- терміносистема відображає наочно-понятійну область знань в конкретній галузевій області, яка також може відрізнятися в різних культурах;
- терміносистема завжди динамічна, вона постійно змінюється як в системних відносинах між одиницями, так і відносно плану змісту окремої термінологічної одиниці.

Вказані чинники часто призводять до того, що терміни розглядаються як такі, що не мають еквіваленту або частково еквівалентні одиниці.

Поняття без еквівалентності на лексичному рівні розглянуте і описане, її причинами є:

- 1) відсутність предмету або явища в житті народу;
- 2) відсутність тотожного поняття;
- 3) відмінність лексико-стилістичних характеристик.

Стосовно термінології, частіше за все зустрічаються перші дві причини, особливо відсутність тотожного поняття. Із сказаного витікає необхідність порівняльних досліджень терміносистем як в плані семантичного опису їх значень, так і в плані вивчення способів номінації, продуктивних в тій або іншій системах знань, а також необхідність розробки прийомів перекладу без еквівалентних термінів. У перекладацькій практиці часто використовується транслітерація і транскрипція для перекладу безлічі термінологічних одиниць.

Цей прийом перекладу можна розглядати як прийнятний за умови проходження далі ніж роз'яснювальний переклад, тобто дефініціювання даного поняття. При цьому слід згадати про те, що даний спосіб, з одного боку, призводить до інтернаціоналізації термінологічних систем, з іншого боку, наслідком цього прийому може з'явитися необґрунтоване запозичення, яке призводить до зрушень в терміносистемі.

Отже, необхідна розробка конкретних перекладацьких процедур в передачі термінологічних одиниць іншої мови при перекладі галузевих текстів.

Лемеш В.Г.

Горлівська спеціалізована школа № 1

з поглибленим вивченням іноземних мов, Україна

**МЕХАНІЗМИ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРИНЦИПУ УРАХУВАННЯ
МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ ЧИТАЧІВ ПІД ЧАС СТВОРЕННЯ
ГАЗЕТНИХ ТЕКСТІВ**

Погоджуючись з проф. А. Р. Габідулліною [3], ми розуміємо термін «мовна картина світу» як сукупність знань людини, які знайшли своє відображення у мові. Варто зазначити, що дані знання мають певні індивідуальні особливості у кожної конкретної людини, оскільки формуються в процесі пізнання нею навколишнього світу. Разом з тим, пізнаючи світ, людина є частиною певного соціуму, у межах якого протікає її життєдіяльність. Відтак, картини світу представників одного й того ж соціуму мають певний спільний пласт, який, власне, ідентифікує даних людей як соціальну спільність. Сучасна преса характеризується великою різноманітністю, але кожна газета має свою цільову аудиторію, тобто той прошарок суспільства, на який орієнтована інформація, що міститься у тій чи іншій газеті. Виділяючи газетний стиль мови як окремий функціональний стиль, проф. І. Р. Гальперін [4] зазначає, що для газетного стилю мови є характерним співіснування інформативної функції та функції оцінки. Ми вважаємо, що на сучасному етапі розвитку газетного стилю провідною функцією для нього виступає функція формування суспільної точки зору. Однак, журналіст не може прямо висловити у газетному матеріалі власну точку зору, оскільки засоби масової інформації, як правило, претендують на об'єктивність викладу подій. Разом з тим, сучасна преса виконує певне соціальне замовлення: прагне донести до широкого загалу точку зору тієї суспільної сили, інтереси якої вона представляє. Але при цьому, професійна етика вимагає від журналіста відсутності у його статті прямих оцінок суджень. Таким чином, журналісти змушені вдаватися до використання комплексних механізмів маніпулювання процесами сприйняття інформації читачами. З вищезазначеного випливає, що сучасний медійний дискурс являє собою потужний засіб здійснення прагматичного впливу на широкий загал.

Розглянемо деякі засоби здійснення прагматичного впливу, які є характерними для сучасної преси. Безперечно, беручись до написання матеріалу, журналіст враховує основні особливості функціонування перцептивних механізмів психіки людини. Так, проф. О. О. Прокубовський [6] зазначає, що одним з основних елементів сучасної концепції розуміння є власна оцінка реципієнтом отриманої інформації. Для журналіста є істотно важливим те, щоб оцінка, надана читачем предмету повідомлення, відповідала основним пріоритетам редакційної політики видання, яке представляє автор газетного матеріалу. Сучасні засоби масової інформації використовують різноманітні прийоми маніпуляції перцептивними процесами. Пищучи статтю, журналіст, звичайно, виходить з того, що читачеві вже відома певна інформація про предмет повідомлення. На позначення вже відомої реципієнту інформації проф. А. Р. Габідулліна [3] використовує термін «пресуппозиція». Таким чином, для того, щоб

здійснювати маніпулювання суспільною точкою зору журналіст обов'язково повинен активізувати пресуппозиції своєї цільової аудиторії. Вже зазначалось, що засоби масової інформації прагнуть до того, щоб залишатися зовнішньо об'єктивними, аби створити у своїх читачів ілюзію того, що останні самостійно зробили усі висновки і оцінки стосовно предмета повідомлення. Вищезазначений факт обумовлює комплексну структуру сучасних текстів мас-медіа. Проф. Н. Е. Алова [1] виокремлює два плани змісту газетного повідомлення, а саме: денотативний план та образний план. У денотативному плані змісту газетного повідомлення міститься безпосередньо фактуальна інформація. Образний план тексту включає стилістичні прийоми та експресивні засоби тексту, які імпліцитно виражають ставлення журналіста до предмета повідомлення. Відтак, ми робимо висновок про те, що саме правильна, з точки зору редакційної політики періодичного видання, побудова образного плану змісту газетного повідомлення виступає однією з найістотніших передумов того, що переважна більшість читацької аудиторії зайде вигідну для журналіста позицію стосовно предмета газетного повідомлення. Нерідко, під час побудови образного плану змісту газетного повідомлення журналіст вдається до вербализації фонових знань читачів. Погоджуючись з проф. А. Р. Габідулліною [3], ми визначаємо фонові знання як такі, що безпосередньо пов'язані з культурою певного соціуму. Проф. О. Б. Зайцев [5] виокремлює два види вербальних репрезентацій фонових знань у текстах газетних повідомлень, а саме: автологічні та металогічні. Автологічні репрезентації фонових знань пов'язані з певними ментальними уявленнями людей, металогічні репрезентації фонових знань являють собою аллюзії на певний текст, який вже відомий представникам даного соціуму. Погоджуючись з проф. А. Р. Габідулліною [3], ми використовуємо на позначення даного типу текстів термін «прецедентний текст». У той же час, проф. Воронов В. В. [2] зазначає, що будь-який компонент тексту газетного повідомлення може виступати у якості засобу реалізації його прагматичної установки. Сучасні медійні тексти являють собою гетерогенні утворення, до складу яких входять не лише вербальні, а й невербальні елементи, а саме: фотографії, малюнки, колажі, і т.п. На нашу думку, невербальні елементи також слугують одним з провідних засобів реалізації прагматичної установки тексту. Причому, вербальні та невербальні компоненти тексту можуть корелювати один з одним, або навпаки невербальний елемент тексту газетного повідомлення може містити інформацію, яка відсутня у вербальному компоненті.

Таким чином, формуючи суспільну точку зору, журналісти активно використовують елементи мовної картини світу читачів з метою реалізації прагматичної установки власних газетних матеріалів.

Список використаних джерел:

1. Алова Н. Э. Динамический аспект образности газетного текста : автореф. дисс. на соискание научн. степени канд. филол. наук / Н. Э. Алова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1989. – 22 с.

2. Воронов В. В. Прагматический аспект текста англоязычной публицистической журнальной статьи: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук / В. В. Воронов. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 1991. – 29 с.
3. Габідулліна А. Р. Основи теорії мовленнєвої комунікації : навч. посіб. для вузів / А. Р. Габідулліна, М. В. Жарикова. – 2-е вид., перероб. і допов. – Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2005. – 282 с.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка : учебник. – 3-е изд. / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1981. – С. 295–307.
5. Зайцев А. Б. Приёмы вербализации фоновых знаний (на материале англоязычной прессы): автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук / А. Б. Зайцев. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. – 29 с.
6. Прокубовский А. А. Понимание и его лексические инструменты / А. А. Прокубовский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2008. – № 6. – С. 111–121.

К.філол.н. Лисейко Л.В.

*Чорноморський державний університет імені Петра Могили,
м. Миколаїв, Україна*

**РОЗВИТОК МІСТИЧНОЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА
ЇЇ ВПЛИВ НА СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКУ МОВУ**

На шляху до змістового, мовного удосконалення та одухотворення німецької мови у пізньому середньовіччі був зроблений визначальний крок у літературі в галузі містичної літератури, який став для середньоверхньонімецької мови продуктивнішим, суттєвішим, чим наслідки лицарської німецької. Багато представниць і представників цього напрямку походили з дворянства, брали від мовного мистецтва духовно-душевний лексикон придворних поетів для своєї споглядальної боротьби з німецькою мовою. Це було новим застосуванням німецької мови в тематиці, за яку раніше відповідала латина. Вона мала певні аристократичні, антиклерикальні риси і була споріднена з мовносоціологічною емансипацією придворних поетів. У господніх переживаннях німецьких містиків прослідковувалися метафоричні уявлення про придворне життя і мінезанг. Містичне відділення душі для єднання з Богом у творах *Метхільди фон Магдебург* – це *hovereise* – ‘подорож до двору’, *Господь* – *hohe fürste* – ‘високий князь’, що перебуває на небесному дворі – ‘auf himelischem hof’, *ze hove dienet* – ‘при дворі служити’, *hovesprâche spricht* – ‘розвовляє придворною мовою’ [2]. Душа була для авторки *minnesiech* – ‘кохана’, *minnewunt* – ‘любовна рана’, вона стала *brût* – ‘сухою’, тому що за *getahel triutet* – ‘сумує за суженим’. Це були тільки зовнішні стилістичні складові ранньої містики, яка пізніше розвивалися у більш бюргерському напрямку. Власне внесок представників містичного напрямку для німецької мови полягав у серйозних, непримирених дискусіях з приводу проблеми, що мала назву «неказане» – ‘*Unsagbares*’. Все, що було до цього сказане, написане і термінологічно доведено латиною не задовольняло більше мовні кола з питання сприйняття та усвідомлення Бога. Те, що з’являлось невисказаним і безсловесним треба було вербалізувати за допомогою перефразування, причому рідною мовою. Містики робили багато спроб зробити зрозумілими свої думки та внутрішні переживання. Результатом цих намагань стало збагачен-

ня німецької мови великою кількістю нових слів і зворотів, які стали вживаними у філософії та психології і збереглися до наших часів [1]. Особливо характерними для містиків є абстрактні новоутворення з суфіксами *-heit*, *-keit* і *-lich*: *unwissenheit* – ‘незнання’, *geistekheit* – ‘духовність’, *wesentlich* – ‘сутьєвий’, *bildelich* – ‘освітній’. Пізнавальне, переживаюче ставлення людей до Бога було основною проблемою містики. Божественність проникає в людину, «вливається» в неї, світить їй. Людина, навпаки, повинна відвернутися від світу, зупинитися, пустити Бога в себе і в кінці кінців прийняти його форму. Внаслідок цих процесів з’явилися слова, що вводять у світ думок містиків та входили спочатку в коло уявлень містиків, а саме: *Eindruck* – ‘вплив’, *Einkehr* – ‘вхід’, *gelassen* – ‘спокійний’, *einförmig* – ‘одноформний’, *gleichförmig* – ‘однакової форми’, які лише з розвитком мови набули теперішнього абстрактного значення. До цієї групи лексем входить сьогодні часто вживане слово *bloß* – ‘тільки’, яке безсумнівно є відгалуженням містичного прикметника *bloß* у значенні *nackt* – ‘голий’, *unbekleidet* – ‘неодягнений’. Справа в тому, що бажання бачити Божество неодягненим має місце у писемних творах містиків [5].

У містиків зустрічаються досить сміливі субстантивовані новоутворення, які, на перший погляд, можна вважати типовими для сучасної філософії *selbseheit* – ‘Selbstheit’, *ichheit* – ‘Ichheit’, *dînesheit* – ‘Deinheit’, *nihheit* – ‘Nichtheit’, *geschaffenheit* – ‘Geschaffenheit’, *gewordenheit* – ‘Gewordenheit’, *genantheit* – ‘Genanntheit’, *daz niht* – ‘das Nichts’, *daz wô* – ‘das Wo’, *daz al* – ‘das All’ [6].

На трьох останніх прикладах видно, що містики використовували один з нових засобів словотворення аналітичної побудови мови. Вони не тільки субстантивували лексеми за допомогою додавання суфіксів *-heit* і *-keit*, а й просто застосовували ролі членів речення, які зазвичай недоступні для синтаксичного класу лексеми, якої це стосується, тобто конверсія у сенсі вчення про словотворення. Подібним способом містиками передусім вживается субстантивований інфінітив, який мовні критики вважають явищем сучасної субстантивації: *daz wesen* – ‘існома’, *daz sîn* – ‘буття’, *daz tuon* – ‘діло’, *daz hæren* – ‘слушання’, *daz anehaften* – ‘приставання’, *daz minnen* – ‘кохання’, знаковим є також те, що часто вживалися ці лексеми з неозначенім артиклем *ein*. Навіть філософське речення-інфінітив *das An-und-für-sich-Sein* – ‘буття саме по собі’ почало писатися без дефісу, частково в постпозиції після групи доповнення: *ein aller ding vergessen* – ‘забути одну з усіх речей’, *ein sîn selbs vermissen* – ‘самому собі не вистачати’, *ein wol wärnem des menschen inwendigkeit* – ‘сприйняття людської внутрішньої сутності’ [3]. Такі абстрактні словотворчі поєднання не виникали як модна мова завдяки вільно-думству окремих осіб, а спонтано з потреб вищого мислення та уявлення про мову. З цієї точки зору абстрактна лексика – це не лексика з абстрактною семантикою, що перенесена з конкретного поняття на духовно-душевне, а зумовлений контекстом допоміжний засіб до нового сприйняття вже сказаного або припустимого в ролі іншого члена речення в новому речені. Абстрагування у цьому процесі носить формально-граматичний характер [7]. Приклад мови представників містичного напрямку належав іменниковому стилю в мові духовного життя, особливо у проповідній літературі. Тому дискусійним за-

лишається питання, чи була мова містиків свого роду підготовкою сучасної німецької наукової мови. Як вже було сказано, відрізок часу з XII до XV століття вважався віком містики.

У релігійній сфері характеризується той час перш за все двома великими напрямками: схоластикою і містикою. Цьому явищу можна дати означення спроби знайти Бога науковим способом за допомогою логічних понять Арістотеля. Містика сповідувала чуттєве сприйняття та розуміння Бога. Ці обидва напрямки складно було чітко відділити одне від одного. Схоластика базувалася більше на почуттях, а містика намагалася своєрідно все систематизувати. Проста різниця полягала у тому, що лексема ‘схоластика’ була в латинській мові, а містика в німецькій – більше не підтверджується, з того часу, як знайдений переклад «*Summa Theologiae* Томаса фон Аквіна. В давніх уявленнях навпаки можна було прочитати, що містики навіть створили свій власний лексикон, що зробити доступним більш зрозумілим нелогічний процес людського розуміння Бога та єднання з ним («*unio mystica*»).

У зв’язку з цим у німецьку мову ввійшли слова *Einfluss* – ‘вплив’, *einfließen* – ‘впливати’, *Einfließen des Geistes Gottes* – ‘вплив духу Божого’, *Anschauung* – ‘світогляд’, *wesentlich* – ‘суттєвий’, *Wesenheit* – ‘сутність’, *Begriff* – ‘поняття’, *begreifen* – ‘розуміти’ та інші абстрактні утворення на – *keit, -heit, -ung* [5]. Хоча існують думки, всі поняття, які були у вжитку в німецькомовній схоластиці, містики просто перейняли. Особливо чітко прослідковується це на прикладі *Метхільди фон Магдебург*. Частину своїх видінь вона пише сама, іншу частину їй надиктовує духовний наставник. Так як *фон Магдебург* не мала теологічної освіти, то мовну форму слід приписати саме йому. До основних представників німецької містики належать окрім *Метхільди фон Магдебург* (1210–1282), *Майстер Екхардт* (1295–1366), *Йоганес Таулер* (1300–1361). *Майстер Екхардт* постійно наголошував про неспроможність слів описати містичні процеси. Найчастіше передавався особистий досвід власною рідною мовою. Той, хто не володів таким досвідом, не міг це зробити просто вербально [4].

Таким чином, виник лексичний філософський склад, який відрізнявся оригінальністю та глибоким змістом, але при цьому зберіг ясність і точність давньоверхньонімецького періоду щодо створення термінології. Безумовно, що частина лексики залишилася нечіткою та зберегла елементи чуттєвості при представленні ірраціональних моментів, але це не стало на заваді при досягненні мети не тільки схоластичних, а й гуманістичних вчень.

Список використаних джерел:

1. Brinker-v. der Heyden, Claudia die literarische Welt des Mittelalters / C. Brinker-v. der Heyden. – Darmstadt, 2007. – S. 191.
2. Die dt. Literatur Mittelalter I.B.1, Philipp Reclam jung. Stuttgart, 1976. – S. 343.
3. Dhondt, Jan Das frühe Mittelalter B.10. / J. Dhondt. – Frankfurt/M., 1990. – S. 397.
4. Dhondt, Jan Das Hochmittelalter B.11. / J. Dhondt. – Frankfurt/M., 1991. – S. 349.
5. Pretzel Ulrich Mittelhochdeutsche Bedeutungskunde / U. Pretzel. – Heidelberg, 2002. – S. 296.
6. Polenz Peter Geschichte der deutschen Sprache / P. Polenz. – Walter de Gruyter. – Berlin, 2009. – S. 224.
7. Siebenhaar, Klaus über Geschichte der Literatur B.2 / K. Siebenhaar. – Frankfurt-M., 2008. – S. 562.

Минзак О.В.

Чернівецький національний університет імені Юрія Федъковича, Україна
МОНОАНТОНІМІЧНІСТЬ ЯК ВИМОГА ДО ТЕРМІНА

Починаючи з 50-их років попереднього століття, увагу вчених стала привертати фахова термінологія. Саме тоді основоположники теоретичного та практичного термінознавства Е. Вюстер та Д. С. Лотте [2] запропонували основні вимоги до терміна: системність, відсутність синонімів, короткість, милозвучність, прозорість внутрішньої форми, стилістична нейтральність, відповідність нормам мови. В подальших термінологічних розробках основна увага зосереджується на синонімії, яка є небажаною в термінології, оскільки може заважати науковій комунікації. Що стосується антонімії в основних термінологічних працях, то її теоретичне обґрунтування обмежується лише коротким визначенням та класифікацією, а це недопустимо, оскільки антонімія властива лексиці науки не менше, а можливо й більше, ніж загальнозвіданій [1, с. 79]. Наукові поняття можуть «народжуватись» парами, антоніми ж виступають мовним засобом вираження цих зв'язків. На нашу думку, антоніми можуть сприяти впорядкуванню та систематизації термінології: антонімія як таксономічний елемент, оснований на бінарному принципу сегментації фахового семантичного простору, вносить свій елемент системності у спеціальну лексику. Незважаючи на таку значимість даної лексико-семантичної категорії, вона не знайшла своє відображення у вимогах до терміна.

В ідеалі термін повинен бути однозначним, не мати синонімів та бути моноантонімічним, тобто мати лише один антонім. Проведений нами аналіз на предмет кількості антонімів в англійській юридичній термінології продемонстрував, що дана вимога не завжди виконується. На основі термінологічних (*Merriam-Webster's Dictionary of Law*, *Law Dictionary* <http://dictionary.law.com>, *Bloomsbury Dictionary of Law*, *Oxford Dictionary of Law*) та антонімічних словників (*The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms*; *Scholastic Dictionary of Synonyms, Antonyms and Homonyms*; *Dictionary of Antonyms* <http://www.synonym.com/antonym/>; *Словарь антонимов современного английского языка*) була підрахована кількість антонімів для 200 англійських юридичних термінів (детально про методику виокремлення в [4]).

Аналіз продемонстрував, що лише 85 (42 %) термінів є моноантонімічними, решта ж (115 термінів) поліантонімічними – мають більше одного антоніма, при цьому було зафіксовано, що термін *legitimate* може мати 11 антонімів: *illegitimate, unlawful, wrongful, irregular, illegal, unfair, wrong, lawless, impermissible, illicit, bastardly*, що може пояснюватись високим ступенем полісемії досліджуваної одиниці (4 значення). Поліантонімічність у термінології, так само, як і полісемія, може перешкоджати фаховій комунікації, а у нашому випадку з юридичною лексикою буде сприяти невірному трактуванню

правничих текстів. Зрозуміло, що існують семантичні обмеження й не кожне слово може мати антонім, приміром такі юридичні терміни як *innuendo*, *invasion*, *lease*, *patent*, *to provoke* та ін. не мають антоніма, хоча ми не виключаємо їхнього контекстуального протиставлення.

Таблиця 1. Моно- та поліантонімічності термінологічних одиниць

№	Показник моно- та поліантонімічності	Кількість
1	1	85
2	2 – 5	103
3	6 – 10	11
4	11 – 20	1
Всього		200

Вдало підібраний антонім до певного терміна доповнює його, створюючи одне діалектичне ціле, що здатне сегментувати семантичний простір, займаючи при цьому його краї. В такий спосіб протиставлення *public* – *private* описує вид власності чи управління в правовій сфері. Бажано, щоб виокремлена опозиція також слугувала для вираження складніших фахових понять, тобто володіла певним словотвірним потенціалом для утворення антонімічних терміносочленень [3]. Для прикладу, вищепередана пара здатна продукувати ряд складних термінів: *public bill* – *private bill*, *public carrier* – *private carrier*, *public nuisance* – *private nuisance*, *public property* – *private property*, *public offering* – *private offering* та ін.

Зважаючи на вищесказане, ми вважаємо, що моноантонімічність повинна зайняти своє місце серед вимог до терміна, а при лінгвістичному опису певної терміносистеми повинен бути здійснений комплексний аналіз антонімії.

Список використаних джерел:

1. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
2. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 158 с.
3. Минзак О. В. Афіксальні антонімічні терміносочленення (на матеріалі англійської юридичної термінології) / О. В. Минзак // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Острог: Видавництво національного університету «Острозька академія». – 2011. – Вип. 20. – С. 251–258.
4. Минзак О. В. Методика виокремлення термінів-antonіmів (на матеріалі англійської юридичної термінології) / О. В. Минзак // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Мовознавство. – 2011. – № 6. – Ч. 2. – С. 177–181.

К.филол.н. Самарин А.В., Махнева М.В., Жежерина М.В.
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Старооскольский филиал
ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ
В АНГЛИЙСКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной нормы носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д.

Понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки [1]. В настоящей статье мы рассматриваем примеры, метафор-зоонимов в английской наивной картине мира. Развитие многозначности зоонимов осуществляется путём переноса значения, названия. Исторически вторичные значения являются переносными, часто иfigуральными, но многие из них в настоящее время уже не осознаются в своих исходных качествах. Семантическое своеобразие этих сращений состоит в том, что в них всегда доминирует зоосемический компонент, выделяясь за счет противопоставления репрезентативного иfigурального значений. Например, в зоонимах: *let sleeping dog lie – не буди лиxo, пока оно тихо* [2]. *Sleeping dog* в английском языке выступает в значении неприятная тайна, то, чего следует опасаться. В данном случае денотативное значение остаётся без изменений, в то время, как образность меняется в зависимости от того, какие ассоциации вызывает то или иное животное у носителя языка. Этот же образ скрытой угрозы находит выражение в ФЕ: *Beware of a silent dog & still water; Dumb dogs are dangerous – В тихом омуте черти водятся* [2].

В английском языке латентная угроза ассоциируется со спящей собакой, а в русском – с нечистой силой, что восходит к народному фольклору, по-разному отражающему картину мира. Полное совпадение зоонима в двух языках согласуется с вошедшей в поговорку вечной враждой между кошками и собаками: *agree like cats & dogs – жить как кошка с собакой* [2].

Английское *dog* представляет специализацию и сужение значения (др.-англ. *dogga*) означало определённую породу собак и характерное действие с ней – охоту. Хотя сейчас привычнее слово *hound*, как в пословице,

которая представляет собой пример развития значения, логизации мотива. Первоначально эта пословица была в употреблении в арго охотников, а затем, вследствие расширения образного значения, приобрела более абстрактный смысл: *run with the hare & hunt with the hounds* – служить двум богам [2].

Во фразеологизме *sleep like a log* — спать как убитый [2] зоосемический компонент dog в контексте человекозначающей метафоры отражает характерный для собак чуткий сон. Аналогов этой ассоциации не наблюдается ни в испанском, ни в русском языках, т.к. категория образности не лингвистическая, а логико-психологическая, поэтому составляющие её частные элементы не всегда находят адекватное выражение в разных языках. Если в семантическую систему зоонима входят как исторические, так иfigуральные переносы значения, то совпадение образов в двух языках означает единый архетип мышления, например: *die like a dog* – подохнуть как собака [2]. Характерно, что из общего абстрактного смысла зоонимов вытекает пейоративность переносного значения. Это приводит к факту, что вообще многие зоосемизмы как человекозначающие метафоры имеют негативную окраску: *look like a starved cat* – драная кошка [2]. В данном случае кошка несёт значение злой женщины. Этот образ является общим для двух языков, т.к. он логичен и основан на реальных ассоциациях, т.к. ведьмы в фольклоре часто выступают в образе черной кошки. Значение егоfigурально постольку, поскольку преобладает эмотивная функция. Также на реальных ассоциациях возник в английском языке зооним, обозначающий уныние: *as melancholy as a cat* – впасть в уныние [2]. Не представляет труда объяснить связь между этими явлениями. Кошка ассоциируется со спокойствием и склонностью к уединению. Человек же стремится к уединению, когда он впадает в уныние. Некоторые зоонимы были созданы писателями. Например, у Л. Кэрролла в сказке «Алиса в Стране Чудес» Чeshireский Кот произносит фразу: *a cat may look at a king* – смотреть ни на кого не возбраняется. Вообще, в английском языке подавляющее большинство зоонимов связано с образами таких животных, как собака и кошка.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что картина мира, формирующаяся в мозгу человека, недоступна прямому наблюдению. В нее можно проникнуть только через язык и его речевые реализации. Именно язык является «окном» в сознание человека.

Список использованных источников:

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
2. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Около 20 тыс. фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.

К.филол.н. Самарин А.В., Анненкова А.О., Бредихина К.С.

*ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Старооскольский филиал,
Российская Федерация*

ОБЪЕДИНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ КАК ФРАГМЕНТЫ АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Термин «картина мира» зародился в недрах естественно-научных дисциплин, однако сегодня он, пожалуй, чаще всего употребляется в исследованиях гуманитарного профиля. В философском энциклопедическом словаре [2, с. 201] картина мира трактуется как «совокупность знаний о мире».

Опираясь на разработки ученых Московской семантической школы, подчеркнем, что научная и языковая картины мира – принципиально отличные друг от друга построения. Если научная картина мира отражает точное, логическое, можно сказать, коллективное, лишенное индивидуальности, знание о мире, то языковая картина мира отражает именно то самое целостное представление о мире, включающее и наивное первичное знание, и логическое осмысление мира, и знания, не поддающиеся логическому объяснению, и явные заблуждения. Для того, чтобы сравнить логическую организацию любого фрагмента научной и языковой картин мира, требуется сделать две вещи: первое – ознакомиться с научной систематикой выбранной области знания и постараться изобразить ее компактно, чтобы получить именно «картину» этого сегмента глобальной научной картины мира; второе – самостоятельно «построить» наивную, языковую систематику этого же сегмента, но уже в рамках языковой картины мира.

Признание связи между этими двумя системами предполагает установление и описание реальных корреляций, как в области плана содержания, так и в области плана выражения. Для того, чтобы сравнить логическую организацию любого фрагмента научной и языковой картин мира, требуется сделать две вещи: первое – ознакомиться с научной систематикой выбранной области знания и постараться изобразить ее компактно, чтобы получить именно «картину» этого сегмента глобальной научной картины мира; второе – самостоятельно «построить» наивную, языковую систематику этого же сегмента, но уже в рамках языковой картины мира.

Проведя научную и языковую энтомологические таксономии (категоризации), О. А. Корнилов отмечает, что «одни и те же слова, функционирующие в обоих функциональных стилях, асимметричны с точки зрения занимаемого в каждой из классификаций положения» [1, с. 34].

Заметим, что языковая категоризация как бы «игнорирует» все более полное научное знание и выбирает из него лишь то, что ей нужно для воспроизведения в коллективном наивном сознании носителей языка обиходного, приблизительного представления о той или иной части окружающего мира.

Настоящая статья рассматривает категоризацию объектов, поименованных английскими собирательными существительными. По словарю Е. С. Бруэ-

ра «The Dictionary of Phrase and Fable» номинативные словосочетания данного типа объединяются под рубрикой *Numbers* в значении «множества тех или иных однородных предметов» [4].

В нашем исследовании собирательные существительные подразделяются на три группы: К первой выделяемой нами группе относятся имена совокупностей, обозначающие множество одушевленных объектов, когда отмеченный выше принцип выбора собирательных существительных проявляется в наиболее отчетливом виде.

В современном английском языке есть собирательные существительные, семантика которых продиктована характером объектов окружающей действительности или отношениями между ними.

В словарях *The Dictionary of Phrase and Fable* и *Abbyy Lingvo* указывается, что совокупность птиц, а изредка и млекопитающих небольшого размера (*chickens, ducks, geese, pigeons, turkeys, swifts, sheep*) обозначается существительным *flock*. Для названия особей крупного рогатого скота используется лексема *herd*. Животные, собранные для перегона, объединяются именем *drove*. Скот (обычно овцы), загнанный в загон, обозначается существительным *fold* [3; 4].

Далее словари приводят список собирательных имен, сочетаемостные возможности которых довольно ограничены: стая перепелов — *a bevy of quail*, стая куропаток — *a covey of partridges*, стадо гусей — *a gaggle of geese*, стая грачей — *a building of rooks*, стайка черепах — *a bale of turtles*, стадо лосей — *a gang of elk*, косяк китов — *a gam of whales*, свора собак или волков — *a pack of dogs or wolves*, стая львов — *a pride of lions*, рой пчел — *hive of bees* и т.д. [3; 4].

В третью группу собирательных существительных включаются лексемы, в плане содержания которых реализуется схема, «считывающая» *цель и способ организации объектов живой природы и людей или самоорганизация объектов живой природы и людей с какой-либо целью в рамках определенной совокупности*, в отличие от первой группы, где была важна природа элементов. Каждую «схему», диктующую определенный способ организации элементов в совокупность, можно также считать прототипом, по образу и подобию которого любые совокупности, имеющие данный способ организации, могут подводиться под соответствующие рубрики.

Анализируя существительные под перечисленными выше рубриками, можно прийти к важному, на наш взгляд, выводу. С одной стороны, категория собирательности — это категория с нечеткими, размытыми краями. С другой — разум человека стремится к тому, чтобы с помощью дискретных языковых знаков «схватить» особенности той или иной совокупности, поименовать ее отдельным словом, и, следовательно, сделать абстрактное конкретным.

Список использованных источников:

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : Книжный дом «ЧеРо», 2003. – 349 с.

2. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
3. ABBYY Lingvo 12. Английская версия [Электронный ресурс]. – М., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Brewer E. C. The Dictionary of Phrase and Fable / E. C. Brewer. – N.-Y.: Galley Press, 2000. – 1324 p.

К.филол.н. Сироткина Т.А.

*Сургутский государственный педагогический университет,
Российская Федерация*

ЭТНОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И КОНСТИТУЕНТЫ

Изучать некоторую систему терминов логично, считают лингвисты, представив ее в виде терминологического поля [2]. Современные авторы определяют терминополе как «систему научно-технических значений-понятий, организованную по парадигматическому принципу в виде семантической сети» [5], как «унифицированную по системному основанию классификационную структуру, объединяющую термины одной профессиональной деятельности» [4].

Исследование различных терминополей позволяет лингвистам решить вопросы, связанные с когнитивными механизмами сознания. Так, например, Е. Н. Ардаматская рассматривает реализацию таких механизмов в структуре терминологического поля английских морских акронимов [1].

Названия народов, функционирующие в научных текстах, также образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Однако вопросы конструирования этненимического поля в современной науке остаются открытыми. Мы обратимся к ним при описании этненимии пермского научного дискурса.

Идея построения семантического поля этненимии не является новой. Так, О. М. Младенова в своих исследованиях обращается к термину «этненимическое поле» в связи с описанием моделей национального сознания. Она отмечает, что в пределах поля этненимы связаны отношениями деривации со следующими классами слов:

- 1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (Русь > русский);
- 2) отвлечеными существительными, обозначающими признаки и свойства (еврей > еврейство, русский > русскость, цыган > цыганщина);
- 3) прилагательными (американец > американский, калмык > калмыковатый);
- 4) наречиями способа действия (француз > по-французски);
- 5) глаголами (русский > обрусьеть)» [3].

На наш взгляд, этненимическое поле представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общим семантическим компонентом – «этнический».

Поле включает иерархически неравноправные компоненты: помимо соб-

ственno этнонимов, образующих ядро, в него входят яготеющие к ядру конституенты, например, отэтнонимные прилагательные, а также такие периферийные единицы, как этнотопонимы, этноантропонимы и т.д.

Ядро поля образуют собственно этнонимы (коми-пермяки, русские, татары): «Известны примеры, когда русские крестьяне селились не на окраине ойкумены коми-пермяков, а в местах их компактного проживания»; «В 1989 году *русских* в Пермской области насчитывается 83,9%» [6]; «Нерусское население края в 1926 г. составляло 74010 человек (12,6%). Число *tatar* выросло до 21130 (5,3%)...» [7].

Периферию поля составляют образования с некомплектным набором признаков и наличием признаков других полей. Так, признак «название представителей определенного этноса», являющийся доминантным у ядерных конституентов этнонимического поля, становится рецессивным у периферийных единиц, в полной мере обладающих признаками, например, антропонимического («наименование человека») или топонимического («название местности») полей.

Поле, как известно, обладает атракцией, т.е. свойством втягивать в свою орбиту новые элементы. Это явление мы можем наблюдать и на примере этнонимикона научного дискурса. Появление в крае представителей определенных национальностей заставляет ученых исследовать их и включает соответствующий этноним в этнонимическое поле научных текстов: «Только в 1979 году *цыгане* кэлдэрарского табора рода рувони избрали Пермь для постоянного места жительства» [8].

Общий корпус этнонимов, функционирующих в научных текстах пермских ученых, представляет собой этнонимическое поле, которое включает несколько группировок, объединяющих конституенты, обладающие определенными существенными признаками:

1. Ядро поля, собственно этнонимы в форме множественного числа (коми-пермяки, русские, татары).
2. Этнонимы в форме мужского рода единственного числа, обозначающие представителей определенного этноса (коми-пермяк, русский, татарин).
3. Этнонимы в форме женского рода единственного числа, обозначающие представительниц определенных этносов (коми-пермячка, русская, татарка).
4. Прилагательные, образованные от этнооснов и обозначающие принадлежность объекта или явления к той или иной национальной культуре (коми-пермяцкий, русский, татарский).
5. Ксенонимы, образованные от соответствующих этнонимов (башкирки — порода лошадей).
6. Антропонимы, образованные от этнооснов — имена, прозвища, фамилии (Русин, Татарин, Пермяк, Русинов, Татаринов, Пермяков).
7. Топонимы, имеющие в основе этноним (Русиново, Татариново, Пермяково).
8. Эргонимы («Общественный центр белорусов Пермского края»).
9. Библионимы — названия книг («Татары и башкиры Перми»).
10. Гемеронимы — названия СМИ (журнал «Русский еврей»).

Таким образом, рассмотренное нами этнонимическое поле моделирует некий этнический фрагмент научной картины мира. Оно состоит из ядерных и периферийных конституентов, в разной степени наделенных основных признаком данного поля – «название представителей определенного этноса».

Список использованных источников:

1. Ардаматская Е. Н. Реализация когнитивных механизмов в структуре терминологического поля английских морских акронимов / Е. Н. Ардаматская // Когнитивная парадигма сознания в современной лингвистике: мат-лы Междунар. науч. конф. – Майкоп: АГУ, 2011. – С. 14–17.
2. Лату М. Н. Терминолоагическое поле «военная история» / М. Н. Лату // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь, 2002. – С. 89–91. – 89 с.
3. Младенова О. М. Этнонимия и национальное самосознание / О. М. Младенова // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 65–89. – 71 с.
4. Морозова Л. А. Терминоведение: основы и методы / А. А. Морозова. – М. : Прометей, 2004. – С. 92.
5. Термин – терминополе – терминосистема / Р. Г. Пиотровский, Х. Арзикулов, Е. М. Леонова, А. Н. Попеску, М. С. Хапсинская // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1978. – Т. 6. – С. 5–9.
6. Чагин Г. Н. Зюздинские коми-пермяки; Народы Прикамья; Русские; Сылвенские марийцы; Оханские коми-пермяки / Г. Н. Чагин // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. – Пермь, 1994. – Вып. 1. – С. 37.
7. Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века / А. В. Черных. – Пермь, 2002. – С. 73. – 260 с.
8. Черных А. В. Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв. / А. В. Черных // Этнический мир Прикамья. – Пермь, 2003. – С. 7–13.

Шевандіна Л.С.

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, Україна

ЕМОЦІЙНА ОБУМОВЛЕНІСТЬ ОСОБЛИВОСТЕЙ СИНТАКСИЧНИХ СТРУКТУР НІМЕЦЬКОГО РОЗМОВНОГО МОВЛЕННЯ

Сучасний етап лінгвістичної науки характеризується гуманізацією мовних досліджень, тобто зверненням до вивчення впливу людини, мовця, на продукування мовленнєвих творів, що визначається в термінах комунікативної діяльності мовної особистості. Найбільш яскраво це проявляється у розмовному мовленні, яке визначається як специфічний різновид мови, що використовується в умовах невимушшеного, спонтанного спілкування й супроводжується емоційною реакцією на висловлювання співрозмовника. Сучасні мовознавці виходять з того, що мова у своїй комунікативній функції є засобом не тільки для обміну думками, а й для вираження емоцій. Тобто, основними чинниками, які визначають мовну організацію мовленнєвих висловлювань, є функції мови, що реалізуються в розмовному мовленні. Передусім це контакт-становлююча та емотивна функції. Тому доцільно було б розглянути вплив цих мовних функцій на синтаксичну організацію висловлювань у німецькому розмовному мовленні.

Відомо, що у мовах існують типізовані структури, у яких емоційне значення переважає над іншими й виступає як компонент значення речення, реалізуючи певні емоції. Структурні показники емоційного значення у речення є словоположення й бездієслівність. Емоційне значення виражається особливо чітко, коли змінюється позиція фікованих компонентів речення. Під впливом емоцій мовець висуває на перше місце те, що для нього найбільш важливо, що виражається в термінах «домінуючий елемент» або «психологічний підмет». Слова розташовуються у послідовності формування думки, її функція порядку слів у розмовному мовленні є скоріше психологічною, ніж граматичною. Психологічним підметом може бути фактично будь-який член речення або його частина, будь-яка частина мови. Так, місце емоційно домінуючого елементу можуть займати прийменники, прислівники, сполучники, різні види обставин й додатків, а також частина присудка. Насамперед, це виражається у наявності інвертованих конструкцій, які характерні для німецького розмовного мовлення:

- 1) інверсія прислівника: «Bald komme ich».
- 2) Інверсія може бути повною або частковою. При повній інверсії конструкція має більш інтенсивне емоційне забарвлення;
- 3) інверсія додатку: «Der Mutter gebe ich»;
- 4) інверсія обставини місця: «An der Hochschule studiere ich»;
- 5) інверсія обставини образу дії: «Plötzlich kommt er»;
- 6) інверсія частини присудку: «Gar nicht geschielt habe ich». Найбільш численну групу цього виду інверсій складають конструкції, де присудок має предикатив, виражений іменником або прикметником: «Lehrer ist er geworden», «Gut ist das». Речення, які починаються з предикативу, характеризуються лінгвістами як такі, що мають яскраво виражене емоційне забарвлення. Основна їх функція – емоційно-оцінна;
- 7) інверсія займенника: «Meiner ist nass geworden»;
- 8) інверсія прикметника: «Die Besseren nennen sich Mobster»;
- 9) субстантивні означення: «Kurt gab beiden die Hand. Hedwigs war ganz kalt»;
- 10) препозиція присудку: «Ist ja auch kein Wunder!»;
- 11) препозиція сполучника: «Sondern dich kennt er».

За думкою В. Г. Адмоні, «выражение качественно различных чувств получает, как правило, чисто лексическое выражение, а грамматическими средствами выражаются именно различия в силе эмоциональности... Наиболее резкие отклонения от привычной нормы порядка слов как раз служат средством для четкого выражения значительного эмоционального содержания предложения» [1]. Виходячи з вищесказаного, можна вважати, що найбільшої інтенсивності вираження емоційності досягається у конструкціях з повною інверсією всіх членів речення: «Der große Freund von mir ist Karl». Вчені пояснюють виникнення інвертованих конструкцій тим, що людина у розмові наче «випадає» передусім свою реакцію на події, не замислюючись про те, що її співрозмовник може не знати, про що йде мова.

В залежності від морфологічного вираження першого і другого елементів розрізняють декілька різновидів бездієслівних конструкцій. Першу групу

складають ад'ективні речення, де перший елемент виражається прикметником: «*Ganz neu und so verschmutzt!*». Другий різновид – субстантивні речення: «*Nur das Schweigen statt der Antwort!*». Третій тип бездієслівних конструкцій представляє собою модель, у якій головний член виражається прислівником: «*Herein mit ihm!*». Можливі також бездієслівних конструкцій з питальними словами, але які не виражають питальності, а підсилюють емоційне значення: «*Wie schön!*» або фразеологічні емоційні конструкції з *und ob*: «*Und ob, noch du!*»

Дослідники підkreślують, що емоційність є невід'ємною якістю бездієслівних речень, бо констатація назви пов'язана з виявленням почуттів мовця, його переживань.

Отже, інверсія та бездієслівність речень є яскравою ознакою емоційності синтаксичних структур розмовного мовлення, зокрема, німецького розмовного мовлення.

Список використаних джерел:

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л., 1973. – С. 15.

ЗМІСТ

<i>Шепель Ю.А.</i> Концептуальный анализ концептосферы художественного произведения.....	3
 УКРАЇНСЬКА ТА РОСІЙСЬКА МОВИ У ВЗАЄМОДІЇ З ЄВРОПЕЙСЬКИМИ МОВАМИ	
<i>Бєширова С.О.</i> Трансформації стійких сполучень слів у рекламних текстах.....	10
 ПЕРЕКЛАД ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ ЯК КОМУНІКАЦІЯ НАРОДІВ, МОВ І КУЛЬТУР	
<i>Бурковська Л.Д.</i> Історично віддалені тексти як проблема перекладу.....	13
<i>Привалова Ю.В.</i> Процесс протекания перевода художественных произведений с позиций семиотики.....	15
<i>Сарафанова О.Л., Акмурзина Л.Р.</i> Возможности перевода «говорящих» имен собственных в трилогии Роберта Сальваторе «Темный эльф».....	19
 РОЗВИТОК І ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ПОСТРАДЯНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ІСТОРІЇ	
<i>Ткач К.А., Міронова І.С.</i> Постмодернізм як літературне явище: розвиток і критика.....	22
 ІСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ КОРПУС СЕРЕД НАРОДІВ І КУЛЬТУР	
<i>Батоева С.А., Далечина Е.С.</i> Культура старообрядцев как фактор развития въездного и внутреннего туризма в забайкальском крае.....	26
 ЕТНОКУЛЬТУРНА ВЗАЄМОДІЯ НАРОДІВ СВІТУ	
<i>Григорьева Е.И., Перегудов А.А.</i> Формирование толерантного сознания молодежи как актуальная проблема современного общества.....	29
<i>Макаренко Т.А.</i> Народные промыслы как средство этнопедагогики.....	31
<i>Филипович И.В., Худницкая Е.В.</i> Виртуальный музей как средство этнокультурного взаимодействия народов мира.....	34
 СУЧАСНІ МОВИ І ЛІТЕРАТУРА В ОСВІТІ	
<i>Бабшанова Г.Н.</i> Профессиональная литература Сибири XX столетия.....	37
<i>Галямова Г.С.</i> Художественный мир произведений Габделя Махмута.....	39
<i>Дриняева О.А., Сухова Ю.В.</i> Онтолингвистические исследования в области глагольной лексики.....	41
<i>Заблодська Д.В.</i> Стилі мови та їх функціональні особливості.....	45

<i>Ковалева Н.А., Мовчан М.А.</i> Формирование межкультурной компетенции учащихся в контексте диалога культур.....	47
<i>Кузнецова Ю.А.</i> Литературное наследие сибирских татар.....	52
<i>Нагрибельна І.А.</i> Самостійне опрацювання компонентів комунікативного змісту навчання української мови як засіб формування мовної особистості.....	54
<i>Нищета В.А., Казанцева К.Ю.</i> Художественное пространство фантастической повести Э. Н. Успенского «Подводные береты».....	57
<i>Токарь О.В.</i> Изучение читателя художественной литературы проективными методиками.....	60
ФОЛЬКЛОР І ФОЛЬКЛОРИСТИКА НАРОДІВ СВІТУ	
<i>Антохі Л.І.</i> Обряд «папаруда» в Басарабії:	
семантико-генетичний дискурс.....	63
<i>Серегина М.А.</i> Паремии: теоретический анализ дефиниций.....	70
<i>Хілько І.Ю.</i> Жанрова специфіка української жіночої пісні.....	74
МОВНА І НАУКОВА КАРТИНА СВІТУ	
<i>Антонюк С.М.</i> Дитяче мовлення в літературному дискурсі.....	81
<i>Гончар А.В.</i> Специфика перевода каламбуров в рекламных текстах.....	83
<i>Деміна Н.С., Каслова А.А.</i> «Деньги» как сфера-источник и сфера-мишень в английской языковой картине мира.....	85
<i>Каслова А.А., Назукина А.Д.</i> Лингвокультурные и словообразовательные особенности имен собственных в американском политическом дискурсе.....	90
<i>Корнилова А.И.</i> Любовь как лингвокультурный концепт (на примере лирики группы Placebo).....	95
<i>Косенко О.П.</i> Мовні засоби маніпуляції в сучасних ЗМІ.....	97
<i>Кривуля В.О.</i> Особливості галузевого перекладу в просторі міжмовної комунікації наукової сфери.....	99
<i>Лемеш В.Г.</i> Механізми реалізації принципу урахування мовної картини світу читачів під час створення газетних текстів.....	102
<i>Лисейко Л.В.</i> Розвиток містичної літератури та її вплив на середньоверхньонімецьку мову.....	104
<i>Минзак О.В.</i> Моноантонімість як вимога до терміна.....	107
<i>Самарин А.В., Махнева М.В., Жежерина М.В.</i> Зооморфные метафоры в английской наивной картине мира.....	109
<i>Самарин А.В., Анненкова А.О., Бредихина К.С.</i> Объединения животных как фрагменты английской языковой картины мира.....	111
<i>Сироткина Т.А.</i> Этнонимическое поле: основные признаки и конституенты.....	113
<i>Шевандіна Л.С.</i> Емоційна обумовленість особливостей синтаксичних структур німецького розмовного мовлення.....	115

Наукове видання

Мови видання: українська, російська

Міжнародна науково-практична конференція
«ДЕНЬ НАУКИ»
(17–18 листопада 2011 року)

Збірник наукових праць

*За загальною редакцією доктора філологічних наук,
професора Шепеля Ю. О.*

*Окремі доповіді друкуються в авторській редакції
Організаційний комітет не завжди поділяє позицію авторів
За точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів*

Відповідальний редактор Біла К.О.
Комп'ютерна верстка Капуш О.Є.
Дизайн обкладинки Косолапов О.В.
Технічний редактор Капуш О.Є.

Підп. до друку 28.11.11. Формат 60x84¹/₁₆.
Ум.др.арк. 7,9. Тираж 100 пр. Зам. № 1111-12.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи ДК № 3618 від 06.11.2009

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.
Поштова адреса: Україна, 49087, м. Дніпропетровськ,
п/в 87, а/с 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com

e-mail: conf@confcontact.com